

ЭВОЛЮЦІЯ ТОРГОВЛИ

У РАЗЛИЧНЫХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ РАСЪ.

ШАРЛЯ ЛЕТУРНО.

Торговля! Можно-ли въ достаточной мѣрѣ
превознести или заклеить ее? Она — вели-
чайшее зло, преисполненное всяческихъ благъ.

Ch. Letourneau.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Т. БОГДАНОВИЧЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1898.

ГЛАВА I.

Происхожденіе торговли.

I. Торговля у животных.—Отсутствіе торговли, напоминающей торговлю у людей.—Отсутствіе продуктовъ производства, подлежащихъ обмѣну.—Обмѣнъ услугами, но не вещами.—Случай обмѣна между человѣкомъ и животнымъ.—II. Огнеземельцы.—Подарки, но не обмѣнъ.—Свидѣтельство Байрона и Дарвина.—III. Австралийцы.—Отсутствіе представленія о торговлѣ у австралийцевъ.—Презрѣніе къ продуктамъ производства.—Отсутствіе обмѣна; воровство.—Подобіе обмѣна между кланами.—Начало торговли съ европейцами.—IV. Веддахи на Цейлонѣ.—Способъ торговли у нихъ.—V. Эскимосы.—Ихъ происхожденіе.—Ловкіе торговцы.—Какъ происходитъ торговля.—Древнѣйшія формы торговли.—Нечестность при торговлѣ съ европейцами.—Племенная нравственность.—Почти полное отсутствіе личной собственности.—Уничтоженіе личной собственности при смерти.—Все принадлежитъ всѣмъ.—Торговля женщинами.—Нечестность по отношенію къ иностранцу.—Страсть къ торговлѣ.—Торговля съ европейцами.—Обмѣнъ между эскимосами.—VI. Эпоха, предшествующая торговлѣ.—Торговля не свойственна первобытнымъ людямъ.—Форма торговли.—Безполезность торговли въ эпоху племенного быта.

I. Торговля у животныхъ.

Разсмотрѣвъ социальную и этнографическую исторію войны, производившей столько разъ смѣшеніе расъ и народовъ, я изслѣдую теперь тѣмъ же методомъ исторію торговли, т. е. мирнаго обмѣна между различными группами людей. У современныхъ народовъ подъ словомъ «торговля» подразумѣвается главнымъ образомъ обмѣнъ продуктами производства; но иначе обстоитъ дѣло въ первобытныя времена, когда все производство сводится къ изготовленію для собственнаго употребленія необходимаго оружія и орудій. Въ ту эпоху обмѣну подлежатъ не только вещи, но и люди, напримѣръ, рабы, захваченные въ плѣнъ во время войны.

Благодѣтельныя стороны торговли много, быть можетъ, даже слишкомъ много превозносились. «Мы не можемъ достаточно оцѣнить,—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль,—ту пользу, какая проистекаетъ въ первобытныя времена отъ того, что люди входятъ въ сношеніе съ другими людьми, обладающими другими привычками, другимъ складомъ жизни». Нисколько не отрицая вообще пользы мирныхъ сношеній между различными группами людей, мы должны однако обращать вниманіе на мотивы этихъ сношеній. Рабство ведетъ свое происхожденіе отъ войны;

конечно, съ одной стороны возможность извлекать коммерческую выгоду изъ плѣнныхъ сильно ограничивала убійство побѣжденныхъ, но съ другой она же побуждала воевать съ исключительною плѣлю добыть живой товаръ. Такимъ образомъ торговля плѣнными уменьшала сопровождающія войны злодѣянія и увеличивала количество войнъ, производящихъ злодѣянія. Почти всегда, и я надѣюсь не разъ въ этой книгѣ доказать это, торговля имѣла и полезныя, и вредныя стороны. И хвалить, и порицать ее слѣдуетъ съ большими оговорками.

Но, прежде чѣмъ приступить къ соціологической исторіи торговли, мы должны задаться вопросомъ, составляетъ ли торговля исключительную принадлежность человѣческаго рода. До сихъ поръ, изслѣдуя различные виды соціальной дѣятельности, я всегда отыскивалъ среди животныхъ явленія, въ большей или меньшей степени аналогичныя съ крупными соціологическими явленіями въ людской средѣ; или, по меньшей мѣрѣ, я могъ установить, что первобытныя общества людей поступали совершенно такъ же, какъ животныя. Въ отношеніи къ торговлѣ сходство между животнымъ и человѣкомъ менѣе поразительно. Конечно, продукты производства животныхъ сильно отличаются отъ продуктовъ производства людей: жилища бобровъ, пчелиные ульи, фаланстеры термитовъ, гнѣзда птицъ и т. п. не имѣютъ ничего общаго съ товаромъ; но нѣсколько иной характеръ имѣютъ пищевые запасы; такъ, напри- мѣръ, зерна, собираемыя муравьями-земледѣльцами въ Техасѣ, или тля, служащая молочнымъ скотомъ для муравьевъ, которыхъ можно назвать пастушескими, или, наконецъ, рабы муравьевъ-рабовладѣльцевъ могли бы съ удобствомъ играть роль предметовъ обмѣна. Но въ дѣйствительности мы не наблюдаемъ ничего подобнаго; муравьиныя общества добываютъ себѣ личинки и даже жилища сосѣднихъ общинъ исключительно съ помощью нападеній и грабежа. Въ мірѣ животныхъ до сихъ поръ еще не было замѣчено ни одного случая мирнаго обмѣна. Если еще есть сторонники теоріи исключительности человѣческаго рода, то имъ лучше всего, оставивъ въ сторонѣ мнимыя нравственныя и религіозныя особенности людей, опереться именно на эту исключительную способность къ торговлѣ.

Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, и изъ людей не всѣ одарены этой способностью, а съ другой стороны, если у животныхъ не существуетъ обмѣна вещами, зато часто наблюдается обмѣнъ услугъ, а въ этомъ и заключается самая характерная черта торговли. Мнѣ столько разъ приходилось описывать организацію муравейниковъ и ульевъ, что я не буду останавливаться на этомъ подробно. Напомню только муравьевъ-амазонокъ, которыхъ кормятъ ихъ рабы и которые, съ своей стороны, защищаютъ этихъ рабовъ. Можно прямо сказать, что взаимность услугъ составляетъ самую прочную основу муравьиныхъ и пчелиныхъ обществъ; отсюда развился и у тѣхъ, и у другихъ настолько сильный альтруистическій инстинктъ, что онъ одерживаетъ верхъ иногда

надъ самыми настоятельными потребностями—даже надъ голодомъ. Парель видѣлъ, какъ муравьи, голодавшіе въ теченіе четырехъ дней, уступали своимъ товарищамъ предложенный имъ медъ, а эти послѣдніе, въ свою очередь, дѣлились крошечными капельками съ тѣми, кто еще ничего не получилъ.

У нѣкоторыхъ животныхъ этотъ обмѣнъ услугъ имѣетъ еще больше сходства съ торговлей; такъ стада газелей и зебръ принимаютъ къ себѣ иногда страуса въ качествѣ бдительнаго сторожа. Между человекомъ и собакой существуетъ постоянный обмѣнъ услугъ, основанныхъ на расчетѣ съ одной стороны и на дружбѣ—съ другой. Можетъ быть, естественныя испытатели, заинтересованные нравственностью животныхъ, откроютъ случаи настоящаго обмѣна, когда они обратятъ вниманіе на эту сторону жизни животныхъ. Вотъ, между прочимъ, интересный фактъ, который любилъ рассказывать норманскій зоологъ Нурри, консерваторъ зоологическаго музея въ Эльберфѣ. Нурри—человѣкъ чрезвычайно оригинальный,—питалъ въ теченіе всей своей жизни положительную страсть къ зоологiи. Много лѣтъ подрядъ онъ бродилъ по Европѣ, охотясь за животными и наблюдая ихъ нравы. Онъ главнымъ образомъ интересовался птицами и старался, если возможно, достать самца, самку, дѣтенышей и гнѣздо каждой породы. Онъ не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, ни расходовъ для удовлетворенія своей орнитологической страсти и собралъ зато множество чрезвычайно интересныхъ фактовъ, ускользающихъ отъ кабинетныхъ натуралистовъ. Вотъ тотъ случай, о которомъ я началъ говорить.

На этотъ разъ дѣло идетъ о настоящемъ торговомъ обмѣнѣ между человекомъ и птицей. Нурри охотился въ Альпахъ за громаднымъ филиномъ, онъ надѣялся поймать или убить его, но никакъ не могъ найти его гнѣзда. Одинъ горный житель, къ которому онъ обратился съ этимъ вопросомъ, сказалъ ему, что онъ хорошо знаетъ, гдѣ гнѣздо, и охотно покажетъ ему съ условіемъ, что охотникъ не причинитъ никакого вреда птицѣ. «Онъ кормитъ насъ въ теченіе большей части года», прибавилъ охотникъ. И онъ объяснилъ, что лѣтомъ охота давала филину столько добычи, что можно было смѣло брать у него десятую часть; онъ это и дѣлалъ и аккуратно приходилъ за добычей въ гнѣздо. Птица привыкла дѣлиться своимъ избыткомъ и не старалась защищать свое имущество. Зато съ наступленіемъ зимы, когда филинъ съ трудомъ находилъ себѣ пропитаніе, человѣкъ, въ свою очередь, приносилъ ему куски мяса; и этотъ выгодный для обѣихъ сторонъ обмѣнъ мирно продолжался нѣсколько лѣтъ сряду.

Этотъ случай показываетъ, что животные не совсѣмъ чужды торговлѣ, нужно только, чтобы человѣкъ заронилъ въ нихъ соотвѣтствующую идею.

Въ заключеніе, если не слишкомъ расширять понятіе о торговлѣ, какъ ее понимаютъ люди, слѣдуетъ сказать, что это понятіе не рож-

дается самопроизвольно въ умѣ животнаго. Но мы не должны вывести отсюда, что въ этомъ заключается характерное отличие между людьми и животными; есть люди, настолько же чуждые идеѣ торговли, какъ и животные. Мы убѣдимся въ этомъ, бросивъ бѣглый взглядъ на самыя низшіе разновидности человѣческой породы.

II. Жители Огненной Земли.

Исслѣдованіе наше должно начаться съ самыхъ низшихъ племенъ человѣческихъ, т. е. съ обитателей Огненной Земли. Капитанъ Байронъ, проплывшій Магеллановъ проливъ въ 1765 г., рассказываетъ, что они отвѣчали на подарки тоже подарками, но ничего больше онъ не говоритъ. Прежде всего, рассказываетъ путешественникъ, семь туземцевъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами съ каменными зеленоватыми наконечниками, подѣхали къ кораблю на своихъ жалкихъ лодочкахъ изъ коры; имъ дали разныхъ бусъ и другихъ бездѣлушекъ, а они взамѣнъ предложили свои луки и стрѣлы. На другой день нѣсколько офицеровъ сошли на берегъ отдать имъ визитъ. Огнеземельцы осыпали ихъ изъявленіями дружбы, срывали для нихъ плоды и т. п. Но этотъ обмѣнъ подарковъ совсѣмъ не имѣлъ торговаго характера. На слѣдующій годъ капитанъ Валлисъ, путешествуя по тѣмъ же странамъ, немного сѣвернѣе, осыпалъ туземцевъ подарками (ножи, ножицы, бусы, гребенки, ленты), но никакъ не могъ заставить ихъ понять, что ему нужны казуары и игуаны, убитые огнеземельцами и лежавшіе тутъ же.

По мнѣнію Дарвина, въ началѣ нынѣшняго вѣка огнеземельцы стали приобрѣтать нѣкоторое понятіе о торговлѣ, но факты, на которыхъ великій натуралистъ основываетъ это утвержденіе, повидимому, мало доказательны. «Я далъ,—рассказываетъ онъ,—одному изъ нихъ большой гвоздь—очень цѣнный подарокъ въ этой мѣстности, ничего не прося у него взамѣнъ; но онъ сейчасъ-же выбралъ двухъ рыбъ и подаль мнѣ на концѣ копья». Въ дѣйствительности это могло быть простымъ обмѣномъ любезностей. Ни одинъ изъ огнеземельцевъ не помышляетъ о томъ, чтобы стать богаче другихъ: «Если одному изъ нихъ,—говоритъ Дарвинъ,—дать кусокъ матеріи, онъ разорветъ ее на части и дастъ каждому его долю».

III. Австралійцы.

Въ прошломъ вѣкѣ австралійцы не имѣли, повидимому, ни малѣйшаго представленія о торговлѣ. Капитанъ Кукъ, изслѣдователь, достойный всякаго довѣрія, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. Онъ рассказываетъ, что когда онъ бросалъ австралійцамъ, подливавшимъ на своихъ пирогахъ изъ коры, разныя мелочи—гвозди,

бусы, бумажки, куски матеріи.—они не выражали ни малѣйшаго удовольствія. «Наконецъ,—продолжалъ онъ,—одинъ изъ матросовъ далъ имъ маленькую рыбку; при этомъ подаркѣ они выказали живѣйшую радость и объяснили намъ знаками, что вернутся на берегъ за своими товарищами». На берегу, заключилъ капитанъ Кукъ, у двухъ изъ туземцевъ были ожерелья изъ раковинъ, и что мы имъ ни предлагали въ обмѣнъ, они не соглашались уступить ихъ.

На кораблѣ ихъ заинтересовали исключительно пойманные матросами черепахи. Они во что бы то ни стало хотѣли взять одну изъ черепахъ. «Они знаками просили ихъ у насъ и, получивъ отказъ, выражали взглядами и жестами гнѣвъ и досаду. Я предложилъ одному изъ нихъ сухарь, онъ вырвалъ его у меня изъ рукъ и бросилъ въ море съ явнымъ пренебреженіемъ. Другой обратился съ тою же просьбою къ м-ру Бакку (товарищу Кука) и, получивъ вторичный отказъ, сталъ топтать ногами и съ негодованіемъ оттолкнулъ его». Наконецъ, они попытались силою овладѣть черепахами и потащили ихъ къ лодкамъ. Имъ нѣсколько разъ помѣшали въ этомъ, они съ яростью соскочили въ свои лодки и, добравшись до берега, сейчасъ же начали враждебныя дѣйствія, стали подкладывать головки подъ палатки, разбитыя тамъ англичанами.

Очевидно, что австралійцы, которыхъ наблюдалъ Кукъ, не имѣли ни малѣйшаго представленія о торговомъ обмѣнѣ. Между тѣмъ, есть основаніе думать, что между отдѣльными кланами у нихъ бывали изрѣдка случаи обмѣна. У племени Нарриньери сохранился старый обычай, по которому только одинъ человѣкъ изъ всего племени, предназначенный къ этому отъ самаго рожденія, могъ за всѣхъ своихъ одноплеменниковъ совершать мѣны съ представителемъ сосѣдняго племени.

Иначе шла дѣла по сосѣдству съ европейскими городами. Кунинтамъ рассказываетъ, что племена, жившія вблизи Сиднея, ловили рыбу сѣтями и удочками, которыми ихъ снабжали колонисты. Почти всю пойманную рыбу они приносили бѣлымъ и получали отъ нихъ въ обмѣнъ старое платье, хлѣбъ, табакъ и ромъ.

IV. Веддахи и жители Цейлона.

Рядомъ съ австралійцами, а быть можетъ, еще ниже ихъ, надо поставить древнѣйшихъ обитателей Цейлона, теперь уже почти вымершихъ, загнанныхъ въ лѣса и горы завоевателями-индусами. Они обыкновенно бродятъ небольшими группами по лѣсамъ, отыскивая себѣ ночью убѣжище въ пещерахъ или на вѣтвяхъ деревьевъ, гдѣ они устраиваютъ нѣчто въ родѣ гнѣздъ, какъ большія обезьяны. Пища ихъ состоитъ изъ плодовъ, корней, а иногда изъ животныхъ, подстрѣленныхъ ими на охотѣ; имъ извѣстно употребленіе лука. По всей вѣроятности, они не сами изобрѣли его, быть можетъ, это служить

указаніемъ, что они представляютъ собой остатокъ выродившейся расы. Стрѣлы ихъ снабжены металлическими наконечниками, и они вынуждены добывать ихъ у цейлонскихъ кузнецовъ, такъ какъ сами они не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о металлахъ. Съ этими стрѣлами они могутъ нападать на самыхъ крупныхъ звѣрей даже на слоновъ, почему имъ крайне необходимо добывать драгоценные наконечники съ помощью торговыхъ сдѣлокъ. Для этой цѣли они входятъ въ сношеніе съ какимъ-нибудь кузнецомъ господствующей расы и предлагаютъ ему все что имѣютъ: сушеную оленину, слоновые клыки, медъ, воскъ. Когда цѣна установлена, болѣе смѣлые отваживаются на прямой обмѣнъ. Менѣе рѣшительные дѣйствуютъ иначе. Они кладутъ въ условленное мѣсто свои приношенія и скрываются. Кузнецъ уноситъ ихъ и кладетъ на тоже мѣсто определенное количество желѣзныхъ наконечниковъ. Обыкновенно кузнецъ поступаетъ вполне добросовѣстно, такъ какъ иначе онъ подвергнулъ бы себя мести своихъ дикихъ за-казчиковъ.

Обмѣнъ этотъ совершается обыкновенно ночью и иногда веддахи условными знаками обозначаютъ, сколько они хотятъ получить. Вотъ три первобытныхъ человѣческихъ расы, не имѣвшихъ представленія о торговлѣ и прекрасно обходившихся безъ нея, пока не появились иноземцы и видомъ новыхъ предметовъ не возбудили въ нихъ неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ потребностей.

V. Эскимосы.

Продолжая нашъ бѣглый обзоръ низшихъ расъ, мы перенесемся теперь съ Цейлона на крайній сѣверъ Америки, въ безграничныя снѣжныя пустыни, гдѣ круглый годъ бродятъ небольшія группы эскимосовъ, охотясь за тюленями и бѣлыми медвѣдями. Откуда пришли эти номады? Вѣроятно, изъ сѣверной Азіи, такъ какъ Беринговъ проливъ никогда не служилъ серьезнымъ препятствіемъ для эскимосовъ, занимающихъ оба его берега. Эта раса вообще очень однородна, и нравы камчадаловъ мало чѣмъ отличаются отъ нравовъ жителей Гренландіи. Въ прежнія времена эскимосы занимали и болѣе южныя мѣстности, но понемногу, сначала краснокожіе, а потомъ европейцы отгѣснили ихъ въ полярныя страны, куда и теперь приходятъ къ нимъ европейскіе купцы за мѣхами. Теперь эскимосы, живущіе на Аляскѣ, по большей части хрістіане, ходятъ въ церковь, посылаютъ дѣтей своихъ въ школу и живутъ въ деревянныхъ домахъ.

Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ купцами, они очень скоро пристрастились къ торговлѣ. Парри, путешествовавшій въ тѣхъ странахъ, рассказываетъ, что и мужчины, и женщины подплывали къ нему въ лодкахъ и казались очень опытными въ торговлѣ, они торговались съ ожесточеніемъ, и у нихъ выработались уже своеобразныя приемы.

«Если, напримѣръ, мы предлагали имъ въ обмѣнъ за какую-нибудь вещь ножъ, они нѣсколько времени колебались, и только убѣдившись, что мы твердо рѣшили не давать ничего больше—соглашались. Въ такомъ случаѣ они *два раза* лизали предложенную имъ вещь, послѣ чего считали торгъ оконченнымъ».

Нѣсколько южнѣе торговля сношенія ведутся еще оживленнѣе. Такъ, между двумя берегами Берингова пролива торговля не прекращается. Но всего больше эскимосы торгуютъ съ населеніемъ русскихъ владѣній, большей частью смѣшаннымъ съ индѣйцами и эскимосами же. Торговля происходитъ обыкновенно тѣмъ способомъ, о которомъ я уже не разъ упоминалъ. Обѣ стороны раскладываютъ поочередно свои товары на условленномъ мѣстѣ. Если предложенныя вещи не удовлетворяли одну изъ сторонъ, она уносила обратно свой товаръ; если же и тѣ, и другіе оставались довольны, они брали предложенныя вещи и расходились, не видѣвъ другъ друга, и торгъ считался оконченнымъ.

Надо отмѣтить, что во время этихъ торговыхъ сношеній эскимосы не отличаются особенной честностью, такъ какъ, согласно ихъ взглядамъ, обмануть иноземца не только не преступно, а напротивъ, очень похвально, только при условіи—не попадаться. Иное дѣло по отношенію къ своимъ одноплеменникамъ. Все племя обязано оказывать помощь каждому своему члену. Собственность у нихъ общая. Въ Гренландіи, напримѣръ, каждый человекъ можетъ владѣть на правахъ частной собственности только необходимой ему одеждой, пищей, оружіемъ, нѣсколькими инструментами и лодочкой. Если же у него очутилось случайно болѣе двухъ лодокъ, то онъ обязанъ уступить лишнія сосѣду. У камчадаловъ, личная собственность распространяется также на оленей. Послѣ смерти эскимоса его оружіе, одежда, а иногда и тотъ олень, на которомъ онъ ѣздилъ, сжигаются. Кромѣ того, право эскимосовъ даже на тѣ предметы, которые признаются ихъ личной собственностью, довольно ограничено. «Если кому-нибудь оказывается нужна вещь, находящаяся у его сосѣда, рассказываетъ одинъ путешественникъ по Камчаткѣ, онъ приходитъ къ нему и безъ особыхъ формальностей говоритъ, что ему нужно. Владѣлецъ вещи, слѣдуя мѣстнымъ обычаямъ, даетъ ему, что онъ проситъ. Въ свою очередь, если ему встрѣтится надобность въ чемъ-нибудь, онъ поступитъ точно также». Такого рода обычаи, доводящіе право собственности до минимума, почти уничтожаютъ потребность въ торговлѣ. Эскимосамъ остается только торговать своими собаками, когда онѣ имъ не нужны, и своими женами, [когда изъ нихъ можно извлечь какую-нибудь выгоду. Иногда они соглашаются продать своихъ собакъ, а своими женами они всегда торгуютъ охотно. И теперь всякаго путешественника по полярнымъ странамъ Америки осаждаютъ женщины, прося его продать имъ табакъ. Табакъ, привезенный туда европейцами, служитъ обыкновенной платой за женщину.

Согласно эскимосскимъ нравамъ кража у чужеземца не только не возбраняется, но напротивъ поощряется. Впрочемъ, исключеніе дѣлается для гостя. Внутри своей юрты эскимось никогда не обидитъ чужеземца. Аббатъ Петито рассказываетъ, что эскимосы украли у него нѣсколько вещей и, между прочимъ, его собаку, и когда были пойманы, выражали сожалѣніе только о томъ, что такъ глупо дали поймать себя. Но какъ только тотъ же аббатъ поселился въ юртѣ одного изъ эскимосовъ, хозяинъ сталъ тщательно оберегать его вещи и аккуратно приносилъ ему всякую оброненную имъ иголку.

Эскимосы отличаются вообще большою ловкостью въ разнаго рода издѣліяхъ: они выдѣлываютъ удочки и ящички изъ слоновой кости, металлическія трубки съ инкрустаціями и т. п. Кромѣ того они приготавливаютъ разные предметы, идущіе исключительно краснокожимъ. Они знаютъ мѣдь, умѣютъ ковать металлы и гранить драгоценные камни. Наконецъ, они ткнутъ и прядутъ изъ шерсти разныхъ животныхъ и выдѣлываютъ разныя издѣлія изъ кожи. Зачатки европейской цивилизаціи прививаются къ эскимосамъ довольно легко. Вокругъ европейскихъ колоній въ Аляскѣ ютится теперь множество эскимосскихъ селеній, съ деревянными домами и школами, одежда ихъ тоже приближается къ европейскому покрою. Въ извѣстное время года въ эти селенія съѣзжаются другіе эскимосы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. У нихъ устраивается нѣчто въ родѣ ярмарки. Первый день посвящается обыкновенно банѣ и разнымъ играмъ, на второй начинается собственно торговля. Эскимосы тщательно разсматриваютъ выставленные въ магазинахъ товары и потомъ, намѣтивъ, что имъ нужно, предлагаютъ въ обмѣнъ свои издѣлія и сейчасъ же уносятъ приобретенныя вещи въ свои лодки. Нѣкоторые покупаютъ не только для себя, но и для перепродажи въ своихъ мѣстахъ. Занятія торговлей чередуются съ общими играми, танцами и другими увеселеніями, такъ какъ эскимосы вообще веселаго характера.

Нужно замѣтить, что чистые эскимосы менѣе склонны воспринимать европейскіе нравы, чѣмъ метиссы: они не отказываются отъ торговыхъ сношеній съ бѣлыми, но потомъ опять удаляются въ свои сѣверныя юрты. Это удаленіе отъ бѣлыхъ даетъ имъ больше шансовъ сохранить свое существованіе, такъ какъ наша цивилизація, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она переходитъ къ дикарямъ, въ концѣ концовъ все-таки ведетъ къ ихъ истребленію. Теперь мы можемъ формулировать нѣсколько общихъ выводовъ относительно происхожденія торговли.

VI. Эпоха, предшествующая торговлѣ.

Намъ, людямъ цивилизованнымъ, торговля представляется дѣломъ чрезвычайно простымъ; мы склонны думать, что съ тѣхъ поръ, какъ люди живутъ на землѣ, они естественно должны были приобретать съ

помощью торговли разныя полезныя и необходимыя для нихъ вещи. Но мы только что видѣли, что среди низшихъ человѣческихъ расъ есть такія, которыя еще очень недавно не имѣли ни малѣйшаго представленія о торговлѣ. Одинъ взглядъ на первоначальное развитіе человѣческихъ обществъ раскроетъ намъ причину этого.

Человѣкъ, какъ и животныя, жилъ сначала безпорядочными ордами и имѣлъ о торговлѣ такое же представленіе, какъ стада дикихъ обезьянъ. Такой, приблизительно, образъ жизни ведутъ и до сихъ поръ огнеземельцы. Также, конечно, жили бы веддахи, если бы сосѣдство съ болѣе культурными расами не внушило имъ представленія о нѣкотораго рода робкомъ обмѣнѣ, окруженномъ разными предосторожностями, при которомъ торгующія стороны не видятъ другъ друга.

За племеннымъ бытомъ слѣдуетъ быть родовой. Родъ значительно выше племенной орды, это уже маленькое общество, гдѣ всѣ другъ съ другомъ въ родствѣ и никто не можетъ быть покинутъ. Такого рода устройство сохранилось еще до сихъ поръ въ Австраліи, но уже не въ самомъ первобытномъ видѣ. Этотъ родовой бытъ тоже мало располагаетъ къ торговлѣ. Съ другими кланами существуютъ только враждебныя отношенія; внутри же рода все общее; отсутствіе земледѣлія и скотоводства и ограниченность потребностей дѣлаетъ торговлю совершенно излишнею. Каждому члену рода принадлежитъ только его оружіе, имъ самимъ сдѣланное и совершенно сходное съ оружіемъ его сосѣдей. Единственный предметъ, которымъ можно торговать — женщина, и это дѣйствительно практикуется. По смерти человѣка все, принадлежавшее ему лично, уничтожается. Изрѣдка только происходитъ торговый обмѣнъ между различными родами.

Это бѣдное существованіе, лишенное интереса и разнообразія, притупляетъ умъ, убиваетъ фантазію и любознательность. Мы видѣли, что австралійцевъ на англійскомъ кораблѣ заинтересовали исключительно черепахи, и они постарались присвоить ихъ не путемъ какого-нибудь обмѣна, а исключительно силою.

Эскимосы переживаютъ тоже родовой бытъ, но уже менѣе первобытны. До столкновеній съ бѣлыми и краснокожими, у нихъ не было представленія о торговлѣ. Но въ ихъ родахъ существовала уже нѣкоторая частная собственность, и поэтому торговля гораздо скорѣе привилась къ нимъ, хотя они всегда готовы предпочесть кражу обмѣну. Мало-по-малу они сдѣлались ловкими и хитрыми торговцами, они торговали не только своими мѣхами, оружіемъ и орудіями, но стали даже выдѣлывать товары специально для продажи. Болѣе практичныя, чѣмъ остальные дикари, они не придаютъ никакого значенія мелочамъ и стараются, главнымъ образомъ, пріобрѣтать полезныя для себя вещи.

ТОРГОВЛЯ У ЧЕРНЫХЪ РАСЪ.

ГЛАВА II.

Торговля у папуасовъ и африканскихъ негровъ.

I. Обмѣнъ у папуасовъ. Дѣленіе черныхъ расъ.—Эпоха, предшествовавшая торговлѣ у папуасовъ.—Подарки, но не торговля.—Необходимый обмѣнъ.—Знакомство съ торговлей у иностранцевъ.—Ни денегъ, ни рынковъ въ Новой Гвинее.—Первоначальное довѣріе, честность.—Торговые рынки въ Новой Каледоніи.—Бѣлые портятъ торговлю.—Торговый грабежъ въ Новой Гвинее.—Торговля дѣтьми и дѣвушками.—Раковины, украшенія и коври въ качествѣ денегъ.—Принудительные долги.—Военные кредиторы.—Личная собственность.—Общественная собственность.—II. Готтентоты. Эпоха, предшествовавшая торговлѣ у готтентотовъ и бушменовъ.—Начало торговли табакомъ.—Первые комми-вояжеры.—Первобытная честность готтентотовъ.—III. Торговля у западныхъ африканцевъ.—Геродотъ и торговля въ Ливіи.—Переживаніе тѣхъ же пріемовъ въ наше время.—Торговая жадность негровъ.—Товары.—Рынки въ Конго.—Мѣдные деньги.—Раковины—каурисъ и соль.—Торговля рабами.—Рабовладѣлецъ.—Рабъ и женщина—домашнія животныя.—Общественная собственность и товаръ на Нигерѣ.—Порча нравовъ, внесенная торговлей.—Торговля предводителей.—Торговые караваны и флотиліи.—Транзитная торговля.—Займы и ссуды.—Должники.—IV. Торговля у низшихъ негритянскихъ племенъ.—Начало торговли.—Собственность и торговля.—Зарожденіе страсти къ торговлѣ.—Товары, играющіе роль денегъ.—Украшенія.—Первобытная промышленность и торговля.—Роль металловъ въ торговлѣ.—Рабъ, замѣняющій деньги.

I. Обмѣнъ у папуасовъ.

Многіе антропологи пытались установить систематическую классификацію человѣческихъ расъ, но никому не удалось довести это до конца, такъ какъ родъ человѣческій слишкомъ сложенъ и разнообразенъ.

Я буду придерживаться самой грубой и общепринятой классификаціи, дѣлящей человѣчество на черныя, желтыя и бѣлыя расы. Эти три крупныя подраздѣленія человѣческаго рода соотвѣтствуютъ въ общемъ тремъ ступенямъ нравственнаго и умственнаго развитія; хотя, взятые въ отдѣльности, многіе бѣлые могутъ, конечно, стоять ниже желтокожихъ и даже чернокожихъ.

Съ другой стороны я выдѣлилъ въ предыдущей главѣ нѣкоторыя, уже исчезающія племена, отличающіяся своеобразными особенностями, хотя по цвѣту кожи они и принадлежатъ къ одной изъ упомянутыхъ группъ.

Теперь мы посмотримъ, какой ступени въ отношеніи торговли достигли папуасы, эти чернокожіе съ вьющимися волосами, очень напоминающіе ниже-африканскихъ негровъ; живутъ они къ сѣверу и западу отъ Австраліи, на островахъ: Новой Каледоніи, Новой Гвинее, Новыхъ Гебридскихъ и т. д.

Въ прошломъ вѣкѣ, когда въ первый разъ европейцы пристали къ этимъ островамъ, папуасы не вышли еще изъ эпохи полированного камня,

но они были гораздо искуснѣе въ разныхъ мастерствахъ, чѣмъ австралійцы; они употребляли лукъ и стрѣлы, ихъ лодки и хижины были сдѣланы очень хорошо; они обладали даже гончарнымъ искусствомъ, такъ что могли бы готовить предметы обмѣна, но съ торговлей они были еще очень мало знакомы, а къ чужестранцамъ относились враждебно. Они ни подъ какимъ видомъ не соглашались продать капитану Куку свои браслеты и украшенія, но очень охотно принимали и дѣлали подарки въ знакъ дружбы. Когда капитанъ Кукъ безъ оружія и съ зеленой вѣткой въ рукахъ приблизился къ группѣ островитянъ, изъ ихъ среды сейчасъ же навстрѣчу ему тоже выступилъ предводитель съ зеленой вѣткой и они дружески обмѣнялись вѣтвями. Вслѣдъ за этимъ приведенъ былъ поросенокъ и въ обмѣнъ вождь папуасовъ съ видимымъ удовольствіемъ принялъ предложенный ему кусокъ матеріи. Но на этомъ и кончился обмѣнъ; англичанамъ никакимъ способомъ не удалось убѣдить островитянъ продать имъ необходимую для нихъ провизію.

Возможно, конечно, что папуасы просто потому не хотѣли вступать въ торговые сношенія съ англичанами, что тѣ были имъ совсѣмъ незнакомы. По крайней мѣрѣ, теперь между различными островами существуетъ самый дѣятельный торговый обмѣнъ; нѣкоторые маленькіе острова только и живутъ торговлей. Такъ напримѣръ, жители острова Алиты, на которомъ нѣтъ ни полей, ни садовъ, покупаютъ всю свою пищу на Гвадальканарскихъ островахъ, платя за это разными украшениями своего издѣлія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что необходимость съ давнихъ поръ превратила этихъ островитянъ въ торговцевъ. Въ настоящее время европейцы съ одной стороны и малайцы — съ другой привили папуасамъ настоящую страсть къ торговлѣ.

Жители Новой Гвиней развозятъ статуэтки и ножи съ роговыми ручками своей работы по всѣмъ окрестнымъ островамъ. Торгуютъ также оружіемъ, особенно копьями съ каменными наконечниками. Однимъ словомъ, новогвинейцы превратились въ завзятыхъ купцовъ. Торговля тамъ совершается посредствомъ простого непосредственнаго обмѣна, никакихъ денежныхъ знаковъ, никакихъ рынковъ или ярмарокъ тамъ не существуетъ. Купецъ малаецъ имѣетъ дѣло съ каждымъ папуасомъ въ отдѣльности. Онъ вручаетъ ему свой товаръ, назначаетъ, что онъ хочетъ получить за него, и уѣзжаетъ далѣе. Потомъ, иногда черезъ много времени, онъ возвращается и если папуасъ не могъ достать, что требовалъ отъ него малаецъ, онъ возвращаетъ ему ссуженный товаръ. Честность въ этихъ отношеніяхъ господствуетъ полнѣйшая. Вообще, папуасы были чрезвычайно честны, пока ихъ не испортили европейцы. «Ни разу, — пишетъ одинъ французскій негодіантъ, посѣтившій Гебридскіе острова, въ нашей стоянкѣ не было совершено ни одной покражи, хотя мы совсѣмъ не стерегли своихъ вещей. Ни одинъ участокъ земли не былъ проданъ два раза. Они начинаютъ совершать подобныя мо-

шенничества только испорченные продолжительными торговыми сношеніями съ бѣлыми».

Едва ли не самымъ главнымъ предметомъ торговли въ Новой Гвинее служатъ рабы, которыхъ очень охотно скупаютъ малайцы; конечно, это влечетъ за собой такія же ужасныя послѣдствія, какъ и торговля неграми въ Африкѣ. Я не буду подробно останавливаться на этомъ, отмѣчу только одинъ спеціальныи видъ этой торговли, распространенный у папуасовъ, а именно продажа родителями дѣтей. Д'Альберти рассказываетъ, какъ однажды на маленькомъ островкѣ Новой Гвинее — Дюфорѣ, большой кусокъ желѣза сильно прельстилъ островитянъ, и они предложили ему въ обмѣнъ — мальчика лѣтъ десяти. Продавцы были, повидимому, его родственниками, но вслѣдъ затѣмъ прибѣжала его мать и, опираясь на свое право, стала требовать для себя одной такого же куска желѣза.

Роль денегъ у папуасовъ играютъ очень часто болѣе или менѣе красивыя раковины, по большей части уже отдѣланныя. Эти деньги вполне замѣняютъ наши металлическія. Какъ и у насъ они скопляются въ рукахъ болѣе экономныхъ или болѣе ловкихъ людей, и эти люди, тоже какъ у насъ, ссужаютъ ихъ на опредѣленные сроки за большіе проценты.

Кромѣ раковинъ, ту же роль у папуасовъ играютъ нѣкоторые другіе предметы украшенія, напимѣръ, перья красныхъ попугаевъ, главнымъ же образомъ цыновки. Ихъ плетутъ жены и дочери островитянъ, а иногда и спеціально нанятые для этого женщины, потомъ ихъ выдерживаютъ надъ огнемъ, чтобы окрасить ихъ въ черный цвѣтъ, и тщательно складываютъ складками опредѣленной величины. Количество складокъ опредѣляетъ ихъ цѣнность, цыновка, сложенная въ десять разъ, вдвое дешевле цыновки, имѣющей двадцать складокъ. Селеніе, владѣющее большимъ запасомъ цыновокъ, даетъ ихъ подъ залогъ, совершенно какъ наши кассы ссудъ.

Во всякой странѣ, гдѣ существуетъ подвижная размѣнная монета, неминуемо возникаютъ различныя кредитныя операціи. То же наблюдается и въ странѣ папуасовъ. Богатый человѣкъ, т. е. владѣлецъ большого количества цыновокъ или раковинъ, можетъ предписывать своему сосѣду такія условія займа, какія найдетъ для себя выгодными. Папуасская мораль осуждаетъ человѣка, занимающаго для того, чтобы давать въ свою очередь ссуды: но другое дѣло — попросить друга уплатить неотложный долгъ — «послужить щитомъ», какъ тамъ выражаются, противъ требованій кредитора. Съ другой стороны обычай разрѣшаетъ кредитору употреблять противъ должника принудительныя мѣры. Такъ, кредиторъ можетъ со своими женами и дѣтьми явиться къ должнику и послѣдній обязанъ содержать ихъ сутки. На слѣдующій день кредиторъ уходитъ, но возвращается снова, если это первое предупрежденіе не подѣйствовало. Впрочемъ, индивидуализмъ не зашелъ у нихъ такъ далеко, какъ у цивилизованныхъ народовъ, и

по большей части сосѣди, тронутые печальнымъ положеніемъ должника, складываются и освобождаютъ его.

Такіе обычаи предполагаютъ, конечно, существованіе частной собственности; она сводится, главнымъ образомъ, къ движимому имуществу—деньги, лодки, оружіе, орудія—и переходитъ обыкновенно по смерти къ дѣтямъ умершаго или къ дѣтямъ его сестры. Передачѣ по наслѣдству подлежатъ только тѣ вещи, которыя владѣлецъ ихъ могъ самъ достать или сдѣлать; поэтому дерево считается принадлежащимъ тѣмъ, кто его посадилъ и вырастилъ; но по той же причинѣ земля можетъ считаться частной собственностью только тогда, когда на ней построено жилище или когда она воздѣлана, а лѣсъ, напримѣръ, всегда составляетъ общую собственность. Кромѣ того, обработанные участки земли считаются владѣніемъ всей семьи и не могутъ быть проданы безъ согласія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ; до появленія европейцевъ продажа земли встрѣчалась чрезвычайно рѣдко и земельная собственность, какъ ни была она ограничена, считалась неотчуждаемой.

Мы еще очень недавно познакомились съ организаціей имущественныхъ отношеній у папуасовъ. Они интересуютъ насъ по столько, по скольку они подтверждаютъ добытыя въ другихъ мѣстахъ данныя относительно развитія собственности. Въ общемъ, это развитіе повсюду шло однимъ и тѣмъ же путемъ. Родовая собственность переходила въ семейную и, наконецъ, въ личную, съ тѣмъ ограниченіемъ, что распространялась она только на предметы, добытые или изготовленные владѣльцемъ. Изученіе жизни австралійскихъ островитянъ дало въ этомъ отношеніи не мало данныхъ. Теперь мы обратимся къ чернокожимъ обитателямъ африканскаго материка.

II. Готтентоты.

Въ южной части африканскаго материка мы найдемъ такую же выродившуюся расу, какъ и огнеземельцы,—остатокъ народовъ, пережившихъ и войны, и переселенія, и революціи въ ту отдаленную эпоху, когда человѣкъ еще не думалъ вести лѣтописи. Изучать такихъ эпигоновъ первобытнаго человѣчества чрезвычайно интересно. Это остатки древнихъ обитателей земли, выброшенные волнами далекаго прошлаго; они помогаютъ намъ возстановить это прошлое.

До прибытія европейскихъ колонистовъ готтентоты, а особенно самыя дикіе изъ нихъ—бушмены, не имѣли ни малѣйшаго представленія о торговлѣ. Вотъ случай, рассказанный въ отчетѣ миссіонера Моффа: «Одинъ колонистъ, пораженный тѣмъ, какъ трудно бушменнамъ кормить своихъ дѣтей послѣ отнятія отъ груди, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни молока, ни хлѣба, посоветовалъ имъ покупать козъ, платя за нихъ страусовыми перьями и шкурами животныхъ. Предложеніе это было встрѣчено громкимъ хохотомъ. Никогда предки ихъ не кормили скотъ. «Они—готтентоты созда-

ны для того, чтобы ѣсть, а не для того, чтобы кормить». Съ точки зрѣнія тихъ дикарей торговый обмѣнъ былъ чѣмъ то нелѣпымъ, быть можетъ даже преступимымъ. Тѣмъ не менѣе, европеецъ добился своего главнымъ образомъ а припомощи подарковъ. Онъ предлагалъ старшинамъ племени козъ, обѣщая имъ подарить еще, если они будутъ заботиться объ этихъ. На этомъ условіи они согласились и мало-по-малу стадо ихъ увеличилось и они стали сами умножать его посредствомъ обмѣновъ.

Готтентоты значительно цивилизованнѣе бушменовъ, они ведутъ уже пастушескій образъ жизни, но торговля тоже была неизвѣстна имъ до знакомства съ европейцами. Зато привилась она къ нимъ значительно быстрѣе, такъ какъ они владѣли разными искусствами, снабжавшими ихъ предметами для обмѣна. Они умѣли ковать металлы, обжигать горшки, дѣлать вещи изъ слоновой кости и т. п. Левалякъ, посѣтившій готтентотовъ, нашелъ ихъ уже немного знакомыми съ торговлей, онъ рассказываетъ съ наивной откровенностью, какіе выгодные обороты удалось ему совершить тамъ. На нѣсколько окурковъ сигаръ онъ вымѣнивалъ прекрасныя цыновки; за ножички, табакъ и тому подобныя мелочи онъ покупалъ упряжныхъ быковъ. Научившись обмѣну, готтентоты стали пользоваться и при сношеніяхъ другъ съ другомъ. Они стали выдѣлывать специально для продажи разныя вещи, напр., плетенныя корзины, въ которыхъ можно держать воду.

На нашихъ глазахъ у готтентотовъ проснулася любознательность, страсть къ торговлѣ и многія неизвѣстныя имъ раньше потребности. Отмѣтимъ также, что готтентоты, какъ и большинство незнакомыхъ раньше съ торговлей народовъ, отличались безукоризненной честностью въ торговыхъ сношеніяхъ, что не мѣшало имъ совершать грабежи у сосѣднихъ племенъ. У первобытныхъ людей кража вооруженной рукой не имѣетъ ничего общаго съ мошенничествомъ при мирныхъ сношеніяхъ.

III. Торговля у западныхъ африканцевъ.

Переходя отъ готтентотовъ къ настоящимъ африканскимъ неграмъ, мы увидимъ, что, хотя они занимаютъ невысокую ступень въ эволюціи торговли, но первые этапы на этомъ пути уже давно пройдены ими. Египтяне, финикійцы, арабы и европейцы поочередно стремились ознакомить ихъ съ торговыми приемами. Самые первобытные способы торговли уже не употребляются у нихъ теперь. Но ихъ отдаленнымъ предкамъ они были хорошо извѣстны. Вотъ что говоритъ по этому поводу Геродотъ: «Карфагеняне рассказываютъ еще слѣдующее: Въ одной мѣстности Ливіи за Геркулесовыми столбами живутъ люди, съ которыми они ведутъ торговлю. Они выгружаютъ свои товары, раскладываютъ ихъ на берегу, возвращаются на корабль и разводятъ большой костеръ. При видѣ дыма жители собираются на берегу моря и кладутъ тутъ же золото; потомъ они удаляются. Карфагеняне воз-

8.12.2

вращаются, разсматриваютъ, и если они находятъ, что золото стоитъ товара, они берутъ его и убѣждаютъ. Если же золота мало, они уходятъ на корабль и ждутъ. Туземцы приближаются и прибавляютъ золота, пока не удовлетворяютъ тѣхъ; никогда ни та, ни другая сторона не совершаетъ несправедливости: одни не берутъ золота, пока оно не равняется цѣнностью товару; другіе не трогаютъ товаръ, пока не взято золото». Это совершенно тѣ же приемы, какіе существуютъ и теперь у самыхъ низшихъ группъ дикарей.

Въ наши дни обитатели Африки оставили далеко за собой наивность своихъ предковъ. Теперь это хитрые и жадные торговцы. «Я часто слышалъ,—пишетъ одинъ путешественникъ,—что негры глупы; но опытъ убѣдилъ меня въ обратномъ. Это, наоборотъ, чрезвычайно хитрые торговцы, ни одинъ капитанъ, ни одинъ купецъ, первый разъ посѣщающій эти берега, не избѣжитъ ихъ коварства». Но, не смотря на жадность, негры отличаются дѣтской непредусмотрительностью. Имъ никогда не приходитъ въ голову запасти заранее тотъ товаръ, который купцы часто требуютъ. Такъ, напримѣръ, къ нимъ постоянно приѣзжаютъ корабли за краснымъ деревомъ, но ни одинъ негръ не шевельнется, чтобы заготовить его раньше, чѣмъ корабль подойдетъ къ берегу, и купцамъ приходится дожидаться, пока вѣсть о ихъ прибытіи не распространится по окрестнымъ поселеніямъ. Какими же товарами обмѣниваются негры съ европейцами?

Промышленность у нихъ довольно разнообразна, хотя и стоитъ на невысокой ступени. Такъ, негры Габуна отличаются своимъ искусствомъ въ выдѣлкѣ глиняныхъ котелковъ и трубокъ. Кромѣ того, они ткутъ очень красивыя матеріи съ однимъ только недостаткомъ: они не умѣютъ прясть длинныхъ нитокъ и поэтому не могутъ выткать куска матеріи длиннѣе трехъ футовъ. Эти куски матеріи, такъ называемые передники, приняты въ большей части Африки въ качествѣ монетной единицы. Въ долинѣ Конго устраиваются въ опредѣленные сроки базары или ярмарки, куда туземцы привозятъ свой товаръ: тамъ можно найти и кожу буйвола или гишпопотама, и рыбу, и куръ, и маисовое пиво, и слоновую кость, и табакъ, а также плетенныя корзинки, котелки, трубки, браслеты и разныя мѣдныя украшенія, которыя въ свою очередь играютъ роль денегъ, такъ какъ мѣдь тамъ очень цѣнится. Еще болѣе, впрочемъ, цѣнится соль.

Въ маленькихъ мусульманскихъ государствахъ къ югу отъ Сахары, въ большомъ ходу, какъ и у папуасовъ, въ качествѣ денегъ особый видъ раковинъ—каурисъ. Но и тамъ самымъ цѣннымъ товаромъ надо считать соль. Если цѣнность мѣди въ Африкѣ, приблизительно, равняется цѣнности серебра у насъ, то соль можно сравнить только съ золотомъ. Это зависитъ отъ того, что чѣмъ болѣе мы углубляемся внутрь африканскаго материка, тѣмъ труднѣе становится получать ее, а между тѣмъ она вездѣ одинаково необходима для человѣческаго организма.

Въ разныхъ другихъ частяхъ Африки еще многіе предметы играютъ попеременно роль денежныхъ единицъ (ожерелья браслеты, олово, фаянсъ и т. п.), но они не пользуются широкимъ распространеніемъ.

Изъ предметовъ торговли въ Африкѣ едва ли не на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить рабовъ. Не смотря на прекращеніе торговли рабами съ европейцами, она продолжаетъ развиваться среди туземцевъ. Одно племя стремится захватить возможно больше плѣнниковъ у другого и продать ихъ скупщикамъ. Мало того: родители сами за небольшое количество соли охотно продаютъ своихъ дѣтей. Батеки, называемые африканскими фикинйцами, постоянно скупаютъ рабовъ и потомъ разъ въ годъ, обыкновенно въ августѣ, отправляютъ цѣлый караванъ съ этимъ товаромъ въ страну Баляли. Обычная цѣна одного раба — три килограмма соли. Женщины, особенно молодыя, цѣнятся выше, такъ что къ тремъ килограммамъ соли покупатель прибавляетъ еще кусковъ десять, пятнадцать легкой матеріи и нѣсколько стеклянныхъ бусъ.

Рабы—это самый выгодный товаръ, такъ какъ они обезпечиваютъ своему владѣльцу возможность ничего не дѣлать. Въ Габунѣ, напри- мѣръ, личная поземельная собственность почти не существуетъ. Скота тоже нѣтъ, такъ что единственное богатство заключается въ слоновой кости и денежныхъ знакахъ, но эти послѣдніе обыкновенно очень объемисты и могутъ сохраняться въ небольшихъ сравнительно количествахъ въ тайныхъ складахъ, о существованіи которыхъ извѣстно только главной женѣ, да иногда какому-нибудь испытанному другу. Истиннымъ же богатствомъ считаются только рабы и женщины, на которыхъ смотрятъ, какъ на домашнихъ животныхъ. Заплативъ около 64 франковъ на наши деньги за раба и купивъ ему еще жену, можно уже больше ни о чемъ не заботиться. Рабу разрѣшается два дня въ недѣлю и по ночамъ работать для себя на предоставленномъ ему клочкѣ земли, остальное же время онъ работаетъ на своего господина.

Когда негръ приобретаетъ себѣ пятерыхъ рабовъ, онъ совершенно обезпеченъ. И онъ, и вся его многочисленная семья въ изобиліи снабжены маисомъ, свекловицею, бананами, апельсинами, и т. п. Пока рабы копаютъ землю, толкутъ рисъ, исправляютъ хижину своего господина, послѣдній безпечно прогуливается по лѣсу съ ружьемъ на плечѣ; онъ заботится теперь только о томъ, чтобы добыть коралловъ и пятифранковыхъ монетъ для украшенія любимыхъ женъ.

Племена, живущія на нижнемъ теченіи Нигера, торгуютъ съ европейцами преимущественно пальмовымъ масломъ и слоновой костью. Пальмовое масло обмѣнивается обыкновенно на соль, иногда же на разныя другія вещи — ромъ, табакъ, ружья и сабли. Но слоновую кость мѣняютъ только на дорогія матеріи, коралы, жемчугъ и зеркала. Слоновую кость доставляютъ сначала въ Эггу, а потомъ въ Локко изъ глубины материка цѣлые караваны. Во главѣ каравана ѣдетъ на лошади начальникъ, увѣшанный разными амулетами. За начальникомъ

слѣдуютъ музыканты и пѣвцы, развлекающіе звуками тамъ-тама несущихъ товаръ. Потомъ идутъ люди, вооруженные копьями и стрѣлами. Головы ихъ обернуты въ шкуры оленей и буйволовъ. Наконецъ, выступаютъ несущіе клыки слона. Шествіе замыкаютъ женщины со всѣмъ необходимымъ для приготовленія пищи. Жители Эгги служатъ обыкновенно посредниками между этими неграми и факторіями бѣлыхъ. Обмѣнявши слоновую кость на разные товары, караванъ въ томъ же порядкѣ пускается въ обратный путь, на мѣстахъ снова скупаетъ клыки и готовится въ тотъ же путь.

Въ Эггѣ, гдѣ почти все населеніе занято торговлей, обмѣнъ, совершается быстро и безъ всякихъ формальностей, но въ маленькихъ племенахъ, въ глубинѣ материка, онъ окруженъ обыкновенно разными строго опредѣленными обрядами. Существуютъ-ли среди этихъ племенъ какія нибудь кредитныя операціи до сихъ поръ еще нельзя сказать съ увѣренностью, такъ какъ данныхъ для отвѣта еще почти нѣтъ. Впрочемъ, относительно Габуна извѣстно, что тамъ займы практикуются, и для возвращенія ихъ кредиторъ пользуется самымъ примитивнымъ средствомъ. Онъ просто ловитъ гдѣ нибудь своего должника и отбираетъ все, что найдетъ при немъ. Быть можетъ, этотъ насильственный захватъ и былъ первоначальной формой задержанія должника, сопровождаемаго разными формальностями.

IV. Торговля у низшихъ негритянскихъ расъ.

Племена, о которыхъ мы только что говорили, населяютъ различныя части земного шара, но всѣ они принадлежатъ къ черной расѣ и въ умственномъ отношеніи очень сходны между собой. Поэтому данныя относительно первобытной торговли у всѣхъ этихъ племенъ можно соединить въ одну группу.

Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ и въ Полинезій, и въ Африкѣ не имѣли до появленія европейцевъ ни малѣйшаго представленія о торговлѣ, другія, — стоявшія вообще нѣсколько выше первыхъ, — были уже знакомы съ торговымъ обмѣномъ. Какъ началась торговля у этихъ послѣднихъ, въ точности неизвѣстно. Весьма вѣроятно, что она велась тѣмъ способомъ, какой описываетъ Геродотъ у финикійцевъ. Во всякомъ случаѣ торговля эта была очень незначительна и ограничивалась простымъ обмѣномъ.

Чтобы торговля приняла сколько-нибудь значительные размѣры, необходимо прежде всего, чтобы общественная собственность раздробилась, превратилась, по меньшей мѣрѣ, въ семейную собственность, какъ у палуасовъ, напримѣръ. Съ другой стороны необходимо нѣкоторое развитіе промышленности, при которомъ производится больше и болѣе разнообразныхъ предметовъ, чѣмъ требуется исключительно для потребленія.

Какъ только возникаютъ эти условія, такъ немедленно просыпается склонность къ торговлѣ, особенно если искусные купцы возбуждаютъ ее, предлагая подходящіе ко вкусу дикарей предметы. Тутъ ужъ страсть къ мѣнамъ превращается въ настоящую потребность. Нѣкоторые специализируются на этомъ занятіи, образуются цѣлыя караваны и флотиліи для перевозки товаровъ на болѣе далекія разстоянія.

Но скоро практика показываетъ, что такого рода непосредственные обмѣны неудобны, и изъ всѣхъ подлежащихъ обмѣну товаровъ выдѣляются нѣкоторые, служащіе мѣркой, образцомъ для оцѣнки остальныхъ, т.-е. первобытной монетной единицей.

Мы встрѣчали уже нѣсколько видовъ такихъ денежныхъ единицъ. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи:—одни изъ нихъ являются предметами первой необходимости, другіе—предметами роскоши. Чаще всего они принадлежатъ ко второй группѣ. Сюда относятся раковины и разныя грубыя стеклянныя и глиняныя украшенія, къ которымъ со временемъ присоединяются разныя металлическія вещи и ткани. Впослѣдствіи ткани замѣнили шкуры животныхъ и стали употребляться въ качествѣ необходимой одежды, но первое время они несомнѣнно играли роль украшеній. Изъ металловъ мѣдь и желѣзо ранѣе всего пріобрѣли характеръ денежныхъ знаковъ.

Изъ предметовъ необходимости чаще всего мы встрѣчаемъ въ роли денежной единицы—соль. Внутри Африки она, какъ мы видѣли, равняется по цѣнности золоту, настолько велика потребность въ ней, особенно тамъ, гдѣ преобладаетъ растительная пища. Но есть еще одинъ товаръ, съ успѣхомъ исполняющій ту же роль—это живой товаръ—рабъ.

На западномъ берегу Африки и даже дальше вглубь материка рабъ положительно превратился въ денежную единицу. «Франгузы,—говоритъ одинъ путешественникъ,—считаютъ на франки, американцы на доллары, африканцы на рабовъ».

Дальше мы встрѣтимъ еще много примѣровъ первобытныхъ монетныхъ единицъ; всѣ онѣ аналогичны только что перечисленнымъ. Если бы наши экономисты лучше изучили ихъ, мы были бы избавлены отъ многихъ метафизическихъ теорій, которыя возникали при изученіи денежной системы цивилизованныхъ странъ.

Глава III.

Торговля у негровъ (продолженіе).

1. Дѣленіе африканскихъ расъ.—Африка къ сѣверу отъ Сахары и бѣлая раса.—Геологическое измѣненіе Сахары.—Берберы и эіопы.—Черныя расы къ югу отъ Сахары.—II. Торговля у низшихъ племенъ черной расы на востокъ Африки.—Равнодушіе къ торговлѣ динковъ.—Ихъ страсть къ скотоводству.—Усиленная страсть къ торговлѣ ихъ сосѣдей.—Невѣроятная жадность.—Право прохода: хонго.—Права вождей.—Первобытные денежныя знаки: матеріи, бусы.—Пренебреженіе къ раковинамъ-каурисъ.—Первобытныя желѣзныя монеты.—Соль, какъ монетная единица.—Корова въ той же роли.—Торговля и похищеніе рабовъ.—Промышленность восточныхъ чернокожихъ.—Металлургія, керамика и ткацкое искусство.—Первобытная одежда изъ коры.—Домашнія животныя у разныхъ племенъ.—Рынки и товары.—Военные рынки въ Нубіи.—Неприкосновенность женщинъ у Массай.—III. Нравственные и социальныя результаты торговли у чернокожихъ. Страсть къ украшеніямъ, какъ причина торговли.—Торговая непредусмотрительность.—Остатки древнѣйшихъ способовъ торговли на нижнемъ теченіи Нигера.—Цивилизація и порча нравовъ, происходящая отъ торговли.—Различіе внутренней и внѣшней торговли съ нравственной точки зрѣнія.

I. Дѣленіе африканскихъ расъ.

Прежде чѣмъ продолжать изученіе торговли въ Африкѣ, не лишне будетъ припомнить, какіе народы населяютъ этотъ древній материкъ. Раньше всего надо различать Африку, лежащую къ сѣверу отъ Сахары, отъ Африки, по ту сторону Сахары, гдѣ главнымъ образомъ обитаютъ темнокожіе.

По климату, по флорѣ и фаунѣ, сѣверная Африка отъ Египта до Марокко подходитъ ближе всего къ южной Европѣ и передней Азій. На южной границѣ Сахары начинается другой міръ. Эту границу нельзя строго обозначить. Сахара никогда, вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ на землѣ обитаетъ человѣкъ, не была особенно плодородной страной. Но было время, когда все-таки она не представляла собой такой безводной пустыни, какъ теперь. По ней протекали рѣки, росли растенія и водились животныя, что обусловливало и человѣку возможность селиться тамъ. Слѣды этого, сохранившіеся до сихъ поръ, даютъ намъ основаніе отнести этихъ доисторическихъ обитателей Африки къ великой берберской расѣ. Еще въ тѣ же далекія времена берберы, вѣроятно, постепенно двигались къ югу и смѣшивались съ негритянскими племенами. Арабы слѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру берберовъ. Эіопы, населявшіе верховья Нила, тоже эмигрировали по направленію къ экватору. Изъ этого смѣшенія различныхъ расъ образовались разныя мелкія племена, приближающіяся иногда къ неграмъ, иногда къ берберамъ, эіопамъ или арабамъ.

Чистыя чернокожія племена населяютъ самую южную часть Африки. Къ востоку, въ бассейнѣ верхняго Нила, живутъ высшіе типы черно-

кожихъ — нубійцы и абиссинцы. Отсюда переселенія совершались въ двухъ направленіяхъ—на востокъ и на югъ, въ Кафрскую землю. Такимъ образомъ низшіе представители чернокожихъ расъ группируются главнымъ образомъ вокругъ Гвинейскаго залива, но, кромѣ того, они разсѣяны по всей центральной и восточной Африкѣ. Мы займемся теперь именно этими остатками первобытнаго населенія Африки, сохранившимися, не смотря на переселенія въ восточной части африканскаго материка.

II. Торговля у низшихъ племенъ чернокожихъ на востокъ Африки.

Въ западной Африкѣ негры сдѣлались жадными и хитрыми торговцами; почти то же можно сказать и о восточной Африкѣ. Впрочемъ, въ долинѣ верхняго Нила мы встрѣчаемъ племя динковъ еще совершенно незнакомое съ торговлей. Въ то время, какъ ихъ сосѣди бонги и ніамъ-ніамъ съ жадностью набрасываются на товары, привозимые арабскими или нубійскими караванами, динки остаются къ нимъ совершенно равнодушны. Вслѣдствіе этого они избѣжали всѣхъ печальныхъ послѣдствій торговли рабами. Потребности динковъ чрезвычайно ограничены, они занимаются скотоводствомъ и страстно привязаны къ своимъ животнымъ, особенно къ рогатому скоту. Мѣстность ихъ покрыта превосходными лугами и стада ихъ громадны; ежегодные грабежи нубійцевъ не могутъ замѣтно уменьшить ихъ. Особеннымъ почетомъ окружаются у нихъ коровы; если одна изъ нихъ заболѣваетъ, они отдѣляютъ ее отъ стада и заботливо лѣчатъ въ особыхъ, предназначенныхъ для этого, хижинахъ. Ъдятъ они только умирающихъ своей смертью быковъ и коровъ. Рѣзать для ѣды можно однихъ только козъ. Коза цѣнится тамъ въ 30 разъ дешевле коровы. Это обожаніе скота переноситъ насъ въ ту отдаленную эпоху, когда животныя внушали людямъ религіозныя чувства, что и до сихъ поръ еще существуетъ въ Индіи. Страсть къ животнымъ, какъ всякая исключительная страсть, вытѣсняетъ всѣ другія, и поэтому динки нисколько не интересуются торговлей. Но зато тѣмъ съ большей силой овладѣла страсть къ торговлѣ ихъ сосѣдами. Они до такой степени увлечены торговыми операціями, что не допускаютъ мысли о томъ, чтобы какой-нибудь иностранецъ могъ посѣтить ихъ не съ торговыми цѣлями. Объяснить имъ, что не занимаешься торговлей, значитъ рисковать быть немедленно изгнаннымъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ у нихъ возникаютъ всевозможныя подозрѣнія. Буртонъ сказалъ вождю племени Вуяи, что онъ не купецъ, и его сейчасъ же попросили удалиться. «Какъ можно,—говорили негры,—довѣрять людямъ, которые ничѣмъ не занимаются». Буртонъ долженъ былъ сдѣлать подарки вождю, чтобы вознаградить его за потерю дохода, который тотъ надѣялся получить съ него, если бы онъ былъ купецъ.

Обурѣваемые страстью къ наживѣ, туземцы заставляютъ путешественниковъ платить рѣшительно за все, что имъ можетъ понадобиться, даже за право брать воду. Кто напьется воды, не заплативъ, совершаетъ кражу и рискуетъ жизнью. Чтобъ наказать его, негры готовы на все, они доходятъ до того, что отравляютъ колодцы. Они дадутъ умереть съ голоду путешественнику, у котораго нѣтъ бусъ или матерій, «безъ гроша»—какъ сказали бы у насъ. Бюртонъ встрѣтилъ только одну деревню, гдѣ ему съ караваномъ безпрепятственно позволили остановиться, но это было сдѣлано далеко не изъ великодушія, а изъ расчета на косвенныя выгоды, какія можно извлечь изъ пребыванія иностранцевъ.

Первое, за что надо платить у этихъ племенъ—это право прохода. Еще въ прибрежныхъ селеніяхъ удовлетворяются обыкновенно добровольными подарками, но чѣмъ дальше вглубь страны, тѣмъ тяжелѣе ложится на путешественника этотъ налогъ.

На границѣ каждой маленькой области вождь требуетъ уплаты контрибуціи, и упорно торгуется съ путешественникомъ. «Что же наконецъ,—воскликнулъ съ раздраженіемъ вождь одного племени, торговавшійся съ Бюртономъ,—кому изъ насъ принадлежитъ эта область—вамъ или мнѣ?» Впрочемъ, контрибуція идетъ [не цѣликомъ самому вождю. онъ долженъ дѣлиться ею съ своимъ семействомъ и съ старшинами племени.

Почти всѣ эти восточныя племена смотрятъ на иностранца отчасти какъ на врага, и не сразу выпускаютъ его въ свои владѣнія. У племени Онии существуетъ, напримѣръ, такой обычай. Подходя къ какой-нибудь области, караванъ долженъ остановиться на нейтральной землѣ и ждать тамъ, пока начальники сосѣднихъ земель пришлютъ ему въ подарокъ матеріи, слоновую кость и т. п., въ доказательство того, что они хотятъ завязать съ нимъ торговые сношенія. Каждый изъ начальниковъ приглашаетъ караванъ къ себѣ, и когда хозяинъ каравана отправляется къ одному изъ нихъ, у него сейчасъ же требуютъ платы за постой, такъ называемое *хонго*.

Размѣръ хонго устанавливается послѣ продолжительнаго торга. Вождь требуетъ, напримѣръ, 60 мотковъ проволоки, 160 ярдовъ коленкору, 5.000 жемчужныхъ бусъ и 300 нитокъ бусъ—низими. Послѣ продолжительныхъ споровъ еговариваются на 50 моткахъ проволоки, 20 ярдахъ коленкору, 4.000 мелкихъ стеклянныхъ бусъ и 100 ниткахъ бусъ—низими.

Но и уплативъ хонго, путешественникъ еще не можетъ спокойно заняться своимъ дѣломъ. Онъ имѣетъ теперь право жить, но это еще не значитъ, чтобы онъ могъ начать торговать. За право торговли каждымъ видомъ товара онъ долженъ платить отдѣльно. Не подчиниться этимъ требованіямъ, значитъ рисковать быть убитымъ изъ засады отравленной стрѣлой.

Такого рода протекціонизмъ распространенъ не только на востокѣ Африки, но и по всему матеріку. Есть, конечно, и нѣкоторыя исключенія, такъ у Вуагого иностранца всегда принимаютъ, какъ брата, вождь приглашаетъ его къ себѣ и угощаетъ всѣмъ, что у него есть лучшаго. Это гостепріимство является, вѣроятно, остаткомъ нравовъ далекаго прошлаго. Въ настоящее время ихъ смѣнили другіе—коммерческіе нравы.

Непосредственный обмѣнъ теперь уже почти не встрѣчается. Вездѣ приняты различныя мѣновыя знаки, которыми долженъ запастись всякій путешественникъ. Всего чаще такими денежными единицами служатъ разныя матеріи, отъ простыхъ—обыкновенно американскаго коленкору, до самыхъ нарядныхъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ тканей, употребляемыхъ вождями и ихъ женами. Едва ли не большимъ распространеніемъ, чѣмъ матеріи, пользуются всевозможныя бусы и вообще стеклянныя украшения. Нѣкоторые сорта ихъ, особенно красныя, носятъ названіе «утоляющихъ голодъ», такъ какъ, имѣя ихъ, человѣкъ никогда не умретъ съ голоду. Бусы эти навизываются на нитки опредѣленной величины, напримѣръ, длиной отъ начала ладони до конца указательнаго пальца или отъ конца большаго пальца до локтя. Большимъ распространеніемъ пользуется также металлическая проволока, изъ которой тоже можно дѣлать украшенія.

Стоимость этихъ денегъ, конечно, колеблется въ зависимости отъ колебаній спроса и предложенія, но въ среднемъ она довольно высока. Такъ, за десять синихъ фарфоровыхъ бусъ можно купить фунтъ мяса. За два метра коленкора можно пріобрѣсть барашка.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ распространены также раковины-каури и, наконецъ, у племени Бонго въ верховьяхъ Нила ходятъ желѣзныя деньги, очень похожія на наши и цѣнимыя, приблизительно, какъ наше золото. Они имѣютъ форму диска около 30 сантиметровъ въ діаметрѣ, съ крючкомъ съ одной стороны и петлей—съ другой. Наконечники стрѣлъ и копій часто замѣняютъ эти желѣзныя монеты, называемыя *ломо коллутти*. Изъ предметовъ необходимости соль играетъ здѣсь такъ же часто, какъ и на западѣ, роль денегъ. Наконецъ, у многихъ восточныхъ племенъ—у Бари, Латуки и особенно у динковъ—самой распространенной денежной единицей является корова. За корову можно купить все, что угодно, даже женщину. Объясняется это тѣмъ, что молоко служить самой обычной пищей туземцевъ. Одинъ вождь племени Оббо жаловался путешественнику Бекеру на арабовъ, захватившихъ у него много плѣнныхъ. Его народъ, говорилъ онъ, очень вяло защищалъ своихъ женъ и дѣтей, захваченныхъ [въ плѣнъ «турками» (какъ тамъ называютъ и арабовъ, и нубійцевъ, и египтянъ)]; «вотъ если бы они вздумали напасть на стада, они встрѣтили бы жестокое сопротивленіе, потому что, добавилъ онъ, пока есть скотъ ничто еще не потеряно, со скотомъ можно достать себѣ новую семью, а вотъ ужъ если захватятъ стада, тогда все погибло».

Эта ужасная торговля людьми служить самымъ большимъ препятствіемъ для прогресса въ Африкѣ. Безпрестанно между различными племенами происходятъ кровавыя стычки для захвата живого товара, который потомъ обмѣнивается на перечисленные выше виды монетъ. Божда обвиняють своихъ подданныхъ въ колдовствѣ, чтобы имѣть право продать ихъ, родители торгуютъ своими дѣтьми.

Вся Африка отъ восточнаго до западнаго берега торгуетъ рабами. Караваны съ плѣнниками безостановочно пересѣкають Африку во всѣхъ направленіяхъ, усыпая путь свой трупами тѣхъ, кого не удалось дотащить до рынка. Средняя цѣна раба сильно колеблется въ зависимости отъ случайностей спроса и предложенія. На рынкахъ центральной Африки она стоитъ обыкновенно очень низко, въ береговыхъ странахъ—значительно выше. Въ Занзибарѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ мальчикъ стоилъ отъ 15 до 20 долларовъ, юноша нѣсколько менѣе, взрослый человѣкъ отъ 13 до 20, а человѣкъ старше 40 лѣтъ отъ 10 до 12 долларовъ. Женщины, особенно молодыя, всегда и всюду цѣнятся, приблизительно, на треть дороже.

Торговля рабами такъ значительна, что она вызвала даже развитіе особой промышленности. Племя бонговъ занимается специально изготовленіемъ цѣпей и кандаловъ для рабовъ. Вообще промышленность развита у негровъ гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ европейцы. Такъ, бонгосы славятся вообще, какъ искусные кузнецы; ихъ плавильныя печи отличаются очень остроумнымъ устройствомъ. Они выковываютъ не только прекрасные наконечники для стрѣлъ и копій, но даже удочки, крючки и очень изящныя вазы, украшенныя ломанными линіями, кругами и треугольниками.

Странно, что во всей Африкѣ выдѣлка кожъ—предмета первой необходимости—стоитъ на самой первобытной ступени. Дубленье кожъ совершенно неизвѣстно имъ. Только въ самое послѣднее время нубійцы начали знакомить ихъ съ этимъ искусствомъ.

Тканье матерій тоже далеко не повсемѣстно распространено. Племя монбуттовъ, напримѣръ, до сихъ поръ употребляетъ исключительно одежды изъ коры, а между тѣмъ, тѣ же монбутту прекрасные кузнецы—ихъ металлическія ожерелья замѣчательно тонко и изящно сработаны.

Вуальи приготавливаютъ изъ древесной коры родъ матеріи, очень сходной съ той, какую выдѣлываютъ полинезійцы. Изъ этой матеріи шьются юпки, которыя нельзя мыть; стоятъ онѣ очень дешево, отъ 6 до 12 стеклянныхъ бусъ.

У племени Вуаніамуэзи ткацкое искусство находится еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Прялка имъ неизвѣстна и прядуть они нитки исключительно съ помощью веретена. Ткацкій станокъ состоитъ изъ двухъ шестовъ, укрѣпленныхъ горизонтально, каждый на двухъ подпоркахъ. Эти шесты соединяются на концахъ двумя палками, на которыя и наматывается основа. Нитки основы перебираются съ по-

мощью щепочки, такъ какъ челнокъ имъ тоже неизвѣстенъ. Ширина и длина сотканнаго такимъ образомъ куска матеріи равняется въ среднемъ одному, двумъ метрамъ. Одинъ работникъ можетъ безъ труда вы ткать его въ теченіе недѣли. Въ продажѣ за него даютъ два метра американскаго коленкора.

Такимъ образомъ почти всѣ африканскія племена выдѣлываютъ какіе-нибудь товары, подлежащіе обмѣну. Кромѣ этого нѣкоторые изъ нихъ, хотя далеко не всѣ, занимаются земледѣліемъ или скотоводствомъ. Монбутту и Ніамъ-ніамъ, напримѣръ, не имѣютъ еще домашнихъ животныхъ; охота, а при случаѣ и канибализмъ, доставляютъ имъ мясную пищу. Бонго тоже приучаютъ только собакъ, козъ и куръ. Отсутствіе у нихъ крупнаго скота способствуетъ тому, что они могутъ жить сравнительно спокойно. Такъ называемые «турки» рѣдко нападаютъ на нихъ.

На западѣ Африки скотоводство распространено еще менѣе, чѣмъ на востокѣ; вѣроятно, въ большую часть африканскихъ областей оно перешло изъ Нубіи или изъ древней Эіопіи и Египта. Преобладающими занятіями африканскихъ негровъ надо считать земледѣліе и охоту. Это одно могло бы ниспровергнуть старинную соціологическую теорію, по которой человѣкъ всегда и вездѣ переходилъ отъ охоты къ скотоводству и отъ скотоводства къ земледѣлію.

Но каково бы ни было основное занятіе негра, онъ всегда съ увлеченіемъ отдается торговлѣ. На берега верхняго Нила постоянно стекаются тысячи негровъ для купли и продажи различныхъ товаровъ. На этихъ рынкахъ не меньше шуму и оживленія, чѣмъ въ большихъ европейскихъ городахъ. На берегахъ озера Танганайка у племени Уолы происходятъ ежедневные базары между десятью и тремя часами дня. Тамъ можно найти рыбу, овощи, бананы, арбузы, пальмовое вино, козъ, барановъ, разную птицу, слоновую кость и почти всегда—рабовъ. Различные украшенія и юпки изъ коры тоже составляютъ обычные предметы торговли на этихъ базарахъ.

Такого рода торговля сношенія—постоянныя, правильныя—служатъ указаніемъ на нѣкоторую честность и уваженіе къ чужой собственности. Въ странахъ, гдѣ человѣкъ никогда не можетъ считать себя въ безопасности, какъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Нубіи, базары носятъ совершенно иной характеръ. Въ назначенный день обѣ стороны собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ. Когда всѣ соберутся, съ обѣихъ сторонъ выходятъ безоружные люди и приступаютъ къ торгу; но за ними стоятъ ихъ вооруженные товарищи, готовые каждую минуту вмѣшаться въ дѣло. Иногда, когда торгъ благополучно законченъ, которая-нибудь изъ сторонъ устраиваетъ засаду и силою отбираетъ только что мирно проданные товары.

Чтобы избѣжать этого, нѣкоторые племена, напримѣръ, массаи поручаютъ вести торговлю женщинамъ. Женщины мирно ведутъ дѣло, увѣренныя въ своей полной безопасности. Даже, когда два племени

ведутъ войну женщины безпрепятственно продолжаютъ свои торговые сношенія. Мужчины вмѣшиваются въ дѣло только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда дѣло идетъ о продажѣ или покупкѣ быка. У массаи существуетъ одинъ странный обычай: кто бы ни заключалъ торговую сдѣлку, когда она окончена, онъ плюетъ на товаръ и проситъ покупателя сдѣлать то же. Продавъ быка, массаи плюетъ на животное, равнѣе чѣмъ отдать его; въ свою очередь онъ требуетъ, чтобы покупатель плюнулъ на проволоку или бусы, которыя онъ даетъ взаменъ. По мнѣнію массаи, плевать, значитъ оказывать честь и уваженіе. Посѣтитель или посѣтельница чувствуютъ себя чрезвычайно польщенными, если хозяинъ плюнетъ на нихъ.

III. Нравственные и общественные результаты торговли у африканскихъ чернокожихъ.

Резюмируя всѣ наблюденія, собранныя въ этой и предъидущей главѣ, можно вывести нѣсколько общихъ положеній относительно торговли у наименѣ цивилизованныхъ чернокожихъ; во многихъ отношеніяхъ торговые обычаи западныхъ чернокожихъ и негровъ Габуна, напримѣръ, очень сходны.

Мы видѣли, какъ цѣнится соль въ центральной Африкѣ; иногда сахаръ соперничаетъ съ ней; онъ заставляетъ вытаскивать изъ кладовыхъ товары, когда бусы и украшенія уже перестаютъ оказывать дѣйствіе. Негръ покупаетъ разныя украшенія, главнымъ образомъ, для своихъ женъ, и когда онѣ достаточно разукрашены, онъ перестаетъ интересоваться ими, и не желаетъ болѣе ни покупать, ни продавать.

Вдали отъ большихъ торговыхъ путей Африки, гдѣ негръ рѣдко видитъ иностранца, торговля является для него не необходимостью, а прихотью.

Безконечныя формальности и длиннѣйшіе споры при самой незначительной покупкѣ доказываютъ, что дикія племена негровъ придаютъ мало значенія торговлѣ, особенно пока въ нихъ не проснулась жадность. Въ Фута-Джалонѣ, чтобы заставить туземца продать что-нибудь, надо прибѣгнуть къ дипломатическимъ приемамъ; надо сдѣлать видъ, какъ будто желаешь просто познакомиться съ нимъ, дружелюбно спросить его, какъ онъ себя чувствуетъ, выразить и внушить ему симпатію, и только тогда торговля съ нимъ станетъ возможной и намѣреніе купить у него что-нибудь не покажется ему дерзостью. Мы видѣли, что на востокѣ Африки съ чужеземца, желающаго вести торговлю, требуютъ разныхъ пошлинъ. А между тѣмъ въ тѣхъ мѣстахъ чужеземные караваны уже давно познакомили туземцевъ съ торговлей. Принесла ли торговля пользу или вредъ негру? И то, и другое, конечно, но что преобладаетъ? Нѣкоторая общая польза торговли оче-

видна. Нѣсколько смягчилась жестокость нравовъ; племена стали легче смѣшиваться другъ съ другомъ; развилась промышленная дѣятельность. Но рядомъ съ этимъ распространилось господство частной собственности и склонность къ ней, а слѣдовательно, развился эгоизмъ. Говорятъ, что у низшихъ племенъ чернокожихъ существуетъ одна только движимая собственность. Дѣйствительно, для нихъ земля, пока она не обработана, не имѣетъ цѣны и принадлежитъ тому, кто можетъ {съ своими рабами воздѣлать ее. Но съ началомъ торговли товары, играющіе роль знаковъ обмѣна, стали скопляться въ однѣхъ рукахъ; явились богатые и бѣдные; въ то же время страсть къ роскоши, къ негритянской роскоши овладѣла всѣми; чтобы удовлетворить {ее понадобилось приобретать денежные знаки. Промышленность, земледѣліе и даже разведение скота — все это недостаточныя средства для накопленія денегъ, главное, средства, слишкомъ медленно дѣйствующія. Тогда стали прибѣгать къ болѣе дѣйствительнымъ способамъ: къ грабежу и убійству; захватывали имущество сосѣда, его самого или чаще его женъ и дѣтей, чтобы обмѣнивать ихъ потомъ на бусы и т. п. Торговля быстро извратилась; можно было ожидать, что съ развитіемъ торговли война уступитъ мѣсто мирнымъ сношеніямъ, а на дѣлѣ произошло какъ разъ обратное. Война запылала повсюду, грабежи и разбои стали обычнымъ явленіемъ; чужеземные караваны, не знающіе иныхъ способовъ торговли, кромѣ воровства и грабежа, наводнили Африку.

Прибавимъ еще, что надо различать два вида торговли. Торговый обмѣнъ внутри одного племени или народа приносить, конечно, больше пользы чѣмъ вреда; даже когда возникаютъ рынки они служатъ залогомъ мира и согласія. Между тѣмъ внѣшняя торговля, обмѣнъ между различными племенами и расами возбуждаетъ необузданную жадность, безсовѣстныя спекуляціи, кровавые разбои и обращеніе въ рабство. Обвинять и проклинать слѣдуетъ именно этотъ видъ торговли.

ГЛАВА IV.

Торговля у высшихъ негритянскихъ расъ.

4. Торговля въ маленькихъ государствахъ восточной Африки.—Эіюпы, ихъ происхожденіе и ихъ переселеніи.—Уніоро.—Употребительныя деньги.—Крики разносчиковъ.—Масло въ Уніоро и подѣлки его.—Хонго или право прохода.—Какъ его уплачиваютъ.—Незнакомство съ европейскими деньгами.—Промышленность.—Одежды изъ коры.—Торговля слоновой костью и рабами.—II. Караваны рабовъ.—Охотники за рабами въ Хартумѣ.—Какъ организуется караванъ.—Капиталисты.—Грабежи и разбои.—Раздѣлъ добычи и рабовъ.—Зерибы.—Торговля въ нихъ.—Наложеніе пошлинъ.—Стоимость раба.—Доходы въ зерихахъ.—III. Торговля у кафровъ.—Ванту и ихъ происхожденіе.—Древняя цивилизація въ Машоналандѣ.—Переживанья.—Металлургія и кузнечное ремесло. Керамика и плетеніе корзинокъ.—Первобытное ткачество.—Почти полное отсутствіе рабства у кафровъ.—Рабочій классъ.—Корова, какъ денежная единица.—Продажа дѣтей.—IV. Дагомея и Ашанти.—Какъ населилась Африка.—Раздѣленіе расъ.—Устройство Дагомеи.—Дагомейская промышленность и власть короля.—Земледѣліе въ Дагомеѣ.—Торговля и королевскія права.—Домъ изъ раковинъ-каурисъ.—V. Нѣкоторыя вредныя слѣдствія первобытной торговли.—Деморализація вслѣдствіе торговли съ европейцами.—Торговая цивилизація и что подъ ней скрывается.

I. Торговля въ маленькихъ государствахъ восточной Африки.

Въ предыдущей главѣ я говорилъ только о наименѣе цивилизованныхъ племенахъ чернокожихъ; они и въ физическомъ, и въ умственномъ отношеніи очень напоминаютъ западныхъ чернокожихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ произошли, впрочемъ, отъ смѣшенія съ болѣе цивилизованными чернокожими, населяющими древнюю Эіюпію. Въ древности эіюпы достигли сравнительно болѣе высокихъ ступеней цивилизаціи и потомки ихъ, обитающіе въ Абиссиніи и Нубіи, выгодно отличаются отъ низшихъ племенъ чернокожихъ.

Въ различныя эпохи эти эіюпы переселялись въ разныя части африканскаго материка. Нѣкоторые изъ нихъ сохранили обычаи ди-карей, какъ, напримѣръ, бонго и монбутту; массаи на юго-востокѣ и кафры на югѣ Африкѣ.

Чернокожіе, живущіе на берегахъ большихъ озеръ восточной Африки, принадлежатъ тоже къ эіюпской расѣ; они образуютъ маленькія монархическія государства и въ умственномъ отношеніи выказываютъ значительно меньше тупости, чѣмъ низшія племена негровъ. Страсть къ торговлѣ и жадность у нихъ сильно развиты, но способы обмѣна тѣ же самыя, какъ и въ остальной Африкѣ: бусы цѣнятся у нихъ также высоко. И вообще денежными единицами служатъ тѣ же предметы, какъ и у низшихъ племенъ. Вотъ что кричатъ тамошніе разносчики. «Табакъ, табакъ! Два свертка табаку за бусы или раковины». Или «Продается молоко за бусы или за соль!»—«Масло по пяти бусъ кусокъ!» «Соль за наконецники копій». Эта торговля въ

разность указываетъ сама по себѣ, что жители Уніоро привычныя торговцы. Всевозможныя торговыя хитрости и мошенничества тоже прекрасно привились у нихъ. Они, напримѣръ, очень ловко сбываютъ скверное масло (отмѣтимъ, что искусство сбывать масло очень рѣдко встрѣчается въ Африкѣ), покрывъ его сверху слоемъ хорошаго, свѣже сбитаго. Купцы ихъ замѣчаютъ, что торговля въ розницу, по мелочамъ выгоднѣе оптовой и потому они часто прячутъ свой товаръ, показывая его въ самыхъ маленькихъ количествахъ и только, когда предложенные предметы куплены, они вынимаютъ еще. Эіопы сохранили во всей неприкосновенности выгодный обычай взимать съ путешественниковъ хонго, т.-е. плату за проѣздъ, и перечень предметовъ, какими откупаются отъ нихъ путешественники, показываетъ, ихъ истиннѣ дѣтскіе вкусы. Королю Уніоро—Камзари Бекеръ предложилъ въ подарокъ кашемировый плащъ, красный шелковый кушакъ, яркія турецкія туфли, нѣсколько паръ чулокъ, нѣсколько нитокъ бусъ и, наконецъ, двуствольное ружье. Такого же рода хонго уплатилъ Спикъ Мтезу, могущественному королю Уганды. «Я думалъ заинтересовать его, предлагая ему кошелекъ съ разными монетами, стоимость которыхъ я старался объяснить ему; но онъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія и скоро отложилъ въ сторону».

Промышленность въ этой части Африка развита не больше, чѣмъ въ остальной. Въ Уганда, напримѣръ, ткацкое искусство до сихъ поръ неизвѣстно, такъ что высшіе сановники государства носятъ юбки изъ коры, а сверху накидываютъ плащи изъ шкуры антилопъ. Произведенія промышленности здѣсь не могутъ питать торговлю; главными предметами обмѣна служить скотъ, слоновая кость и рабы. Именно за этими предметами и приходятъ къ нимъ караваны изъ Судана.

II. Караваны рабовъ.

Многіе помнятъ до сихъ поръ, какое впечатлѣніе произвело въ Европѣ паденіе Хартума и смерть Гордона, этого героическаго авантюриста, одушевленнаго лучшими намѣреніями, но роковымъ образомъ участвовавшаго всегда въ самыхъ ужасныхъ предпріятіяхъ. Хартумъ, находившійся въ Суданѣ, былъ центромъ разноплеменныхъ авантюристовъ, откуда они посылали свои разбойничьи караваны въ разныя части Африки. Тутъ можно было встрѣтить и сирійцевъ, и коптовъ, и турокъ, и черкесовъ, и европейцевъ, а всѣмъ имъ покровительствовали египетскіе чиновники. Злополучные туземцы знали ихъ подъ общимъ именемъ «турокъ».

Бекеръ описываетъ намъ организацію такого рода торговли. Её можно начать и безъ капитала; тогда предприниматель занималъ у одного изъ хартумскихъ капиталистовъ необходимую сумму приблизительно, подъ 36 — 80%. Должникъ обязывался уплатить ее слоновой

костью, считая ее въ половину рыночной цѣны. Потомъ онъ набиралъ охотниковъ и уплачивалъ имъ жалованье за 5 мѣсяцевъ впередъ, приблизительно, по 11 франковъ въ мѣсяцъ. Наконецъ, онъ закупалъ оружіе, разныхъ бездѣлушекъ, и отрядъ, распустивъ знамя, выступалъ въ путь съ самымъ воинственнымъ видомъ.

Обыкновенно они являлись прежде всего къ какому-нибудь туземному корольку и предлагали свои услуги въ его войнѣ съ сосѣднимъ племенемъ. Затѣмъ, все шло само собой. Они нападали на сосѣднее поселеніе, грабили имущество, скотъ, уводили въ плѣнъ женъ и дѣтей, а отъ союзника отдѣлывались нѣсколькими штуками скота и одной изъ плѣнницъ. Затѣмъ оставалось только обмѣнять добычу на болѣе удобный для перевозки товаръ. Рабы продавались по большей части арабамъ, которые доставляютъ ихъ на Черное море и оттуда на корабляхъ отправляютъ въ Аравію, Персію, Каиръ и другія мусульманскія страны. Такое предпріятіе чрезвычайно выгодно для начальника экспедиціи, такъ какъ ему принадлежатъ всѣ захваченные рабы и двѣ трети скота; онъ сразу дѣлается капиталистомъ.

Но, конечно, всѣ эти операціи нельзя окончить въ одинъ день и караванъ долженъ иногда надолго останавливаться. Часто эти стоянки превращались въ мѣста постоянного жительства, въ поселки или *зерибы*, какъ ихъ называютъ. Эти торговые пункты служили и складами, и рынками. Награбленные товары охранялись тамъ вооруженными людьми и тамъ же производилась торговля съ сосѣдями.

Большая часть этихъ пунктовъ принадлежали пяти, шести крупнымъ капиталистамъ Хартума. Каждая зериба служила какъ бы столицей извѣстной области, куда уже не могъ вступать никто посторонній. Проѣхать въ нее можно было только опредѣленной дорогой и желающій проникнуть туда долженъ былъ уплатить извѣстный налогъ, т. е. нѣчто въ родѣ хонго. Сосѣднія зерибы уступали или покупали другъ у друга это право проѣзда. Они вступали также въ дружественное соглашеніе по вопросу объ эксплуатаціи страны. Каждая изъ нихъ имѣла свою область, въ которой она одна могла производить разбой, т. е. вести охоту на людей.

Въ каждомъ такомъ пунктѣ купцы вели торговлю нитками, мыломъ, зеркалами, бусами, оружіемъ, амулетами, изреченіями изъ Корана; они покупали и продавали быковъ, барановъ и рабовъ, устуемыхъ мародерами по дешевой цѣнѣ.

Благодаря непрерывности разбоевъ, въ зерибахъ товаръ, не перемывается; маленькіе караваны безпрестанно развозятъ рабовъ отъ одной зерибы къ другой, отмѣчая свой путь трупами.

Слѣдующая маленькая рѣчь, записанная [Швейнфуртомъ, рисуетъ положеніе негритянскихъ селеній, поработанныхъ промышленниками зерибъ. «Ты, Курратгера, отправляйся въ свои деревни; собери тамъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ; возьми всѣхъ мальчиковъ,

которые могутъ нести что-нибудь, всѣхъ дѣвушекъ, которыя ходятъ за водой къ колодцу, и прикажи всѣмъ явиться сюда къ разсвѣту дня: они понесутъ зерно въ Дераго. У насъ есть тюки всякихъ величинъ, каждый понесетъ что въ силахъ. Но если хоть одинъ броситъ свою ношу и убѣжитъ, слушай меня: я вырву тебѣ глаза. Если хоть одинъ тюкъ будетъ украденъ, я отрублю тебѣ голову и т. д.»

Несчастные чернокожіе, постоянно обираемые этими ненасытными чужестранцами, скрываютъ, какъ могутъ, свое зерно, котораго у нихъ и безъ того не много. Ежегодно въ теченіе шести мѣсяцевъ ихъ постоянно отрываютъ для переноски товаровъ и у нихъ не остается времени воздѣлывать землю. Въ зерибахъ всегда царитъ изобиліе, а несчастные туземцы должны рыть землю и искать въ ней сѣдобныхъ корней.

Эти несчастныя племена не могутъ надивиться страсти бѣлыхъ къ слоновой кости, потребность въ рабахъ для нихъ божіе понятна, такъ какъ рабство знакомо и имъ съ незапамятныхъ временъ.

Стоимость раба въ этой мѣстности сильно колеблется, въ общемъ она повышается по мѣрѣ приближенія къ Хартуму и къ приморскимъ портамъ. Въ среднемъ молодой рабъ стоитъ, по словамъ Швейнфурта около 40 франковъ вдали отъ крупныхъ рынковъ, въ Хартумѣ же значительно дороже. Вообще торговля въ зерибахъ чрезвычайно выгодна. Спикъ рассказываетъ, что ему встрѣтилась надобность закупить провіантъ въ Уніамуери и ему пришлось платить за все на 400% дороже, чѣмъ въ Занзибарѣ. Конечно, перспектива такой безумной наживы разнуздываетъ всѣ дикія страсти и привлекаетъ постоянно въ земли негровъ шайки ненасытныхъ грабителей.

III. Торговля у кафровъ.

Ужасная торговля людьми, описанная въ предыдущей главѣ, происходитъ главнымъ образомъ на востокъ тропической Африки, отъ верховьевъ Нила до Замбези. Но эіопская раса проникла и еще южнѣе до страны готтентотовъ, придерживаясь восточнаго побережья. На югъ она носитъ названіе банту или кафровъ. Когда переселились эти эіопы-банту въ южную Африку? Определить это точно невозможно, но, очевидно, это произошло въ тѣ историческія времена, когда цивилизація эіоповъ соперничала съ египетской.

Происхожденіе кафровъ доказывается не только ихъ анатомическимъ строеніемъ, но и разными чертами быта, сохранившимися у нихъ отъ ихъ отдаленныхъ предковъ; такъ, напр., обычаемъ обрѣзанія и музыкальными инструментами изъ веревокъ, такими же, какъ въ Конго. Кромѣ того, въ Машоналандѣ съ давнихъ поръ происходятъ археологическія находки, подтверждающія то же предположеніе. Богатство золота въ этой странѣ уже давно привлекло туда бѣлыхъ и на

ряду съ работами по добыванію золота стали производиться любопытныя археологическія изысканія. На скалахъ вблизи отъ пещеръ, служившихъ жилищами древнѣйшимъ обитателямъ этой страны найдены цѣлыя рисунки, изображающіе людей, животныхъ, сцены войны и охоты, иногда они нарисованы краснымъ, желтымъ и чернымъ цвѣтами. Кромѣ того, въ Мапопаландѣ найдена цѣль каменныхъ укрѣпленій и много монолитовъ: стеатитовая колонна, покрытая геометрическими рисунками, круглыя вазы, украшенныя скульптурными изображеніями охоты, скульптурныя изображенія птицъ, сидящихъ на колоннахъ, сдѣланныя изъ одного камня съ колоннами. Можно бы предположить, что теперешніе кафры не принадлежатъ къ расѣ древнѣйшихъ обитателей страны, но существованіе у нихъ разныхъ архаическихъ обычаевъ опровергаетъ это предположеніе. Конечно, современные обитатели Мапопаланды значительно менѣе цивилизованы чѣмъ ихъ предки, но все-таки кузнечное, гончарное и ткацкое искусства извѣстны имъ. Распространены они неравномѣрно по всей странѣ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ совсѣмъ не занимаются выдѣлкой желѣза, въ другихъ умѣютъ ковать только старое желѣзо, добывать же его изъ руды не умѣютъ; но въ большей части мѣстностей кафры очень искусно выдѣлываютъ наконечники для стрѣлъ и копій и разныя земледѣльческія орудія.

Гончарное ремесло у нихъ, какъ и у большинства дикихъ племенъ находится главнымъ образомъ въ рукахъ женщинъ, которыя выдѣлываютъ очень артистическія глиняныя вазы. Кромѣ того, свѣ плетутъ плотныя корзины, въ которыхъ можно съ удобствомъ переносить молоко. Ткацкое искусство наименѣе развито у нихъ, они выдѣлываютъ только самыя грубыя ткани. Одѣваются же они по преимуществу въ звѣриныя шкуры. Всѣ эти произведенія и корзины, и желѣзныя издѣлія, и посуду кафры охотно обмѣниваютъ на скотъ и хлѣбъ у сосѣднихъ готтентотовъ.

Торговля рабами почти неизвѣстна у кафровъ. Только на сѣверѣ по теченію Замбези она еще практикуется иногда, на югѣ же хотя и есть классъ рабовъ, но они не составляютъ ни чьей личной собственности. Только женщины и дѣти могутъ продаваться и покупаться. Обычная цѣна женщины—нѣсколько головъ скота, составляющаго вообще главное богатство населенія. Коровы служатъ тамъ самой обычной денежной единицей, хотя и бусы также повсемѣстно распространены. Миссіонеръ Моффа рассказываетъ, какъ ему удалось однажды за нѣсколько фунтовъ бусъ выкупить ребенка взятаго въ плѣнъ, и возратить его отцу. Сейчасъ же къ нему явилось двое туземцевъ съ предложеніемъ купить у нихъ ихъ дѣтей, одинъ за овцу, другой за извѣстное количество бусъ. Тотъ же миссіонеръ рассказываетъ, какъ во время одной изъ своихъ проповѣдей онъ упрекалъ аудиторію въ невниманіи. «У бешуановъ крѣпкія головы,—подтвердилъ одинъ изъ при-

существовавшихъ туземцевъ,—они не хотятъ ничего слушать, хотя Богъ далъ имъ столько хорошихъ вещей. Онъ далъ имъ быковъ, козъ и женщинъ». Представленіе о женщинѣ въ умѣ кафровъ совершенно совпадаетъ съ представленіемъ о домашнихъ животныхъ; это чрезвычайно полезное животное, хотя и уступаетъ немного быку и козѣ. Неудивительно поэтому, что и продается она совершенно наравнѣ съ остальными животными.

IV. Дагомея и Ашанти.

Мы видѣли, что эіопы-банту мало занимаются торговлей, а самая важная ея отрасль—торговля невольниками почти незнакома имъ. Но населеніе, живущее къ сѣверу отъ нихъ, на южной границѣ Сахары ведетъ оживленный торгъ рабами. Какъ мы уже упоминали ранѣе, эта полоса Африки была населена въ древности самыми низшими племенами чернокожихъ. Но постепенно съ сѣвера въ эту область переселялись и смѣшивались съ туземнымъ населеніемъ сначала эіопы, потомъ берберы и наконецъ арабы. Большая часть изъ образовавшихся такимъ образомъ племенъ приняла исламъ, но нѣкоторые и до сихъ поръ остаются фетишистами. Къ этимъ послѣднимъ племенамъ принадлежатъ дагомейцы и ашанти.

Самый главный предметъ торговли въ этихъ маленькихъ монархическихъ государствахъ составляютъ рабы. Кромѣ этого, они продаютъ европейцамъ только пальмовое масло, клыки слоновъ и золотой песокъ, но все въ очень небольшихъ количествахъ.

Промышленность въ Дагомеи стоитъ на самой низкой ступени развитія, главнымъ препятствіемъ для ея совершенствованія служить политическій строй. Дагомейскій король неограниченный повелитель своихъ подданныхъ, и поэтому какъ только кто-нибудь изъ дагомейцевъ проявитъ малѣйшее искусство въ какомъ-нибудь производствѣ, король сейчасъ же отбираетъ у него его издѣлія и вознаграждаетъ его самымъ скуднымъ образомъ. Хотя и гончарное, и ткацкое, и кузнечное ремесло извѣстны въ Дагомеѣ, но они находятся еще въ первобытномъ состояніи. Скота тамъ также почти не держатъ, только козы водятся у нихъ хорошей породы. Землю воздѣлываютъ исключительно рабы и женщины. Земледѣіе тамъ вообще стоитъ нѣсколько выше остальныхъ отраслей промышленности, земля чрезвычайно плодородна, а, кромѣ того, дагомейцы, хотя и не пахутъ ея, но зато аккуратно удобряютъ. Два раза въ годъ они собираютъ на своихъ поляхъ обильный урожай всевозможныхъ овощей и плодовъ. Но всѣ эти продукты не могутъ вызвать оживленнаго торговаго обмѣна, такъ какъ они имѣются въ большемъ или меньшемъ количествѣ и у всѣхъ сосѣдей. Въ сосѣдней странѣ Ашанти, расположенной нѣсколько ближе къ морю, торговля немного значительнѣе; кромѣ рабовъ, ашанти продаютъ иноземнымъ купцамъ

соль и скотъ. Оба эти маленькія государства, Дагомея и Ашанти, представляютъ собой идеаль абсолютной монархіи. Король безконтрольно распоряжается тамъ и людьми, и имуществомъ.

У ашанти король наследуетъ все золото, остающееся послѣ смерти каждаго изъ его подданныхъ; торговля тоже въ полной зависимости отъ короля. При покупкѣ чего-нибудь для монарха употребляются гири на одну треть тяжелѣе принятыхъ въ странѣ. Эти дикари, имѣющіе такое смутное представленіе о торговлѣ, цѣнятъ, тѣмъ не менѣе, чрезвычайно высоко богатство. Въ Абомеѣ—столицѣ Дагомеи—самой употребительной денежной единицей служатъ раковины-каурисъ. И вотъ король, чтобы поразить изумленіемъ свой народъ, воздвигъ себѣ домъ изъ раковинъ. Зданіе это имѣетъ около 70 метровъ длины и весь наружный фасадъ его, выходящій на площадь, сплошь покрытъ раковинами. Трогать эту драгоценную стѣну строго воспрещено, и кража одной изъ раковинъ считается тягчайшимъ преступленіемъ.

У. Нѣкоторыя вредныя слѣдствія первобытной торговли.

Племена, о которыхъ шла теперь рѣчь, далеко не представляютъ собой одного слитнаго цѣлаго. Ихъ объединяетъ только большая или меньшая принадлежность къ эіопской расѣ. У дагомейцевъ и ашанти, напримѣръ, примѣсъ крови высшей расы, вѣроятно, очень незначительна. Впрочемъ, быть можетъ ихъ покорили выходцы изъ долины Нигера, покинувшіе свою родину еще до вторженія туда Ислама, въ такомъ случаѣ Дагомейцы и Ашанти могутъ, и оставаясь фетишистами, составлять вѣтвь эіопской расы, тѣмъ болѣе, что, несмотря на всю свою дикость они достигли все-таки нѣкоторой политической организаціи, и далеко оставили за собой хотя бы негровъ Габуна.

Отличительной чертой всѣхъ эіопскихъ колоній служить малое развитіе въ нихъ промышленности. Ни въ Угандѣ, ни въ землѣ кафровъ неизвѣстно ткацкое искусство, а у ашанти и въ Дагомеѣ всѣ вообще ремесла находятся въ зачаточномъ видѣ. Вслѣдствіе этого и торговля тамъ не можетъ широко развиваться, по крайней мѣрѣ торговля вещами. Что касается торговли скотомъ и женщинами, то и въ землѣ кафровъ и въ Угандѣ она сильно распространена. Наконецъ, третья отрасль торговли—торговля рабами—продвѣтается и въ Дагомеѣ и у ашанти, но еще не получила никакого развитія у кафровъ.

Денежными единицами во всѣхъ этихъ [маленькихъ государствахъ] служатъ тоже раковины, бусы и, главнымъ образомъ, коровы.

Обращаясь теперь къ результатамъ торговли въ упомянутыхъ странахъ, мы должны будемъ признать, что они поистинѣ ужасны; наибольшій вредъ приносятъ чужеземные купцы, принадлежащіе къ высшимъ расамъ. Они пробуждаютъ въ туземцахъ жажду наживы и научаютъ ихъ легкимъ способамъ обогащенія—разбоємъ, доставляющимъ

въ изобиліи живой товаръ—скотъ и рабовъ, безпрестанно требуемыхъ караванами. Мы видѣли, какимъ образомъ ведутъ свои торговые дѣла сами эти болѣе цивилизованные коммерсанты.

А между тѣмъ эти племена, особенно живущія на крайнемъ востокѣ Африки и въ землѣ кафровъ, сравнительно хорошо одарены и, вѣроятно, способны цивилизоваться. Какая будущность ожидаетъ ихъ? Бѣлые уже ознакомили ихъ съ Библіей, опирающейся на вѣскіе доводы пушечныхъ ядеръ. А тамъ, гдѣ почему-нибудь не хватало религіозныхъ посылокъ, они просто убивали, грабили ихъ и захватывали ихъ земли на благо цивилизаціи, какъ хотятъ насъ увѣрить. Если дѣйствительно за кафраами охотятся во имя цивилизаціи, то надо сознаться, что это цивилизація жестокая, жадная и беззащитная.

ГЛАВА V.

Торговля въ промышленной полосѣ Африки.

I. Торговля въ маленькихъ магометанскихъ государствахъ.—Населеніе промышленной полосы.—Маленькія монархіи и завоеванія.—Промышленные налоги.—Хонго и саламъ.—Города.—II. Промышленность данной полосы.—Ткацкія и красильныя мастерскія.—Керамика.—Металлургія и кузнечное ремесло.—Добываніе желѣза.—Выдѣлка кожъ.—Текстильная промышленность.—Красильное искусство.—Промышленное земледѣліе.—Удобреніе.—Суррогатъ соли.—III. Денежные знаки.—Первобытные деньги.—Каурисъ.—Желѣзо и табакъ.—Кожа.—Матеріи, замѣняющія деньги.—Происхожденіе денегъ.—IV. Торговля.—Восточное происхожденіе африканской цивилизаціи.—Періодическіе рынки.—Торговки.—Распространенные товары.—Торговля рабами въ древнемъ государствѣ Конго.—V. Торговля въ Томбукту и Кано.—Паденіе Томбукту.—Его торговля.—Промышленность въ Томбукту.—Торговая роль кочующихъ туареговъ.—VI. Кано.—Торговля и населеніе.—Промышленность.—Работа невольниковъ.—Правительственныя стѣсненія.—Значительное развитіе калской торговли.—Торговля рабами.—Деньги и кредитныя операціи.—Проценты.—VII. Развитіе торговли у негровъ.—Переходъ отъ эпохи, предшествовавшей торговлѣ, къ эпохѣ коммерческой торговли.

I. Маленькія мусульманскія государства.

Чтобы закончить изученіе торговли въ Африкѣ, намъ остается рассмотреть полосу Африки, тянущуюся отъ Сенегала до Дарфура и Кордофу. Полоса эта приблизительно въ двѣсти верстъ шириной граничитъ на сѣверѣ съ Сахарой. Населеніе ея тоже смѣшанное. И эзіопы, и берберы, и арабы внесли свою долю въ созданіе его. Особенно ясны слѣды оставили на немъ арабы, проникавшіе туда вскорѣ послѣ принятія ислама. Воодушевленные религіознымъ пыломъ, они прошли всю эту полосу, превращая населявшихъ ее полу-дикарей въ ревностныхъ служителей Магомета.

Въ результатѣ постоянныхъ войнъ всѣ эти мелкія государства превратились въ абсолютныя монархіи, пополняющія свою государ-

ственную казну главнымъ образомъ разбоями и еще платой, взимаемой съ путешественниковъ. Это въ сущности тоже хонго дикарей, только носящее названіе салама. Уплачиваютъ его всѣ, безъ исключенія, путешественники, какъ купцы, такъ и не купцы. Купеческіе караваны должны уплачивать въ нѣкоторыхъ государствахъ около одной десятой стоимости всѣхъ ихъ товаровъ. *Саламъ* вносится самому государю, но вслѣдъ за нимъ требуютъ, въ свою очередь, вознагражденія и всѣ высшіе сановники. Количество требуемыхъ подарковъ колеблется въ зависимости отъ величины государства. Европейцы въ общемъ отдѣлываются, сравнительно, легче, такъ какъ привозимые ими предметы являются рѣдкостью въ этихъ странахъ и цѣнятся очень высоко. Путешественникъ Бартъ приводитъ нѣсколько списковъ подобныхъ саламовъ. Король Кукауа остался очень доволенъ преподнесенными ему подарками, они состояли изъ англійской бритвы, перочинаго ножа, бумажки толстыхъ иголокъ, полуфунта гвоздей и куска душистаго мыла. Въ Борну Бартъ послалъ государю красивый шелковый шнурокъ, кожаный сакъ-воляжъ и изящный экземпляръ Корана. Наконецъ въ Логонѣ король удовольствовался нѣсколькими бездѣлушками и парой турецкихъ шароваръ.

Очевидно, что вкусы этихъ маленькихъ деспотовъ мало чѣмъ отличаются отъ вкусовъ чернокожихъ дикарей. Но ихъ селенія уже не похожи на поселки негровъ. Это скорѣе города съ прямоугольными глиняными домами вмѣсто круглыхъ хижинъ дикарей. По большей части они обнесены кругомъ глиняной же стѣной съ нѣсколькими воротами. Столица Уаріи, напримѣръ, лѣтъ 60 тому назадъ представляла собой большой городъ, имѣвшій около 20 англійскихъ миль въ окружности, обнесенный высокими и толстыми стѣнами.

II. Промышленность средней полосы.

Въ этой средней полосѣ Африки промышленность, не имѣющая ничего общаго съ европейской промышленностью, достигла сравнительно довольно высокой ступени. Въ Бадагри, напримѣръ, Клапертонъ нашелъ цѣлую небольшую ткацкую мастерскую, съ нѣсколькими ткацкими станками. Употребленіе челнока тоже извѣстно тамъ. Тканьемъ занимаются обыкновенно молодые люди, окраска же тканей лежитъ на обязанности женщинъ. Для этого онѣ погружаютъ куски матеріи въ большіе глиняные горшки, наполненные краской индиго. Горшки эти выдѣлываются тамъ же, но другая глиняная посуда вымѣнивается ими обыкновенно у европейцевъ и цѣнится довольно высоко.

Добываніе жедѣза изъ руды и кузнечное ремесло извѣстны съ давнихъ поръ въ этой мѣстности. Нѣкоторые приемы, употребляемые при ковкѣ металловъ, устройство плавильныхъ печей и мѣховъ унаслѣдованы, вѣроятно, еще отъ древнихъ египтянъ.

Еще большаго развитія достигло въ промышленной полосѣ Африки кожевенное ремесло. Быть можетъ, негры обязаны въ этомъ отношеніи арабамъ-переселенцамъ. Впрочемъ, всѣмъ вообще пастушескимъ народамъ приходится постоянно имѣть дѣло съ кожами животныхъ и они волей-неволей совершенствуются въ способахъ выдѣлки ихъ. Кожевенное ремесло настолько развилось въ этой полосѣ, что оно распалось даже на нѣсколько отдѣльныхъ специальностей. Въ Сакату, напримѣръ, есть и сапожники, и сѣдельщики, и скорняки.

Надо замѣтить, что крупный скотъ мало распространенъ въ западной Африкѣ. Овцы и козы являются тамъ чуть ли не единственными домашними животными. Поэтому и всѣ кожевенныя издѣлія приготавливаются обыкновенно изъ козьихъ шкуръ. Прядуть женщины главнымъ образомъ тоже козью шерсть. Въ Саккату Клапертонъ нашелъ исключительно козъ и овецъ.

Въ средней Африкѣ кожевенное ремесло, вѣроятно, предшествовало ткаческому, но постепенно это послѣднее догнало и даже перегнало его. Въ настоящее время ткачество распространено во всей этой полу-цивилизованной полосѣ Африки, и вездѣ отличается одними и тѣми же характерными чертами. Ткацкіе станки тамъ чрезвычайно просты по устройству, а куски матерій коротки и, главное, узки, въ Логунѣ и въ Боркнѣ матеріи не шире 6, 7 дюймовъ, но зато прочны и прекрасно вытканы. Мѣстами матеріи достигаютъ даже только 4 дюймовъ ширины; чтобы выкроить изъ нихъ одежду ихъ приходится сшивать въ нѣсколько рядовъ. Пряжа нитокъ лежитъ исключительно на женщинахъ; ею занимаются обыкновенно жены и старыя, заслуженныя рабыни, такъ какъ эта работа считается самой легкой и пріятной. Между тѣмъ къ тканью женщины совершенно не допускаются, это уже область мужского труда. Иногда матеріи ткутся изъ смѣшанныхъ нитей—бумажныхъ и шелковыхъ или шерстяныхъ и шелковыхъ. Полученныя такимъ образомъ ткани отличаются красотой и прочностью. употребляются они только самыми богатыми неграми. Работа эта вообще не трудная и въ Тикѣ, напримѣръ, она почти каждый вечеръ заканчивается веселыми танцами молодежи.

Искусство окраски матерій не отстаетъ въ этой мѣстности отъ ткацкаго искусства. Въ нѣкоторыхъ городахъ устроены настоящія красильныя мастерскія, гдѣ производится окраска сразу большихъ партій матерій. Самый любимый цвѣтъ негровъ—синій, и самая распространенная краска—индиго. Окраска производится въ большихъ чанахъ, куда куски матеріи опускаются на довольно продолжительное время, иногда на нѣсколько дней, а иногда даже недѣли на двѣ. Такая медленность зависитъ оттого, что краска при этомъ не нагревается и матерія опускается въ совершенно холодную жидкость. Нѣкоторыя мѣстности славятся особеннымъ искусствомъ въ окрашиваньи, другія—наоборотъ, сильно отстали въ этомъ отношеніи и даже предпочитаютъ совсѣмъ не красить матеріи.

Вообще надо сказать, что промышленность въ этой средней полосѣ Африки хотя и не вездѣ стоитъ на одинаковой ступени, но достигла все-таки въ среднемъ значительной высоты и потому полоса эта можетъ бѣтъ по праву названа промышленной.

Впрочемъ, и земледѣіе развито тамъ нисколько не менѣе. Хлопчатая бумага, табакъ и нѣкоторыя растенія, дающія красящія вещества, воздѣлываются тамъ почти повсемѣстно. Изъ растеній, идущихъ въ пищу, особеннымъ распространеніемъ пользуются тамъ лукъ, пшпнать, бананы и маниокъ, а изъ хлѣбныхъ растеній—просо, рожь и рисъ. Во многихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Балтку и въ Мусгу ведется, по словамъ Барта, довольно правильная обработка полей, примѣняется даже уваживанье. Лошади почти неизвѣстны въ западной части этой полосы, но чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ они встрѣчаются все чаще и чаще.

Соль составляетъ тамъ, какъ и вездѣ, настоящую потребность населенія, добывается же она съ большимъ трудомъ. Мѣстами ее замѣняютъ разными суррогатами—золой нѣкоторыхъ растеній и т. п.

Такой относительно высокій уровень промышленности естественно влечетъ за собой и большую потребность и склонность къ обмѣну. а слѣдовательно, приводитъ въ концѣ концовъ къ развитію торговли.

III. О деньгахъ.

Естественно предположить, что въ этихъ маленькихъ государствахъ съ довольно сложнымъ государственнымъ устройствомъ и развитою промышленностью, торговля тоже не должна стоять на самой первобытной ступени. Непосредственный обмѣнъ тамъ уже почти не практикуется, вездѣ приняты какіе-нибудь денежныя знаки. Наиболѣе распространеннымъ изъ нихъ остается здѣсь по прежнему раковина—каурисъ; она является самой мелкой денежной единицей. Мѣстами, впрочемъ, она теряетъ свой характеръ — монеты и, попадая въ руки негровъ-фетишистовъ, приобретаетъ свое первоначальное назначеніе—служить украшеніемъ. Эту первобытную мѣновую единицу замѣняютъ мѣстами другія, болѣе поздняго происхожденія. Изъ нихъ особенно распространены куски кожи, называемые *ротль*, и полосы желѣза. Въ Кермикѣ, столицѣ Логгуна, деньгами служили связки тонкихъ желѣзныхъ пластинокъ, отъ 10 до 12 штукъ въ связкѣ. Эти пластинки колебались въ цѣнѣ и каждую среду (базарный день) султанъ объявлялъ ихъ курсъ; эти постоянныя колебанія давали поводъ къ разнымъ спекуляціямъ, мѣстные коммерсанты съ успѣхомъ вели игру на повышение и пониженіе, совершенно какъ на нашихъ биржахъ.

Но на первомъ мѣстѣ по распространенности въ качествѣ денежной единицы во всей промышленной полосѣ Африки стоятъ куски матеріи опредѣленной ширины и длины. Самой мелкой монетой служить

такъ называемая *нананди*, кусокъ бумажной ткани въ четыре сажени длины и два съ половиной дюйма ширины. Семь такихъ *нананди* составляютъ *дору*. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ изготовленіе этихъ *нананди* составляетъ главное занятіе жителей. Вѣроятно, эти узкія полосы матеріи стали употребляться въ качествѣ мѣновыхъ знаковъ именно по причинѣ ихъ узости, такъ какъ они не громоздки и легко поддаются дѣленію на части. Впрочемъ, мѣстами приняты также матеріи обыкновенной ширины, идущія для одежды.

Теперь, когда намъ извѣстна промышленность центральной Африки и различные виды денежныхъ единицъ, распространенныхъ тамъ, мы можемъ обратиться къ изученію различныхъ способовъ торговли, существующихъ въ ней.

IV. Торговля.

Нельзя ожидать, чтобы торговля на всемъ протяженіи промышленной полосы Африки стояла на одной и той же ступени развитія. Эта полоса вообще значительно мѣняетъ свой характеръ по мѣрѣ передвиженія отъ запада къ востоку. Восточная ея часть достигла значительно высшаго уровня культуры, чѣмъ западная. Сообразно съ этимъ и торговля гораздо менѣе оживлена, и приемы ея гораздо проще на западѣ. На нижнемъ теченіи Нигера негры, не привыкшіе къ обмѣну, торгуются цѣлыя мѣсяцы, раньше, чѣмъ рѣшатся продать какую-нибудь лодку. Иначе обстоитъ дѣло въ наиболѣе промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ процвѣтаетъ и земледѣліе, и скотоводство, и промышленность. Несмотря на большіе и часто совершенно произвольные налоги, взимаемые правителями съ купцовъ, торговля тамъ идетъ чрезвычайно живо. Почти повсюду есть правильные періодическіе базары, на которыхъ можно встрѣтить не только мѣстные произведенія, но и европейскіе товары. Въ нѣкоторыхъ городахъ базары эти устраиваются ежедневно и на нихъ продаются главнымъ образомъ разные плоды, овощи, птицы, овцы и козы, инструменты и мѣстные матеріи. Рядомъ съ этими базарами, служащими исключительно для удовлетворенія потребностей мѣстныхъ жителей, существуютъ и другого рода базары, устраиваемые черезъ значительные промежутки времени. Эти послѣдніе носятъ скорѣе характеръ ярмарокъ, районъ ихъ бываетъ очень широкъ, они привлекаютъ товары и покупателей иногда за сотни миль. На такія ярмарки, напримеръ, на ярмарку въ Кукѣ, собирается до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Кромѣ тѣхъ же продуктовъ, которые продаются въ меньшихъ количествахъ и на обыкновенныхъ базарахъ, однимъ изъ главныхъ товаровъ на этихъ ярмаркахъ служатъ рабы. Рабы продаются обыкновенно въ розницу и представляютъ чрезвычайно выгодный товаръ. Купецъ, пріобрѣтшій ихъ въ центральной Африкѣ за нѣсколько *нананди*, перепродаетъ на ярмаркѣ въ 10, 15 разъ дороже. Черезъ жуки болѣе крупныхъ промышленниковъ проходятъ тысячи рабовъ. Конечно, эта тор-

товля велась еще оживленнѣе въ то время, когда дѣятельное участіе въ ней принимали европейскіе купцы.

V. Торговля въ Томбукту.

Мы остановимся теперь болѣе подробно на разсмотрѣніи торговли въ двухъ коммерческихъ центрахъ средней Африки—Томбукту и Кано.

Томбукту былъ нѣкогда столицей могущественнаго государства и крупнымъ торговымъ городомъ. Теперь онъ утратилъ большую часть своего прежняго значенія. Тѣмъ не менѣе, это большой городъ, не менѣе трехъ миль въ окружности съ настоящими каменными домами. Равнина, на которой расположенъ Томбукту, совершенно безводна и бесплодна, она составляетъ прямое продолженіе Сахары. Каждый годъ Нигеръ разливается и затопляетъ окружающія городъ лагуны. Хлѣбныя растенія не вызрѣваютъ на этой почвѣ и ихъ привозятъ въ Томбукту съ верховьевъ Нигера и главнымъ образомъ изъ Сасанди. Хлопчатую бумагу, масло и овощи доставляются изъ Иене, и даже воду для питья рабы должны издалека привозить на ослахъ. Однимъ словомъ Томбукту живетъ исключительно торговлей и всецѣло зависитъ отъ каравановъ, приходящихъ главнымъ образомъ изъ Марокко и изъ оазиса Гадаместь.

Но самымъ важнымъ предметомъ ввоза въ Томбукту служитъ соль. Цѣлые караваны доставляютъ ее туда, и потомъ верблюды остаются отдыхать и кормиться въ городѣ мѣсяцевъ шесть. Въ Томбукту цѣлая часть города заселена одними солеторговцами. Вообще Томбукту обязанъ своимъ существованіемъ исключительно выгодному положенію на среднемъ теченіи Нигера—этой главной торговой дорогѣ западной Африки.

Изъ разныхъ видовъ промышленности въ Томбукту больше всего развилось кожевенное производство. Тамошніе ремесленники выдѣлываютъ очень искусно разныя кожаныя вещи: саквояжи, чемоданы, подушки и т. п. Изъ другихъ ремеслъ развилось только кузнечное и отчасти ювелирное. Ткачество же, напримѣръ, почти совершенно неизвѣстно, такъ что матеріи тамъ употребляются исключительно привозныя и преимущественно еврейскія, изъ которыхъ жители шьютъ нѣчто вродѣ арабскихъ бурнусовъ. Торговля съ европейцами, впрочемъ, имѣетъ мало значенія для Томбукту, такъ какъ европейскіе купцы рѣдко и съ большими затрудненіями могутъ проникать туда. Вообще въ настоящее время роль коммерческаго центра Африки переходитъ отъ Томбукту къ Кано. И, вѣроятно, европейскія государства не замедлятъ оспаривать другъ у друга протекторатъ надъ Кано.

VI. Кано.

Въ настоящее время Кано является дѣйствительно торговымъ центромъ Судана. Прежняя роль Томбукту цѣликомъ перешла къ нему. Какъ и всѣ негритянскіе города, Кано представляетъ собой поселеніе,

состоящее отчасти изъ каменныхъ домовъ, главнымъ же образомъ изъ конусообразныхъ хижинъ. Вокругъ онъ обнесенъ укрѣпленной стѣной. Въ немъ считается до 30 тысячъ постоянного населенія, а если къ нему причислить разный пришлый торговый и бродячій людъ, круглый годъ наводняющій Кано, то цифра эта, по меньшей мѣрѣ, удвоится.

Кано имѣетъ одно громадное преимущество передъ Томбукту; въ противоположность этому послѣднему, онъ расположенъ въ чрезвычайно плодородной мѣстности, что, конечно, сильно вліяетъ на благосостояніе жителей. Улицы его представляютъ собой почти сплошной рядъ прекрасныхъ магазиновъ, и по нимъ безостановочно движется шумная и пестрая толпа. Тамъ идетъ за провизіей скромная негритянка съ корзиной, рядомъ съ ней сверкаетъ жемчугомъ и брилліантами, разодѣтая въ яркіе цвѣта куртизанка. Тутъ богатый коммерсантъ въ шелковомъ халатѣ ведетъ за собой толпу полуголыхъ рабовъ. Оживленіе не уступаетъ крупнымъ европейскимъ центрамъ, но общій колоритъ восточный и даже типично африканскій.

Но не одни магазины наполняютъ Кано, въ немъ разсѣяна цѣлая масса маленькихъ мастерскихъ, ткацкихъ, кожевенныхъ и другихъ; кромѣ того, прекрасная почва позволяетъ жителямъ заниматься непосредственно подъ городомъ земледѣіемъ и скотоводствомъ. Такимъ образомъ, Кано не только торговый, но и промышленный центръ.

Вообще свободные жители Кано могли бы жить прекрасно, если бы не грабежи сосѣдей и не поборы своего князя. Этотъ послѣдній слишкомъ стремится проявлять свою власть, какъ всегда въ монархическихъ государствахъ и заставляетъ подданныхъ слишкомъ дорого платиться за свое вмѣшательство въ ихъ дѣла. Всѣ магазины—собственность государя и за наемъ ихъ купцы уплачиваютъ его чиновникамъ налогъ. Князь же налагаетъ произвольныя пошлины на всѣ товары. Двѣ трети всѣхъ плодовъ и овощей, вывозимыхъ на базаръ, должны представляться ко двору. Всякій чужестранецъ тоже обязанъ дѣлать подарки правителю. Хотя въ общемъ подарки эти значительно менѣе тяжело ложатся на путешественника, чѣмъ *хонго* восточной Африки. Вообще жизнь въ Кано довольно дешева. Цѣлая семья можетъ прожить тамъ въ годъ на 60.000 каурисъ; при томъ, что 2.500 этихъ раковинъ равняются одному австрійскому флорину.

Область торговыхъ сношеній Кано очень велика. Она простирается въ разныя стороны до Мурсука, Рата, Триполи, Томбукту, Дарфура и даже до Атлантическаго океана. Изъ Европы тоже доставляются въ Кано различные товары. Манчестерскія бумажныя ткани, французскій шелкъ, саксонское полотно, нюрнбергское стекло, солингенская сталь и т. п.

Въ свою очередь, Кано вывозитъ мѣстныя бумажныя ткани, идущія на женскія туники и мужскіе плащи и другіе продукты своей промышленности. Но главный товаръ, на которомъ основывается торговля

Кано—остаются по прежнему рабы. Цѣлые караваны ихъ привозятся туда изъ центральной Африки и около пяти тысячъ вывозятся ежегодно въ Борну, Фецданъ и Ратъ. Большая же часть ихъ раскупается въ самомъ Кано, такъ какъ все земледѣіе и скотоводство Кано держится на рабахъ.

Удивительно, что при такой оживленной торговлѣ, почти единственной денежной единицей въ Кано служатъ все тѣ же раковины—каурисъ. Между тѣмъ, оставляя ихъ крайнюю малоцѣнность, онѣ чрезвычайно громоздки и неудобны для перевозки. На одного верблюда можно нагрузить ихъ не болѣе 150.000. Европейскія монеты тоже извѣстны въ Кано, но не пользуются распространеніемъ. Такая неудобная монета при оживленныхъ торговыхъ оборотахъ неизбѣжно ведетъ къ возникновенію различныхъ кредитныхъ операций.

И дѣйствительно, духъ спекуляціи чрезвычайно силенъ въ Кано. Бартъ рассказываетъ, что однажды во время пребыванія въ Кано у него не хватило денегъ. Государь тотчасъ же приказалъ купцамъ ссудить путешественнику двѣсти долларовъ. Они безпрекословно исполнили это, но по возвращеніи изъ Триполи по истеченіи четырехмѣсячнаго срока онъ долженъ былъ возвратить эту сумму и уплатить 300⁰/₀. Очевидно, что кредитныя операціи не были тутъ новостью.

VII. Эволюція торговли у негровъ.

Теперь, заканчивая обзоръ негритянскихъ племенъ, мы можемъ подвести итоги эволюціи торговли у нихъ. Прежде всего тутъ, какъ и вездѣ существовала эпоха, предшествующая торговлѣ, когда никто не помышлялъ объ обмѣнѣ. Всякій родъ довольствовался тѣмъ, что имѣетъ, внутри у него все было общее, съ другими же кланами существовали только враждебныя отношенія.

Потомъ дѣлается шагъ впередъ, начинаютъ накапливаться предметы уже не первой необходимости, появляется личная собственность. Отдѣльные члены клана владѣютъ иногда въ избыткѣ рабами, женщинами, украшениями, продуктами земледѣльческой промышленности и т. п. Тогда начинается практиковаться обмѣнъ. Сперва торгующія стороны пытаются обмѣниваться товарами, не входя въ непосредственныя сношенія. Но скоро этотъ способъ обмѣна, вызванный взаимнымъ страхомъ и въ то же время опирающийся на взаимное довѣріе, смѣняется другимъ, при которомъ происходитъ прямой обмѣнъ изъ рукъ въ руки. Какъ мы видѣли въ Нубіи, такой обмѣнъ происходитъ обыкновенно въ опредѣленные дни подъ защитой вооруженныхъ людей. Въ это время торговые сношенія еще очень незначительны, онѣ становятся болѣе оживленными гораздо позднѣе, когда промышленность достигаетъ извѣстнаго развитія и сумма ея произведеній на много превышаетъ потребности населенія.

Единственно путемъ соціальной эволюціи всѣ народы достигли бы раньше или позже этого періода, который можно уже съ полнымъ правомъ назвать торговымъ. Но народы, нѣсколько запоздавшіе въ своемъ развитіи, обыкновенно вступаютъ на путь торговли при содѣйствіи болѣе культурныхъ расъ. Эти послѣдніе стараются побороть ихъ равнодушіе къ торговлѣ, возбуждая ихъ жадность видомъ неизвѣстныхъ еще имъ предметовъ—украшеній, опьяняющихъ напитковъ и т. п.

Слѣдующая фаза, уже безслорно промышленная и торговая, встрѣчается изъ всѣхъ негритянскихъ странъ только въ средней полосѣ Африки. Тамъ и промышленность, и торговля специализировались, что стало возможнымъ, благодаря сильному развитію рабства. Наиболѣе тяжелыя работы, удовлетворяющія первымъ потребностямъ—земледѣліе, скотоводство—легли всецѣло на рабовъ, а свободное населеніе занялось ткацкимъ, кузнечнымъ и другими ремеслами, торговля продуктами которыхъ особенно выгодна.

Развитіе промышленности и торговли въ средней полосѣ Африки обязано, главнымъ образомъ, вліянію чужеземныхъ народовъ, ускорившихъ совершавшуюся тутъ эволюцію.

Но, какъ только торговля достигла извѣстной ступени развитія, непосредственный обмѣнъ товарами представилъ много неудобствъ, замедляя процессъ торговли. Тотчасъ же стали выдѣляться нѣкоторые товары, съ которыми сравнивались остальные, т. е. первоначальные денежные знаки. Чаще всего въ качествѣ такихъ денежныхъ единицъ фигурировали предметы роскоши, украшенія. Самымъ первобытнымъ изъ такихъ денежныхъ знаковъ можно считать раковины—*кау-рисъ*. Они употребляются и на островахъ Великаго Океана, и въ Африкѣ и вездѣ служили или служатъ въ тоже время украшениями. Матеріи, играющія ту же роль, можно то же считать предметами роскоши, такъ какъ это, главнымъ образомъ, яркія ткани, служащія для нарядныхъ одеждъ.

Замѣтимъ, что настоящія золотыя и серебряныя монеты, подобные нашимъ, въ Африкѣ совсѣмъ не употребляются. Если и можно встрѣтить тамъ иногда такія монеты, то только привезенныя извнѣ; въ качествѣ денежныхъ знаковъ онѣ почти совсѣмъ не имѣютъ распространенія, ихъ употребляютъ только женщины, также какъ и мѣстныя монеты, для украшенія, изъ нихъ устраиваютъ обыкновенно ожерелья.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Желтыя расы.

ГЛАВА VI.

Торговля въ Полинезіи.

I. Желтокожіе и Полинезійцы.—Монгольское населеніе Азіи.—Монголы на Великомъ океанѣ.—Теорія о малайскомъ происхожденіи полинезійцевъ.—Критика этой теоріи.—Переселенія полинезійцевъ.—II. Полинезійская промышленность.—Полинезійскія парогі и ихъ устройство.—Торговля путешествія.—Предметы промышленности и декоративная скульптура.—Матерія изъ бумаги и окраска ихъ.—Содяныя варницы на Сандвичевыхъ островахъ.—Разведеніе плодовыхъ деревьевъ.—Домашнія животныя.—III. Торговля.—Торговля сношенія между Тонга и Вити.—Господство собственности.—Семейное производство.—Обычай подарковъ.—Терпимость къ воровству. Незначительность торговыхъ обмѣновъ.—Старинные способы торговли.—Страсть къ желѣзу.—Гвозди въ качествѣ денежныхъ единицъ.—Женщины.—Красныя перья и ихъ цѣнность.—Первые случаи продажи земли европейцамъ.—Желѣзо замѣняетъ камень.—Торговая неопытность и европейскія монеты.—IV. Происхожденіе торговли въ Полинезіи.—Родовая промышленность.—Переходъ отъ подарковъ къ обмѣну.—Грабежъ замѣняетъ торговлю.

I. Желтокожіе и полинезійцы.

Желтокожіе или монголы—это самая многочисленная изъ трехъ человѣческихъ расъ, покрывающихъ землю. Большая часть ея населяетъ азіатскій материкъ. Къ ней относятся прежде всего четырехсотъ-милліонный китайскій народъ и другіе народы, претерпѣвшіе въ той или другой степени вліяніе китайской цивилизаціи: японцы, кочующія племена сѣверной Азіи, индо-китайцы и т. д.

Къ этой же монгольской расѣ принадлежатъ и желтокожіе туземцы Америки и обитатели многочисленныхъ острововъ Великаго океана: Каролинскихъ, Маріанскихъ, Микронезійскихъ и т. д. Наконецъ, къ ней же причисляются и полинезійцы, хотя въ достовѣрности происхожденіе ихъ и до сихъ поръ неизвѣстно. Относительно этого существуютъ три теоріи. Согласно одной изъ нихъ, полинезійская раса совершенно самостоятельна и представляетъ собой остатокъ какой-то крупной расы, первоначально населявшей погибшій материкъ, отъ котораго сохранились только небольшія части, извѣстныя подъ именемъ полинезійскихъ острововъ.

Возраженіемъ противъ этой теоріи служить, во-первыхъ, то, что острова эти всѣ коралловаго происхожденія, слѣдовательно, постепенно и медленно выросли на поверхности океана. Во-вторыхъ, въ Полинезіи извѣстно очень небольшое количество породъ млекопитающихъ животныхъ, такъ что мало вѣроятно, чтобы тамъ возникла самостоятельная человѣческая раса.

Вторая теорія объясняетъ происхожденіе полинезійцевъ переселеніемъ съ Малайскаго архипелага. Противъ нея можно тоже многое возразить и самое существенное то, что въ этой части Великаго океана существуетъ постоянное теченіе и постоянные вѣтра, дующіе съ востока на западъ, т. е. какъ разъ въ направленіи отъ Полинезіи къ Малайскому архипелагу. Даже европейцамъ до изобрѣтенія паровыхъ машинъ было трудно противиться двойному напору и вѣтра, и теченія, туземцы же на своихъ пирогахъ едва ли могли переплывать значительныя разстоянія при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ.

Остается третья теорія, согласно которой Полинезія заселилась переселенцами съ разныхъ другихъ великоокеанскихъ острововъ и, главнымъ образомъ, изъ Америки. Переѣздъ отсюда въ Полинезію, напротивъ, чрезвычайно облегчается попутнымъ вѣтромъ и теченіемъ. Это предположеніе подтверждается послѣдними научными экспедиціями, предпринятыми туда изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Во время этихъ изысканій найдены были въ Полинезіи характерныя пластинки съ надписями, несомнѣнно американскаго происхожденія. Переселенія въ Полинезію совершались, вѣроятно, въ такихъ же двойныхъ пирогахъ, какія и до сихъ поръ употребляются туземцами.

II. Полинезійская промышленность.

Эти двойныя пироги съ давнихъ поръ возбуждали удивленіе европейцевъ; не надо забывать при этомъ, какими первобытными инструментами пользовались полинезійцы для постройки ихъ. Пироги эти представляютъ собой двѣ лодки, сдѣланныя каждая изъ цѣльнаго куска дерева отъ 40 до 50 футовъ длины. Лодки связаны другъ съ другомъ довольно большой палубой, на которой во время далекихъ походовъ полинезійцевъ помѣщались воины. На ней иногда возвышалось нѣчто вродѣ рубки. Такія пироги поднимаютъ болѣе 40 человѣкъ. Ходятъ онѣ подъ однимъ или двумя парусами изъ цыновокъ, а противъ вѣтра на веслахъ.

Какими же инструментами пользовались они для постройки такихъ, сложныхъ сооружений? Посѣтивъ въ первый разъ полинезійцевъ, европейцы нашли у нихъ только—базальтовые топоры, сверло и скребокъ изъ коралловъ и кожу одного вида рыбъ для полированія дерева. Чтобы срубить одно дерево для пироги, нѣсколько островитянъ должны были работать нѣсколько дней. На своихъ пирогахъ островитяне предпринимали иногда довольно большія путешествія. Такъ, жители Тонго ѣздили на острова Фиджи или Вити, т. е. за 150 верстъ. Это разстояніе они проѣзжали обыкновенно въ трое сутокъ, направляя свой путь днемъ по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Они знаютъ главнѣйшія созвѣздія, изучили ихъ движенія по небесному своду и даже дали имъ свои названія. Въ облачную погоду единственными ихъ руководителями служатъ вѣтеръ и теченіе.

Путешествія изъ Тонго на острова Вити имѣли иногда торговую

цѣль. Жители Тонго, не знавшіе, какъ и всѣ вообще полинезійцы, гончарнаго искусства, привозили съ острововъ Вити глиняные сосуды и перья красныхъ попугаевъ—предметъ, цѣнимый очень высоко въ Полинезіи; кромѣ того они вывозили оттуда сандалное дерево, твердые камни для топоровъ и даже иногда животныхъ. Такъ, капитанъ Кукъ рассказываетъ, что когда онъ первый разъ посѣтилъ острова Тонга, тамъ совсѣмъ не было собакъ; но черезъ нѣсколько лѣтъ онъ захватилъ туда вторично и нашелъ довольно много этихъ животныхъ. Оказалось, что туземцы перевозили ихъ съ острововъ Фиджи.

Впрочемъ, примѣры такихъ далекихъ путешествій съ торговыми цѣлями встрѣчаются очень рѣдко въ Полинезіи. Всякій маленькій архипелагъ, всякій островъ даже, имѣетъ свою промышленность, совершенно сходную съ промышленностью сосѣднихъ острововъ и вполне удовлетворяющую ограниченнымъ потребностямъ его обитателей. Обмѣнъ при этомъ условіи не вызывается необходимостью.

Полинезійская промышленность въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ достигла довольно значительнаго совершенства. Всѣ издѣлія изъ дерева—стулья, посуда, инструменты и т. п.—сдѣланы у нихъ чрезвычайно искусно и иногда даже изящно. Но особенно поразительна ихъ способность и страсть къ деревянной орнаментировкѣ. Пироги ихъ украшены такими тонкими деревянными рельефами, которые сдѣлали бы честь любому европейскому мастеру.

Матеріи, выдѣлываемыя ими изъ одного вида папируса тоже отличаются разнообразіемъ и вкусомъ въ отдѣлкѣ. Они окрашиваютъ ихъ обыкновенно при помощи соковъ разныхъ растений въ красный, желтый и розовый цвѣта и даже иногда пропитываютъ благовоніями. Очень искусны они также въ изготовленіи корзинъ, сѣтей и удочекъ для рыбной ловли. Но рядомъ со всѣмъ этимъ въ полинезійской промышленности встрѣчаются иногда странные, ничѣмъ необъяснимые пробѣлы. Такъ, напримѣръ, гончарное искусство совершенно неизвѣстно имъ, тогда какъ малайцы и папуасы, стоящіе въ промышленномъ отношеніи гораздо ниже ихъ, давно уже знакомы съ нимъ. Между прочимъ, полинезійцы обладаютъ еще однимъ искусствомъ, совершенно чуждымъ первобытнымъ народамъ,—они умѣютъ извлекать соль изъ морской воды. На берегахъ Сандвичевыхъ острововъ капитанъ Кукъ видѣлъ цѣлыя приспособленія для этого. Въ землѣ вырыты квадратныя ямы отъ 6 до 8 футовъ ширины и около 8 дюймовъ глубины. Внутри онѣ тщательно обложены глиной. Въ нихъ выпаривается морская вода. Чтобы объяснить такія противорѣчія въ развитіи полинезійской промышленности, надо допустить, что первые переселенцы въ Полинезію принесли съ собой уже въ готовомъ видѣ нѣкоторыя знанія и искусства, заимствованныя у какой-нибудь варварской цивилизаціи.

Изъ земледѣльческихъ работъ они занимаются, главнымъ образомъ, разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ—банановъ, кокосовыхъ пальмъ, хлѣбнаго дерева и т. п.

Домашнихъ животныхъ въ Полинезiи очень мало; изъ млекопитающихъ они знаютъ только собаку и свинью. Притомъ собака, также какъ и свинья, воспитывается у нихъ только на убой. Дружескихъ отношеній между челоѣкомъ и собакой тамъ совсѣмъ не существуетъ; и удивительно, что тамошняя собака или утратила, или совсѣмъ не имѣла способности лаять. Этотъ способъ выраженія своихъ чувствъ оказывается исключительнымъ достояніемъ цивилизованныхъ собакъ. Главную пищу доставляетъ полинезійцамъ, козачно, море.

III. Торговля.

Обмѣнъ между островами Тонга и Вити представляетъ собою явленіе исключительное, вообще же случаи торговаго обмѣна были очень рѣдкимъ явленіемъ въ Полинезiи. Объясняется это тѣмъ, что до знакомства съ европейцами никакихъ условій, благоприятствующихъ появленію торговли въ Полинезiи, не было. Съ одной стороны, каждая полинезійская семья производила все необходимое для своего потребленія и производила совершенно такъ же, какъ и всѣ ея сосѣди. Съ другой стороны вся земля въ Полинезiи считалась собственностью государей. Да и права на движимое имущество подданныхъ были довольно ограничены. Государь могъ присвоить себѣ любой предметъ, находившійся во владѣніи его подданнаго.

Когда государь совершалъ путешествіе по своимъ владѣніямъ, глашатаи наканунѣ извѣщали объ этомъ населеніе, выкрикивая во всѣхъ поселкахъ: «Доставайте подарки». И всякій выносилъ государю подарокъ сообразно своимъ средствамъ.

Полинезійцы имѣютъ обыкновеніе селиться по нѣскольку семей въ одной хижинѣ. Такія хижины достигаютъ иногда 60 футовъ длины и даже болѣе. Внутри этихъ маленькихъ группъ всѣ работы производятся сообща. Женщины вмѣстѣ выдѣлываютъ свои бумажныя матеріи, иногда въ нѣсколько сотъ футовъ длины, мужчины вмѣстѣ вяжутъ громадныя невода.

Кромѣ того, въ Полинезiи существуетъ еще одинъ характерный обычай. Мужчины часто заключаютъ между собой союзы тѣсной дружбы. У такихъ друзей—*тайо* или *икоя* все считается общимъ, не исключая и женъ. И даже жены сочли бы себя глубоко оскорбленными, если бы друзья не воспользовались своимъ правомъ.

Всѣ эти обычаи показываютъ, что отношеніе къ собственности у полинезійцевъ совершенно своеобразное, не похожее на европейское представленіе о ней.

Обычай дѣлать и принимать подарки пользуется большимъ распространеніемъ въ Полинезiи. «Казалось,—разсказываетъ Кукъ о жителяхъ острововъ Друзей,—что они даже больше любятъ дарить, чѣмъ получать подарки; тѣ, которые не могли подойти къ намъ ближе, бросали намъ черезъ головы другихъ цѣлыя куски матеріи, не прося и не ожидая ничего въ обмѣнъ... И старики, и молодые, и мужчины, и

женщины обнимали насъ, цѣловали намъ руки, прижимали ихъ къ своей груди и смотрѣли на насъ съ такой любовью, что мы, положительно, были тронуты».

Подарками въ Полинезій всегда осыпають путешественниковъ. На корабли имъ постоянно присылають цѣлыя массы мѣстныхъ фруктовъ и всего, что имъ нравится. Только вещи, полученной на память отъ друга, ни одинъ полинезеецъ никогда не подарить и не промѣняетъ.

Не менѣе склонны островитяне и получать подарки. На корабль Кука явилось все многочисленное семейство короля съ острововъ Таити, и всѣ дяди, тетки и племянники правителя безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти выпрашивали у англичанъ разныхъ плѣнившихъ ихъ бездѣлушекъ. И продѣлывали они все это съ такими умильными взглядами и жестами, что отказать не было возможности. Молодые женщины называли матросовъ «братьями» — старушки просили «не отказать доброй бабушкѣ» и т. п. Получивъ, что имъ хотѣлось, они сейчасъ же послали на берегъ и съ своей стороны одарили чужестранцевъ красивыми туземными матеріями розоваго, краснаго и соломеннаго цвѣта. На большей части острововъ Полинезій смутное представленіе о частной собственности влечетъ за собой свободное отношеніе не только къ своей, но и къ чужой собственности. Воровство почти нигдѣ не считается преступленіемъ. Входъ въ хижины островитянъ обыкновенно запертъ только цыновкой и всякій легко можетъ утащить изъ чужого дома, что ему приглянется. Но у хозяина есть средство защитить свое имущество. Ему стоитъ только повѣсить надъ дверями пучекъ священныхъ полосокъ, и тогда все находящееся въ домѣ считается *табу*, т. е. неприкосновеннымъ. Нарушеніе *табу*, а также кража вещей, принадлежащихъ непосредственно королю, считается тяжкимъ преступленіемъ.

Случаи торговаго обмѣна между островитянами чрезвычайно рѣдки, но все-таки иногда бываютъ. Такъ, напримѣръ, женѣ одного новозеландскаго начальника очень понравилась красивая цыновка, принадлежавшая другой женщинѣ. Последняя ни за что не соглашалась уступить ее. Тогда начальникъ началъ всячески соблазнять ее, досталъ нѣсколько красныхъ перьевъ попугая и воткнулъ въ прически стоявшихъ тутъ же женщинъ. Собственница долго колебалась, но, наконецъ, не устояла, обмѣнъ совершился, и начальникъ тутъ же поднесъ женѣ желанную цыновку.

Живой товаръ тоже служилъ иногда предметомъ обмѣна въ Новозеландіи. Такъ, одинъ начальникъ, по словамъ Маредена, купилъ себѣ молодого раба за 20 корзинъ сладкихъ пататовъ.

Одинъ фактъ, сообщенный Валлисомъ, указываетъ, повидимому, что и въ Полинезій существовалъ обычай заглазнаго обмѣна. На островахъ Таити между англичанами и островитянами произошла небольшая ссора. Чтобы возстановить миръ, таитяне расположили по своему берегу рѣки, отдѣлявшей ихъ отъ англичанъ, связанныхъ свиней, собакъ и куски матеріи. Когда они удалились, англичане подплыли въ лодкахъ, взяли

животныхъ, а матеріи оставили, положивъ рядомъ съ ними топоры, гвозди и т. п. Увидѣвъ, что матеріи не тронуты, туземцы прибавили еще свиней и собакъ, чтобы удовлетворить противную сторону.

Гвозди и вообще разные желѣзные предметы всего охотнѣе принимались полинезійцами въ обмѣнъ на ихъ товары. Иногда видъ желѣза, неизвѣстнаго имъ раньше, до того возбуждалъ ихъ жадность, что они пытались силой вырвать его у путешественниковъ или утащить съ помощью хитрости. Но существуетъ еще одинъ предметъ, который цѣнится туземцами еще выше желѣза—это красныя перья попугаевъ (полинезійцы отлично умѣютъ различать ихъ и ни за что не возьмутъ крашенныхъ), за нихъ можно получить все, что угодно, начиная отъ матеріи и плодовъ, и кончая женщинами. Одинъ вождь таитянъ, узнавъ, что у капитана Кука есть драгоцѣнныя перья, явился къ нему на корабль съ женой и предлагалъ ее замѣнить за нѣсколько перьевъ. Жена тоже поддерживала его просьбы и всеми способами старалась склонить Кука на такую сдѣлку.

Вообще торговля женщинами составляетъ самое обычное явленіе въ Полинезій, отцы и мужья съ готовностью уступаютъ желающимъ на время своихъ женъ и дочерей.

Новозеландскіе правители постоянно предлагаютъ своихъ женъ и подданныхъ за соотвѣтствующее вознагражденіе европейцамъ, и притомъ вся плата идетъ не самой женщинѣ, а предложившему ее вождю. Женщина же можетъ удержать себя только то, что она успѣетъ выманить или украсть сверхъ условленной платы. И женщины въ этомъ отношеніи обыкновенно не плошуютъ, онѣ стараются захватить съ собой все, что попадется подъ руку. Правитель имѣетъ право торговать такимъ образомъ только рабынями и незамужними женщинами; для замужнихъ же необходимо согласіе мужа, измѣна безъ его разрѣшенія строго наказывается.

На островахъ Таити торговля женщинами происходитъ еще проще. Валлисъ рассказываетъ, что при приближеніи его корабля на встрѣчу ему выѣхала пирога, наполненная голыми женщинами. Мужчина, предлагавшій ихъ, наигрывалъ на туземной флейтѣ, извлекая изъ нея звуки носомъ. На берегу женщины сами предлагали себя главнымъ образомъ за гвозди, такъ что матросы начали даже таскать гвозди изъ корабля. Иногда же ихъ предлагали мужчины, отцы приводили своихъ дочерей, тщательно опредѣляя съ помощью кусочка дерева, какой величины долженъ быть гвоздь, служащій платой. Женщины высшихъ классовъ держали себя нѣсколько болѣе сдержанно, хотя и ихъ мужья иногда предлагали.

На Маркизовыхъ островахъ каждый подплывающій корабль положительно осаждаютъ женщины. Иногда ихъ подвозитъ на пирогахъ кто-нибудь изъ мужчинъ и предлагаетъ или въ обмѣнъ на что-нибудь, или въ качествѣ подарка. Нѣкоторые отцы считаютъ даже за честь для себя, когда путешественники принимаютъ ихъ дочерей, и въ бла-

годарность сами дѣлають имъ подарки. Иногда женщины просто вплавь слѣдуютъ за кораблемъ и съ легкостью взбираются на палубу. На утро онѣ возвращаются на берегъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ отцы, мужья и братья и отбирають у нихъ подарки, полученные отъ матросовъ. Наканунѣ мужчины тоже провожаютъ ихъ на берегъ, и когда онѣ бросаются въ воду, тѣ даютъ имъ послѣднія внушенія. «Уи,—раздаются вслѣдъ имъ восклицанія,—не забудь соленую рыбу!»—«Тахіо, попроси для меня пороху!»—«Ману, принеси мнѣ ожерелье!» А въ это время женщины стараются перегнать другъ друга и раньше приплыть на корабль. Опоздавшія, найдя всѣ мѣста занятыми, должны со стыдомъ возвращаться на берегъ, и ихъ сопровождаютъ насмѣшливыя восклицанія счастливыхъ соперницъ.

Такіе же нравы господствуютъ и на всѣхъ остальныхъ островахъ Полинезіи.

Теперь, впрочемъ, подъ вліяніемъ европейцевъ, въ Полинезію проникають нѣкоторые обычаи, прежде совершенно неизвѣстные тамъ. Такъ, напримѣръ, земля считалась раньше въ Полинезіи собственностью правителей и находилась только во временномъ владѣніи у подданныхъ. Самая мысль объ отчужденіи ея была для нихъ невозможна. Европейцамъ долго пришлось знакомить ихъ съ этой идеей, но въ концѣ концовъ они достигли своей цѣли. Первая продажа земли была обставлена очень торжественно. Вожди долго совѣщались между собой, соглашались ли на такое неслыханное предложеніе. Наконецъ, они рѣшились, и европейцы написали условіе. Каждый изъ присутствовавшихъ вождей приказалъ нататуировать у себя на лицѣ опредѣленный знакъ «моко», и тѣмъ же знакомъ вмѣсто подписи скрѣплена была бумага. Нечего и говорить, что при этомъ торжественномъ актѣ туземцы оказались далеко не въ выигрышѣ. 24 января 1815 года его преподобіе отецъ Марсденъ приобрѣлъ такимъ образомъ у туземцевъ для *англійскаго общества миссіонеровъ* двѣсти акровъ земли за двѣнадцать топоровъ.

Въ настоящее время, послѣ знакомства съ европейцами, желѣзные орудія совершенно вытѣснили прежнія каменные. Старыя они дѣлають только для продажи европейцамъ и несравненно хуже, чѣмъ раньше.

Гораздо труднѣе прививаются у нихъ европейскія деньги. Нѣкоторые, особенно женщины, охотно берутъ ихъ въ качествѣ украшеній, но также охотно мѣняють два старыхъ потемнѣвшихъ доллара на одинъ новый блестящій. Приучить ихъ смотрѣть на золотыя монеты, какъ на мѣновые знаки, чрезвычайно трудно.

IV. Происхожденіе торговли въ Полинезіи.

Когда европейцы впервые проникли въ Полинезію, промышленность тамъ носила характеръ семейный, даже родовой; такъ какъ въ одной хижинѣ помѣщалось нѣсколько семей и всѣ занимались общей работой. Единственное раздѣленіе труда, извѣстное имъ, было раздѣленіе между мужчинами и женщинами. Выдѣлка разныхъ оружій, орудій, постройка домовъ

и пирогъ лежала всецѣло на обязанности мужчинъ; женщины же занимались тканьемъ матерій. Но каждый мужчина и каждая женщина могли исполнить всякую работу, относившуюся къ ихъ полу. При такомъ условіи обмѣнъ, очевидно, не вызывался необходимостью.

Но, съ другой стороны, господствовавшій во всей Полинезійской области обычай дѣлать и принимать подарки неминуемо^о долженъ былъ породить идею торговаго обмѣна. Обмѣниваясь подарками, полинезійцы неизбѣжно должны были натолкнуться на мысль, выгоденъ ли для нихъ данный обмѣнъ подарковъ. А разъ явилась эта мысль, начало торговлѣ уже положено. При первомъ же случаѣ проснется желаніе приобрести съ помощью обмѣна какую-нибудь полезную или пріятную вещь.

Появленіе европейскихъ кораблей сразу превратило эту склонность къ обмѣну въ положительную страсть. Настоящія дѣти по характеру, островитяне совершенно обезумѣли при видѣ новыхъ невиданныхъ предметовъ. Часто, не имѣя терпѣнія вступать въ длинные переговоры съ европейцами относительно уступки какой-нибудь плѣннѣйшей ихъ вещи, они предпочитали просто утащить ее, такъ чтобы чужеземцы не замѣтили. Но это происходило главнымъ образомъ не отъ нечестности, а отъ смутнаго пониманія идеи частной собственности.

ГЛАВА VII.

Торговля въ дикихъ странахъ Америки.

I Происхождение и раздѣленіе жителей Америки.—Древность человѣка въ Америкѣ.—Происхождение его.—II. Промышленность дикарей въ южной Америкѣ.—Кочующія племена крайняго юга.—Земледѣльческія племена.—Одежда изъ шкуръ и коры.—Ткацкое искусство.—Каменные издѣлія.—III. Торговля.—Право прохода.—Торговля съ европейцами.—Продажа плѣнныхъ и дѣтей.—Покупка женъ и положеніе женщинъ.—IV. Торговля у краснокожихъ.—Происхождение краснокожихъ.—Манданы и промышленность у нихъ.—Родовыя общины краснокожихъ.—Эпоха предшествующая торговлѣ.—Способы торговли.—Работы женщинъ.—Обработка кожъ.—Корзины.—Гончарное искусство у натчевовъ.—Торговля съ бѣлыми.—Торговля мѣхами.—Уничтоженіе животныхъ.—Развитіе промышленности краснокожихъ вблизи Мексики и Перу.—Торговля рабами.—Разбой.—Монеты.—Американскія *хаурисы*.—Водка и европейскіе товары.—Несчастныя попытки административной цивилизаціи.—V. О промышленности и торговлѣ индѣйцевъ вообще.—Незначительность мѣстной торговли.—Общинныя права.—Первоначальное братство.—Торговля съ бѣлыми и плохіе слѣдствія ея въ нравственномъ отношеніи.—Переходъ отъ альтруизма къ эгоизму.—Отношеніе къ католической религіи.

I. Происхождение и раздѣленіе жителей Америки.

При изученіи многочисленныхъ племенъ, населяющихъ Америку, тоже прежде всего возникаетъ вопросъ о ихъ происхожденіи. Древность человѣка въ Америкѣ очень велика, но все же нельзя считать доказаннымъ, чтобы онъ появился тамъ самостоятельно; палеонтологія не открыла еще пока на всемъ этомъ громадномъ материкѣ суще-

ствованія антропоморфныхъ обезьянъ, на что только и могла бы опереться подобная гипотеза.

Съ другой стороны, переселеніе первобытныхъ обитателей Америки хотя бы изъ Азіи представляется вполне вѣроятнымъ. Беринговъ проливъ и раньше, какъ теперь, не могъ служить препятствіемъ для сношеній между Азіей и Америкой. И дѣйствительно, большая часть американскихъ племенъ непосредственно примыкаетъ къ великой желтой расѣ. Только одно обстоятельство тутъ остается до сихъ поръ мало объяснимымъ: американскіе индѣйцы по мѣрѣ приближенія къ югу представляютъ все больше чертъ сходства съ монгольской расой. Жители бассейна Амазонки—типичные желтокожіе; наоборотъ, индѣйцы сѣверной Америки имѣютъ, рядомъ съ характерными монгольскими чертами, много чертъ сходства съ нѣкоторыми бѣлыми расами.

Это затрудненіе можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Очень возможно, что даже въ доисторическія времена въ сѣверную Америку заѣзжали переселенцы съ европейскаго материка. Относительно исторической эпохи у насъ имѣются относительно этого прямые указанія. Скандивскія саги рассказываютъ, что около 1000 года, а можетъ быть, и ранѣе, скандинавскіе викинги доплывали до береговъ сѣверной Америки и даже основывали въ Гренландіи христіанскія колоніи. Относительно XIII и XV вѣковъ имѣются тоже подробныя указанія на европейскія поселенія въ Америкѣ. Но съ полнымъ вѣроятіемъ можно предположить, что отважные мореплаватели гораздо ранѣе переплывали изъ Европы въ Америку черезъ Исландію и Гренландію. У ирландскихъ кельтовъ сохранилось много преданій, дающихъ поводъ допустить подобнаго рода путешествія въ очень и очень отдаленныя времена.

Во всякомъ случаѣ, неоспоримымъ остается тотъ фактъ, что краснокожіе сѣверной Америки представляютъ собой расу, происшедшую несомнѣнно отъ смѣшенія желтокожихъ съ бѣлыми. Нѣкоторыя племена краснокожихъ, какъ, напримѣръ, манданы, представляютъ даже больше чертъ сходства съ бѣлыми, чѣмъ съ монголами.

II. Промышленность и торговля у динарей южной Америки.

Индѣйцы южной части южной Америки стоятъ вообще на очень низкой ступени развитія. Племена, живущія на крайнемъ югѣ: огнеземельцы, патагонцы и т. д., не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о земледѣіи. Другія болѣе осѣдлыя племена, какъ напримѣръ, гварани, шикиты и т. д., хотя и занимаются земледѣіемъ, но самымъ первобытнымъ способомъ. Они вырубаютъ и сжигаютъ деревья, слегка царапаютъ землю и сѣютъ на ней маисъ. А когда онъ вырастаетъ, и они соберутъ его, они переходятъ на другое мѣсто и тамъ продѣ-

лываютъ то же самое. Изъ домашнихъ животныхъ имъ извѣстна только собака.

По сравненію съ земледѣліемъ промышленность тамъ стоитъ нѣсколько выше. Такъ, напримѣръ, всѣ эти племена, исключая племенъ, живущихъ въ Пампасахъ знаютъ гончарное ремесло, неизвѣстное полинезійцамъ. Конечно, не всѣ племена одинаково искусны въ немъ; у отомаковъ оно находится еще въ самомъ зачаточномъ видѣ, а гварани между тѣмъ выдѣлываютъ замѣчательныя по своей величинѣ глиняныя вазы. Въ этихъ вазахъ они держатъ свой любимый напитокъ—маисовое пиво, и въ нихъ же они хоронятъ трупы своихъ покойниковъ. Эти вазы обжигались очень просто на солнцѣ въ вырытыхъ въ землѣ углубленіяхъ. Дѣлали ихъ всегда женщины.

Индѣйцы, живущіе въ Пампасахъ, во всѣхъ отношеніяхъ менѣе искусны, такъ какъ обширныя степи, гдѣ они кочуютъ, отдаляютъ ихъ отъ цивилизующаго вліянія Перу. Нѣкоторые пампасскія племена заимствовали у горныхъ племенъ искусство ткать шерсть, но дѣлаютъ они это очень плохо. Ни одно изъ этихъ племенъ не пользуется гамакомъ—этимъ замѣчательно полезнымъ американскимъ изобрѣтеніемъ. Женщины шьютъ одежды изъ кожъ, которыя онѣ пытаются кое-какъ окрашивать; эстетическій вкусъ идетъ всегда впереди промышленнаго прогресса. Племена парави, шихиты и моксы, стоящіе въ промышленномъ отношеніи нѣсколько выше индѣйцевъ Пампасовъ, умѣютъ ткать хлопчатобумажныя матеріи и дѣлаютъ гамаки. Но парави употребляютъ также одежду изъ коры. Женщины племени отомаковъ плетутъ цыновки, корзины и мѣшки.

Мужчины умѣютъ только выдѣлывать оружіе и иногда сѣти для ловли рыбъ. Нѣкоторые изъ племенъ умѣютъ также строить хижины и пироги, но устройство ихъ считается чрезвычайно труднымъ дѣломъ. Караибы, напримѣръ употребляютъ цѣлый мѣсяцъ на то, чтобъ срубить одно дерево съ помощью своихъ каменныхъ топоровъ. А на устройство самой пироги требуется не менѣе года. Не мудрено поэтому, что нѣкоторые племена никогда не плавали по рѣкамъ. Когда же имъ приходится переправляться черезъ какую-нибудь рѣку, они совершаютъ это вилавъ. Взрослые плывутъ сами, дѣтямъ постарше даютъ куски дерева, а маленькихъ привязываютъ къ головамъ матерей.

III. Торговля у южныхъ индѣйцевъ.

При такомъ низкомъ уровнѣ земледѣлія и промышленности, естественно и торговля сношенія у индѣйцевъ юга Америки должны быть чрезвычайно ограничены. Сильнымъ препятствіемъ для возникновенія торговли служили исключительно враждебныя и воинственныя отношенія между племенами южной Америки. Иноплеменникъ не могъ всту-

пить на территорію какого-нибудь племени, не уплативъ за это извѣстной контрибуціи. Въ Чили правители извлекали большую выгоду изъ этой платы за проходъ.

Къ сожалѣнію, древняя исторія Чили до сихъ поръ очень мало извѣстна, нѣкоторые обычаи, сохранившіеся тамъ отъ очень отдаленнаго времени, повидимому, перувіанскаго происхожденія. Тамъ, напри- мѣръ, и до сихъ поръ для толченія зерна употребляются ручныя мельницы, состоящія изъ двухъ камней, вращающихся одинъ на другомъ, верхній изъ нихъ—полированъ, а нижній покрытъ желобками.

Способъ торговли въ Чили напоминаетъ заглазный обмѣнъ, употреблявшійся у другихъ первобытныхъ народовъ, только въ нѣсколько измѣненной формѣ. Когда въ какое-нибудь поселеніе являлись люди, желавшіе торговать съ жителями, они прежде всего обращались къ начальнику и тотъ трубными звуками извѣщалъ объ этомъ населеніе. Желавшіе приступить къ обмѣну, приходили, выбирали изъ предложенныхъ товаровъ, [что имъ было нужно и расходились по своимъ хижинамъ. Когда купцамъ наступало время уѣзжать, они опять давали знать начальнику и тотъ снова трубилъ сборъ своимъ подданнымъ. Разобравшіе товары купцовъ, являлись и приносили имъ въ обмѣнъ какія-нибудь мѣстные произведенія.

Монахъ Тевэ, путешествовавшій по восточному берегу южной Америки, рассказываетъ, что онъ посѣтилъ одну французскую колонію у устья Амазонки, куда сходились индѣйцы за сто верстъ и больше для торговаго обмѣна. Они приносили перья казуаровъ и тукановъ, бѣлыя и черныя ожерелья и такъ называемые *ботоки*, зеленые камни, которые индѣйцы протыкаютъ себѣ въ нижнюю губу, а также бразильское дерево и попугаевъ. Французы давали имъ въ обмѣнъ топоры, ножи, сабли, зеркальца, гребенки и разныя стеклянныя бездѣлашки. Обмѣнъ, по словамъ Тевэ, совершался крайне быстро. «Дай мнѣ это, а я тебѣ дамъ вотъ это», и больше никакихъ переговоровъ.

Съ индѣйцами, живущими къ югу отъ Пампасовъ, европейцы начали торговать много позже, когда у тѣхъ появились стада быковъ и лошадей, завезенныхъ въ Америку испанцами, и дикари стали продавать колонистамъ шкуры.

До появленія европейцевъ случаи торговаго обмѣна, хотя и встрѣчались, но очень рѣдко. Нѣкоторые племена продавали иногда своихъ военнопленныхъ другимъ, которые примѣняли уже рабскій трудъ. Магеллану, напри- мѣръ, привели въ обмѣнъ на предложенные имъ товары двухъ молодыхъ рабынь.]

У племени гварани жены всегда покупаются, отцы охотно продаютъ своихъ дочерей за рыбу, за дичь и т. п. Мужчина, купившій такимъ образомъ жену, обращается съ ней очень жестоко, если вѣрить старинной пѣснѣ, которую обыкновенно поютъ старыя женщины молодой дѣвушкѣ, вступающей въ домъ мужа: «Муки родовъ ничто въ

сравненіи съ тѣми мученьями, которымъ будетъ подвергать тебя твой мужъ; онъ будетъ твоимъ тираномъ, ты будешь его жертвой».

IV. Торговля у краснокожихъ.

Индѣйцы сѣверной Америки—краснокожіе, вообще ближе извѣстны европейцамъ, чѣмъ южно-американскіе дикари. Они представляютъ собой несомнѣнно смѣсь желтокожихъ съ бѣлыми. Когда и при какихъ условіяхъ происходило столкновеніе и сліяніе этихъ двухъ расъ, какъ сказано было выше, точно опредѣлить невозможно, но фактъ остается фактомъ. Особенно интересное явленіе представляетъ въ этомъ отношеніи племя мандановъ, теперь уже почти исчезнувшее, благодаря страшной эпидеміи оспы, свирѣпствовавшей въ 1837 году. Эти манданы были осѣдлое земледѣльческое племя, они занимались обработкой маиса и выбирали для этого обширныя поля, удаленныя отъ человѣческихъ жилищъ. Кромѣ маиса, они кормились еще охотой на бизоновъ, но только въ томъ случаѣ, когда стада бизоновъ подходили близко къ ихъ поселеніямъ. Сами же они никогда не перекочевывали съ мѣста на мѣсто за стадами, какъ, напримѣръ, племя сіу. По наружности манданы болѣе всего походили на бѣлыхъ, у нихъ пепельные волосы и голубые глаза, а цвѣтъ кожи у нѣкоторыхъ почти бѣлый. По цвѣту волосъ они ближе всего подходятъ къ западнымъ финнамъ; хотя Катлинъ, сообщившій много драгоценныхъ свѣдѣній о нихъ, утверждаетъ, что нашелъ въ ихъ языкѣ нѣсколько галльскихъ словъ. Промышленность у мандановъ стоитъ значительно выше, чѣмъ у остальныхъ краснокожихъ. Въ гончарномъ ремеслѣ они достигли положительно нѣкоторой художественности. Форма, цвѣтъ и рисунокъ ихъ издѣлій отличаются большимъ вкусомъ. Кромѣ того, они съ незапамятныхъ временъ умѣютъ дѣлать стекло, по крайней мѣрѣ голубыя стеклянныя бусы.

Очень возможно, что до краснокожихъ на американскомъ материкѣ жило какое-то населеніе, достигшее значительно болѣе высокой степени культуры. Эти невѣдомые предки усѣяли чрезвычайно любопытными памятниками весь материкъ сѣверной Америки. Между Мексикой и Перу съ одной стороны, между Флоридой и Канадой, Атлантическимъ и Великимъ океаномъ—съ другой—разсѣяны развалины какихъ то укрѣпленій, остатки башенъ, полуразрушенныя колодцы, заброшенныя большія дороги и т. д., и т. д.

Въ долинѣ Миссисиппи поднимаются мѣстами курганы и внушительныя укрѣпленія, занимающія пространство до четырехъ квадратныхъ миль. Памятники эти почти всегда находятся на берегахъ рѣкъ и озеръ и очень рѣдко внутри страны. Строители ихъ, повидимому, были земледѣльцы и имѣли довольно развитую промышленность. Они знали мѣдъ и умѣли плавить ее, такъ какъ въ ихъ памятникахъ на-

ходятъ мѣдныя браслеты, кольца и т. п. Въ то же время они владѣли гончарнымъ искусствомъ и выдѣлывали скульптурныя издѣлія изъ гранита, яшмы и дерева.

Являются ли эти первобытные обитатели Америки прямыми предками современныхъ индѣйцевъ? Вопросъ сложный. Несомнѣнно только то, что индѣйцы продолжаютъ до сихъ поръ строить каменные курганы, имѣющіе форму животныхъ или людей. Въ верховьяхъ Миссисиппи находится на небольшой возвышенности курганъ, представляющій грубое подобіе человѣческой фигуры, лежащей на землѣ. Фигура эта имѣетъ около 400 футовъ длины. Она сдѣлана изъ плоскихъ камней и никогда краснокожій не пройдетъ мимо нея, не принеся новаго камня, а камни теперь можно найти только на значительномъ разстояніи, такъ какъ по близости не осталось ни одного. Очертанія человѣческой фигуры обозначаются довольно ясно, можно различить даже пальцы на рукахъ и на ногахъ. У индѣйцевъ этотъ любопытный памятникъ извѣстенъ подъ именемъ «каменнаго доктора». Подъ словами *докторъ* и *медицина* индѣйцы подразумѣваютъ все, что представляется имъ сверхъестественнымъ. Происхожденіе этого памятника, вѣроятно, надо отнести къ очень отдаленной древности.

Во всякомъ случаѣ, современные индѣйцы унаслѣдовали отъ своихъ невѣдомыхъ предковъ весьма слабое представленіе о торговлѣ. У нихъ господствуетъ въ значительной степени общинный родовой бытъ, и они во всемъ стараются оказывать взаимную помощь. Гостепріимство вмѣняется у нихъ даже въ обязанность. Если индѣецъ голоденъ, онъ можетъ смѣло войти въ любой вигвамъ, особенно въ вигвамъ вождя, сѣсть у очага и начать ѣсть. Хозяинъ тотчасъ же садится рядомъ съ чужестранцемъ, но не раздѣляетъ его трапезы, а приготовляетъ ему трубку. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ставится посрединѣ столбъ, который называется *деревомъ честности*, на него вѣшаютъ всѣ найденныя вещи, пока не объявится владѣлецъ и не возьметъ ихъ.

До знакомства съ европейцами краснокожіе индѣйцы очень мало интересовались торговлей; обмѣнъ, если и существовалъ, то рѣдко и въ самыхъ первобытныхъ формахъ. И до сихъ поръ сохранились еще у индѣйцевъ разные старинные обычаи обмѣна. Такъ, на примѣръ, мѣстами индѣйцы употребляютъ слѣдующіе способы торговли съ испанскими солдатами. По дорогѣ въ Санта-Фе они ставятъ рядъ небольшихъ крестовъ, наверху привязываютъ кожаный мѣшокъ съ небольшимъ кускомъ оленьяго мяса, а у подножія кладутъ кожу буйвола. На ихъ символическомъ языкѣ это означаетъ: «Мы желаемъ вести торговлю съ почитателями креста». Солдаты, понимающіе этотъ языкъ, берутъ кожу и кладутъ вмѣсто нея соленое мясо.

Такой способъ примѣнялся только къ торговлѣ съ иностранцами, между собой они вели дѣло нѣсколько иначе. Пріѣзжая въ деревню, купецъ являлся прежде всего къ начальнику, дѣлалъ ему подарокъ и

получалъ отъ него что-нибудь въ обмѣнъ. Потомъ онъ разсылалъ свои товары по отдѣльнымъ хижинамъ. Кто не хотѣлъ совѣмъ торговать, отсылалъ ему товаръ обратно, остальные присылали въ обмѣнъ какія-нибудь мѣстные произведенія.

Промышленность у краснокожихъ стоитъ на довольно низкой ступени развитія. Нѣкоторыя племена занимаются гончарнымъ искусствомъ, другіе — плетеньемъ корзинъ или выдѣлкой кожъ. Работы эти обыкновенно лежатъ на женщинахъ, мужчины же по большей части считаютъ для себя унизительнымъ заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ охоты.

Очевидно, что всѣ эти промыслы не могли породить оживленной торговли, пока не появились чужеземные купцы и не возбудили въ дикаряхъ страсти къ неизвѣстнымъ имъ до тѣхъ поръ предметамъ. Видъ желѣзнаго топора или стальной иголки вызывалъ въ индѣйцахъ восторгъ и безграничное удивленіе.

Вскорѣ индѣйскія пироги стали безпрестанно подплывать къ колоніямъ бѣлыхъ; краснокожіе привозили шкуры лисицъ, лосей и бобровъ и вымѣнивали на нихъ ружья, порохъ, пули и разные инструменты. Но больше всего имъ нравилась водка, которую колонистамъ запрещено было продавать.

Черезъ нѣкоторое время краснокожіе устроили по примѣру бѣлыхъ свои базары, гдѣ они вели торговлю мясомъ и мѣхами съ путешественниками. По индѣйскому обычаю они съ пляской выходили на встрѣчу путешественникамъ и потомъ уже начинали торговать съ ними.

По мѣрѣ оживленія торговыхъ сношеній между бѣлыми и индѣйцами, естественно непосредственный обмѣнъ товарами долженъ былъ оказаться неудобнымъ. Дѣйствительно, очень скоро изъ среды всѣхъ товаровъ выдѣлился одинъ, начавшій играть роль мѣновой единицы. Такой мѣновой единицей сдѣлалась бобровая шкура, называвшаяся «la puce». На европейскія деньги она цѣнилась отъ четырехъ до пяти франковъ. На бобровую шкуру оцѣнивались всѣ остальные товары. Шкура черной лисицы стоила шесть бобровыхъ шкурокъ, серебристой лисицы—пять, и т. д. Животныя стали истребляться съ громадной быстротой. Въ 1849 г. въ одинъ только городъ С.-Луи большая американская компанія доставила сто десять тысячъ шкуръ буйвола, оленя и козули и двадцать пять тысячъ соленыхъ языковъ бизона. Какъ извѣстно, теперь нѣсколько сотъ бизоновъ охраняются, какъ рѣдкія животныя, между тѣмъ какъ еще недавно цѣлыя громадныя стада ихъ бродили по американскимъ преріямъ.

Теперь табуны дикихъ лошадей замѣнили отчасти бизоновъ при торговлѣ съ бѣлыми. Да и между собой индѣйскія племена ведутъ теперь довольно оживленную торговлю.

Торговля рабами хотя и не была никогда особенно сильно развита въ Америкѣ, но все-таки существовала и до появленія европейцевъ.

Плѣнныхъ индѣйцы по большей части мучили и убивали, только нѣкоторые изъ нихъ оставлялись въ живыхъ и считались тогда собственностью всего селенія. Но женщины всегда составляли предметъ торговли. Калифорнійскіе индѣйцы всегда покупали себѣ женъ, плата вручалась отцу, а дѣвушка вводилась въ вигамъ своего новаго владѣльца, вопросъ о ея желаніи или не желаніи, повидимому, даже никогда не подымался. Такая покупка женъ на столько вошла въ обычай, что стала нравственно обязательной. Всѣ окружающіе презирали дѣтей женщины, ничего не стоившей своему мужу. Индѣйцы племени ута сдѣлали изъ торговли женщинами свой промыселъ. Они похищали женщинъ у сосѣднихъ племенъ и перепродавали ихъ другимъ. Настоящая же торговля рабами у сѣверо-западныхъ краснокожихъ. Во всей этой области индѣйцы владѣли рабами; впрочемъ, они обыкновенно охотнѣе покупали, чѣмъ продавали ихъ. Приобрѣтя раба, индѣецъ обыкновенно очень неохотно разстается съ нимъ.

При торговлѣ между собой индѣйцы чаще всего практикуютъ непосредственный обмѣнъ товаровъ. Впрочемъ, нѣкоторые племена имѣютъ и принятые денежные знаки. Изъ нихъ первую роль играютъ, также какъ въ Африкѣ, особый видъ раковинъ. Это чрезвычайно крѣпкія раковины, которыя индѣйцы съ большимъ трудомъ отдѣлываютъ, придаютъ имъ форму маленькихъ цилиндровъ и нанизываютъ на шнурокъ. Такія нитки раковинъ служатъ денежными единицами; они называются *wampum* или ожерелья. Какъ показываетъ самое слово, они играли раньше роль украшеній.

Торговля съ европейцами оказала, какъ и слѣдовало ожидать, очень сильное и пагубное вліяніе на краснокожихъ. Особенно губительно вліяли на нихъ спиртные напитки, къ которымъ они быстро пристрастились. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, замѣтивъ, какъ вымираютъ индѣйцы, живущіе по сосѣдству съ бѣлыми, приняло нѣкоторыя мѣры для огражденія ихъ. Оно отвело имъ особыя мѣста, гдѣ торговать съ ними разрѣшалось только купцамъ, имѣвшимъ особое позволеніе и подчинявшимся извѣстнымъ правиламъ, напримѣръ, запрещенію продавать спиртные напитки. Но контролировать эту торговлю оказалось чрезвычайно трудно. Купцы, снабженные правительственными бумагами злоупотребляли своимъ правомъ, обирали несчастныхъ индѣйцевъ, ссужали имъ товары въ долгъ по неслыханнымъ цѣнамъ, а подъ рукою торговали и водкой.

Но главное, отъ чего невозможно оградить индѣйцевъ—это все растушій наплывъ бѣлыхъ. Поселенія бѣлыхъ вторглись въ мѣста, отведенныя для краснокожихъ. У индѣйцевъ не осталось уже свободныхъ мѣстъ для охоты, но они вольны покупать все необходимое въ городахъ бѣлыхъ и разоряться окончательно. Противъ этого всѣ мѣры безсильны.

V. О промышленности и торговлѣ индѣйцевъ вообще.

Промышленность индѣйскихъ племенъ, населяющихъ материки обѣихъ Америкъ, отъ Огненной Земли до полярныхъ странъ, стоитъ на очень низкой ступени развитія. Всѣ они дознакомства съ европейцами не вышли еще изъ каменнаго періода. Тѣ изъ ремеслъ, какія были имъ извѣстны—ткаческое, гончарное и т. п.—находились еще въ самомъ зачаточномъ состояніи. Изъ животныхъ они успѣли приручить только собаку. Племена, жившія ближе къ очагамъ древней цивилизаціи—Мексикѣ и Перу, стояли въ общемъ нѣсколько выше въ промышленномъ отношеніи, но по мѣрѣ удаленія отъ этихъ центровъ—промышленный уровень все понижался. При этихъ условіяхъ торговля естественно не могла развиваться. Единственными предметами обмѣна у нѣкоторыхъ племенъ были рабы и женщины.

Съ появленіемъ бѣлыхъ картина мѣняется. Видомъ неизвѣстныхъ товаровъ—желѣза, украшеній, но, главное, водкой, европейцы быстро пробуждаютъ въ индѣйцахъ страсть къ обмѣну и торговыя сношенія немедленно устанавливаются.

Какой переворотъ въ нравственномъ отношеніи произвела торговля на дикихъ, можно судить главнымъ образомъ по краснокожимъ. Въ предъидущемъ столѣтіи и путешественники и миссіонеры единодушно восхваляли благородный и великодушный характеръ краснокожихъ. «Они не знали, что такое *мое* и *твое*,—говоритъ Шарлевуа.—Они заботились о своихъ вдовахъ и сиротахъ; они проявляли изумительное гостепріимство». Между индѣйцами не было богатыхъ и бѣдныхъ. Они даже не могли понять неравномѣрнаго распредѣленія богатства у бѣлыхъ. «Никогда ни одинъ омаха,—разсказываетъ Дорсей,—не отказывался одолжить что бы то ни было своему сосѣду, а занявшій всегда считалъ своимъ долгомъ отдать взятую вещь или замѣнить ее другою, если она была испорчена».

Теперь всѣ эти идиллическіе нравы отошли въ область прошлаго. Торговля быстро развила страсть къ наживѣ и корыстолюбію. Отъ прежняго равенства не осталось и слѣда. Ниніе индѣйцы, по словамъ одного миссіонера въ Макензи, могутъ умирать съ голоду и ихъ богатые одноплеменники не протянутъ руки. Индѣецъ теперь ничего не сдѣлаетъ даромъ, его первый вопросъ всегда, «Что ты мнѣ дашь, если я сдѣлаю тебѣ это?»

Однажды этотъ миссіонеръ, дѣлавшій много добра туземцамъ, сломалъ себѣ ногу и лежалъ на дорогѣ, не будучи въ силахъ подняться. Индѣйцы проходили мимо и ни одинъ не подошелъ помочь ему. Наконецъ, онъ подозвалъ одного изъ нихъ и попросилъ довести до селенія. «А что ты мнѣ дашь, если я снесу тебя?» отвѣтилъ тотъ.

Характерно также отношеніе индѣйцевъ къ христіанству. Вотъ молитва краснокожихъ, сообщаемая м-ромъ Фародомъ. «Создатель, я

не знаю тебя, но я знаю, что ты сотворилъ всѣ вещи. Сдѣлай, чтобы я жилъ долго; дай мнѣ много здоровыхъ дѣтей, чтобы они кормили меня, когда я состарюсь. Дай мнѣ напасть на слѣды оленей и лосей» и т. д.

Въ общемъ нельзя не сознаться, что, утративъ свою первобытную наивность, краснокожіе далеко не прогрессировали въ нравственномъ отношеніи.

ГЛАВА VIII.

Торговля въ центральной Америкѣ.

I. Перу. Государственный коммунизмъ въ Перу.—Роль государства.—Организація промышленности и земледѣлія.—Содержаніе ламъ.—Промышленные классы.—Специализація профессій.—Общественные магазины.—Ткацкое ремесло предоставлено исключительно женщинамъ.—Раздѣленіе труда и наблюденіе за нимъ.—Королевскіе ремесленники-артисты.—Копи и металлургія.—Употребленіе благородныхъ металловъ.—Архитектура.—Первоначальное кораблестроеніе.—Отсутствіе внѣшней торговли.—Внутренніе рынки.—Караваны ламъ.—II. Мексика. Земледѣліе и натуральная повинности.—Текстильная промышленность.—Ремесленники и ремесленные корпораціи.—Употребленіе каменныхъ и металлическихъ орудій.—Копи и металлургія.—Произведенія ювелировъ.—Сравненіе перувіанской и мексиканской промышленности.—III. Мексиканская торговля. Преобладающій видъ торговли.—Мирная торговля тольтековъ.—Союзы купцовъ-ацтековъ.—Военный характеръ торговли.—Караваны для внѣшней торговли.—Предметы вывоза.—Купцы-согладатаи.—Внутренніе рынки.—Обращеніе товаровъ.—Металлическая монетная единица.—Первоначальные денежные знаки.—Мастерскія рабовъ послѣ испанскаго завоеванія.—Сравненіе торговли въ обоихъ государствахъ. Противоположность перувіанскаго и мексиканскаго національнаго характера.

I. Перу.

Государства центральной Америки, къ которымъ мы теперь обращаемся, представляютъ и еще долго будутъ представлять значительный интересъ какъ для соціолога, такъ и для этнографа. При изученіи соціологіи они часто ставятъ втупикъ изслѣдователя и задаютъ ему неразрѣшимыя или трудноразрѣшимыя задачи. Какимъ образомъ они возникли и къ какому времени, по крайней мѣрѣ, приблизительно слѣдуетъ относить ихъ возникновеніе? слѣдуетъ ли допустить, какъ утверждаютъ преданія, участіе иноземныхъ элементовъ въ ихъ образованіи? Какія именно страны оказали на нихъ наибольшее вліяніе Европа, Азія или Африка? Почему цивилизаціи Перу и Мексики такъ различны? Какая судьба ожидала бы ихъ, если бы испанское завоеваніе не положило насильственнаго предѣла ихъ развитію? Мы не будемъ теперь рѣшать этихъ вопросовъ и остановимся исключительно на изученіи промышленности и торговли въ обоихъ государствахъ. Организація труда въ Мексикѣ и Перу, конечно, чрезвычайно различна, такъ какъ Мексика

представляет собой типъ феодальной монархіи, а въ Перу осуществлялся такъ или иначе идеалъ государственнаго социализма, который принято вообще считать утопичнымъ и неосуществимымъ. Коренное различіе въ политическомъ и социальномъ устройствѣ обоихъ государствъ вело за собой естественно и разные способы распредѣленія богатства въ нихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ промышленность достигла и тутъ, и тамъ, приблизительно, одинаковой ступени развитія.

Въ Перу центральная власть, играя роль Провидѣнія, всѣми силами заботилась о томъ, чтобы всѣ насущныя потребности подданныхъ были удовлетворены; чтобы впасть въ нищету было также немыслимо для перуанца, какъ и сильно разбогатѣть. Никто не пользовался полной свободой, но зато никто не могъ чувствовать себя покинутымъ. Каждый перуанецъ владѣлъ участкомъ земли, съ котораго онъ могъ свободно прокормить и себя, и свою семью. Взамѣнъ этого, государство требовало отъ него содѣйствія при исполненіи разныхъ работъ для пользы всего общества и для содержанія короля, сановниковъ, жрецовъ и представителей административной власти. Впрочемъ, организація государственнаго социализма въ Перу была уже много разъ описана. Достаточно будетъ напомнить, что въ Перу никто не могъ произвольно выбирать себѣ профессію и измѣнять ее безъ правительственнаго разрѣшенія. Всѣ профессіи тамъ были наслѣдственныя и значительная часть жизни каждаго — не меньше двухъ трехъ мѣсяцевъ въ годъ, — была посвящена общественнымъ работамъ. Отъ нихъ ничто не избавляло и откупиться не было ни малѣйшей возможности. Эти общественныя работы составляли натуральную повинность гражданъ и во все продолженіе ихъ государство обязывалось содержать, кормить и одѣвать работающихъ. Государство Перу не было окружено цивилизованными сосѣдями, съ которыми оно могло бы организовать выгодный обмѣнъ, оно должно было собственными средствами удовлетворять потребности своего населенія и поэтому главнымъ источникомъ его существованія естественно должно было служить земледѣліе. Инка — перуанскій монархъ, какъ въ наши дни китайскій императоръ, — считался первымъ земледѣльцемъ своей страны. Каждый годъ, въ большіе праздники, въ сопровожденіи всего своего двора, онъ собственной высочайшей особой вспахивалъ золотымъ плугомъ опредѣленный участокъ поля. Конечно, этотъ обычай превратился въ символическій обрядъ, предназначенный для того, чтобы дѣйствовать на впечатлительность народа. Но рядомъ съ этимъ правительство организовало цѣлую систему дѣйствительно полезныхъ мѣропріятій. Многочисленные каналы и акведуки проводили воду съ горъ на поля, особенно въ безводныя приморскія области. Плантъ орошенія былъ составленъ правительствомъ очень широко и осуществлялся при помощи общественныхъ работъ. Нѣкоторые изъ акведуковъ тянулись на сотни миль, они строились изъ камней, обточенныхъ такъ аккуратно, что они складывались безъ помощи цемента. Акведуки брали

воду изъ горныхъ озеръ, и, кромѣ того, на всемъ ихъ протяженіи въ нихъ впадали разныя небольшія рѣчки и ручьи. Въ случаѣ надобности прорывались даже горы, чтобы очистить путь для нихъ. Эти каналы, орошая поля, предохраняли въ то же время отъ наводненій; такъ, они поддерживали постоянный уровень воды въ озерахъ, что при періодическихъ дождяхъ является чрезвычайно необходимымъ.

Почва въ Перу вообще довольно неплодна, но искусственныя орошенія и удобренія сдѣлали ее почти плодородной. Главную роль въ качествѣ удобренія играло тамъ съ незапамятныхъ временъ *гуано*. На небольшихъ прибрежныхъ островахъ Америки скопляется его такое множество, что даже до сихъ поръ тамъ дѣлаются обильные сборы его. Инки очень тщательно организовали эксплуатацію этихъ драгоценныхъ острововъ. Самые маленькіе изъ нихъ назначались обыкновенно въ пользованіе ближайшей провинціи. Большіе же дѣлились на отдѣльные участки и предназначались разнымъ, болѣе отдаленнымъ частямъ страны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ роль гуано исполняли различныя кухонныя остатки, особенно головки сардинокъ, старательно сохранявшіяся перуанцами. Для воздѣлыванія маиса, напримѣръ, въ песчаной почвѣ рылись небольшія ямки и въ каждую изъ нихъ насыпалось нѣсколько зеренъ маиса и клалась головка сардинки.

Такіе посѣвы отдѣльными зернами напоминаютъ китайскіе приемы земледѣлія; при хорошемъ удобреніи они даютъ поистинѣ изумительные урожаи. Они практикуются вообще въ тѣхъ странахъ, гдѣ неизвѣстно употребленіе плуга и гдѣ земледѣліе приближается къ садовой культурѣ. Въ древнемъ Перу, гдѣ земля раздѣлена была на небольшіе семейные участки, такая культура была наиболѣе удобна.

Устройство поверхности Перу обусловливало самые разнообразныя способы обработки земли. Отъ низменныхъ прибрежныхъ равнинъ мѣстность постепенно повышалась, переходя въ возвышенныя плоскогорья, среди которыхъ высились снѣжныя вершины. Перуанцы успѣли приспособить свою земледѣльческую культуру къ этимъ разнообразнымъ почвеннымъ и климатическимъ условіямъ. У подножія горъ, подъ знойнымъ солнцемъ росли кокосовыя пальмы, кассавы и бананы, листья которыхъ часто встрѣчаются въ гробницахъ древнихъ перуанцевъ. Выше сѣялся преимущественно маисъ, изъ котораго изготовляли главнымъ образомъ родъ опьяняющаго напитка. На плоскогорьяхъ съ умѣреннымъ климатомъ воздѣлывали алоэ, употреблявшееся на выдѣлку бумаги, траву *кока* и табакъ. Еще выше, на склонахъ Кордильеръ, гдѣ уже не можетъ расти маисъ, сажали картофель, родиной котораго было, по всей вѣроятности, Чили. Картофель служилъ главной пищей для жителей возвышенныхъ равнинъ; они умѣли сохранять его даже на зимнее время.

Въ случаѣ надобности, земледѣліе само по себѣ могло бы удовлетворять всѣмъ потребностямъ перуанцевъ. Но, кромѣ него, въ Перу

процвѣтало также и скотоводство. Тамъ, въ отличіе отъ всѣхъ почти странъ Новаго Свѣта, съ незапамятныхъ временъ извѣстны были и кромѣ собаки многія другія млекопитающія животныя. При воспоминаніи о Перу въ умѣ сама собой возникаетъ мысль о ламѣ, родственномъ барану животномъ, котораго давнымъ-давно приручили перуанцы. Содержаніе ламъ составляло въ Перу тоже родъ общественной повинности. Огромныя стада ламъ паслись на прекрасныхъ лугахъ, расположенныхъ выше воздѣланныхъ полей; опытные пастухи перегоняли ихъ съ одного пастбища на другое, смотря по времени года; они должны были при этомъ слѣдовать самымъ строгимъ и точнымъ правиламъ. Каждый годъ значительное число ламъ-самцовъ приводилось въ столицу; они употреблялись тамъ въ пищу для двора, а также для религіозныхъ жертвоприношеній; убивать самокъ было строго запрещено. Впрочемъ, перуанцы цѣнили ламъ, главнымъ образомъ за ихъ шерсть, а не за мясо; нѣкоторыя породы ихъ—наиболѣе крупныя—служили въ то же время выючнымъ скотомъ. Дойти ихъ перуанцы совсѣмъ не умѣли.

Въ качествѣ выючныхъ животныхъ ламы не отличались особой силой и выносливостью, но зато ихъ можно было имѣть въ громадномъ количествѣ. На одну ламу можно было нагрузить не болѣе двухсотъ фунтовъ и съ такимъ грузомъ она могла пройти не болѣе трехъ, четырехъ верстъ въ день, но стояла она чрезвычайно дешево и не требовала никакихъ заботъ—ни подковъ, ни упряжи, поклажа перекидывалась просто на спину животного; густая шерсть замѣняла сѣдло. Вечеромъ съ нихъ снимали выюкъ и отпускали на волю пастись, и они ужъ сами находили себѣ кормъ.

Кромѣ ламъ, перуанцы пользовались шерстью еще нѣкоторыхъ породъ дикихъ животныхъ—гуанако, вигони и др., пасшихся на волѣ по снѣжнымъ вершинамъ горъ. Тамъ эти животныя питаются травой *ишу*, которая растетъ по всей цѣпи Кордильеръ отъ Патагоніи до экватора, но не сѣвернѣе. Поэтому, гуанако и вигонь водятся только на широтѣ Квито и Новой Гранады. Эти дикія стада охранялись отъ истребленія такими же строгими законами, какъ и стада домашнихъ ламъ. Каждый годъ устраивались большія охоты, во время которыхъ ловили арканами этихъ животныхъ, но исключительно для того, чтобы остричь ихъ; потомъ ихъ въ цѣлости и невредимости отпускали на волю. Для кожевенныхъ издѣлій употреблялись исключительно шкуры ланей. Ихъ мясо тоже шло въ пищу и въ свѣжемъ, и особенно въ сушеномъ видѣ, такъ же какъ мясо мелкихъ породъ ламъ. Сушеное мясо составляло главную пищу низшихъ слоевъ населенія.

Инки обращались съ этимъ низшимъ перуанскимъ населеніемъ, приблизительно, какъ съ полезными домашними животными, сохранить которыхъ, конечно, составляетъ прямую выгоду для владѣльца. Съ момента рожденія и до смерти каждаго подданнаго правительство заботилось о немъ, воспитывало, направляло, а въ случѣ надобности и поддерживало его.

Прикрѣпленный навѣки къ тому сословію, въ которомъ онъ родился, перуанецъ жилъ спокойно, безъ страха, но и безъ надеждъ, безъ сожалѣній и безъ тревогъ; честолюбіе молчало въ немъ. Внимательное и заботливое правительство снабжало его и пищей, и одеждой, опредѣляло ему образъ жизни, а въ случаѣ несчастья протягивало ему руку помощи; все это подъ условіемъ, чтобы онъ исполнялъ опредѣленные государственныя повинности, за чѣмъ правительство тщательно слѣдило.

Всѣ профессіи были въ Перу строго наслѣдственны; но нѣкоторыя общественныя работы исполнялись всѣми безъ различія. Проведеніе большихъ дорогъ, устройство акведуковъ и обработка полей, принадлежавшихъ инкамъ и жрецамъ, лежало одинаково на обязанности всѣхъ подданныхъ. Всѣ индѣйцы, жившіе не далѣе 15, 20 верстъ отъ столицы, должны были также поочередно доставлять воду и дѣлать для инковъ. Кромѣ того, всякій долженъ былъ уметь прокормить и одѣть себя своими руками, слѣдовательно, всякій былъ земледѣльцемъ, ткачемъ и портнымъ. Остальныя ремесла были специализированы.

Все, что произрастало на земляхъ инковъ и жрецовъ, собиралось въ общественныя магазины, откуда брали сами инки, жрецы, сановники и служащіе, а излишекъ, когда онъ оказывался, могъ тоже, въ случаѣ надобности, употребляться на удовлетвореніе потребностей низшихъ классовъ. То же самое можно сказать и относительно волокнистыхъ веществъ. Всѣ стада составляли государственную собственность. Послѣ стрижки, совершавшейся въ опредѣленные сроки, шерсть складывалась въ общественныя магазины; то же самое дѣлалось съ хлопкомъ и пенькой. Шерсть предназначалась для одежды горныхъ жителей; бумага и пенька—для жителей долинъ. И то, и другое распределялось между отдѣльными семьями и выдавалось женщинамъ, такъ какъ пряжа, тканье и шитье составляли ихъ главные занятія. Въ то же время народъ долженъ былъ работать на инковъ и на высшіе классы. Тканье нарядныхъ матерій поручалось обыкновенно мужчинамъ. Каждый долженъ былъ представить кусокъ матеріи опредѣленной длины и опредѣленнаго качества, смотря по его способностямъ. Особые чиновники раздавали работу и слѣдили за ея исполненіемъ. Профессиональными занятіями считались искусство золотыхъ дѣлъ мастера, художника, музыканта, лодочника, счетчика и горшечника.

Ткацкій станокъ устраивался чрезвычайно просто; отдѣльныя части его встрѣчаются въ могилахъ женщинъ. Онъ состоялъ изъ двухъ палокъ, укрѣпленныхъ на два фута отъ земли. На нихъ ровными рядами наматывалась основа и ткань выходила чрезвычайно ровной и тонкой. Окрашивалась она въ такіе прочные цвѣта, что куски матеріи, находясь теперь въ гробницахъ, нисколько не выдѣлялись отъ времени. Особые артисты ткали для королевской семьи изъ тонкой шерсти вигони одежды и шали, для дворцовъ и храмовъ они изготовляли занавѣсы и ковры. Матеріи эти ткались на обѣ стороны; по блеску онѣ

не уступали шелку, а цвѣтъ ихъ, обыкновенно желтый и красный, превосходилъ по яркости и прочности цвѣта всѣхъ европейскихъ тканей. Особенно прочныя матеріи получались при смѣшеніи шерсти разныхъ животныхъ. Специальные мастера изготовляли искусные уборы изъ перьевъ, а изъ волоконъ нѣкоторыхъ растений (главнымъ образомъ агавы) плелась обувь.

Гончарное искусство тоже процвѣтало въ Перу; мастера выдѣлывали посуду самыхъ разнообразныхъ формъ, напоминающихъ разныхъ животныхъ, плоды и даже человѣка; они не умѣли только придавать имъ шарообразной формы. Металлургія перуанцевъ стояла тоже на довольно высокой ступени, если не считать одного крупнаго пробѣла въ ней—полнаго незнакомства съ самымъ полезнымъ изъ металловъ—железомъ. Впрочемъ, железо не было извѣстно на всемъ материкѣ Америки. Его замѣняла мѣдь, изъ которой они изготовляли оружіе, орудія, зеркала и особыя булавки, которыми женщины скрѣпляли свои одежды. Мѣдь въ Перу цѣнилась гораздо выше серебра. Рядомъ съ мѣдными орудіями употреблялись также и каменные. Но самыя прочныя, которыми работали надъ наиболѣе неподатливымъ матеріаломъ, изготовлялись изъ особой смѣси мѣди и олова, т. е. изъ бронзы. Какими-то особыми способами, оставшимися неизвѣстными, они умѣли придавать бронзѣ такую крѣпость, что бронзовыми инструментами они свободно обтачивали гранитъ и порфиръ и даже шлифовали драгоценные камни.

Серебро, золото и свинецъ тоже употреблялись для разныхъ издѣлій. Изъ сплава этихъ трехъ металловъ они дѣлали родъ цемента которымъ заливали камни при постройкѣ нѣкоторыхъ храмовъ. Позднѣе испанцы даже разрушали эти храмы, чтобы добыть драгоценные металлы. Плавить и ковать золото и серебро перуанцы умѣли съ незапамятныхъ временъ; они изготовляли изъ этихъ металловъ разнаго рода украшенія, вазы, бездѣлушки. Впрочемъ, на предметы роскоши употреблялось очень незначительное количество благородныхъ металловъ, для народа золотыя и серебряныя украшенія были совершенно запрещены, поэтому золотыя и серебряныя копи мало разрабатывались и часто по минованіи надобности совершенно забрасывались. Въ перуанскихъ могилахъ находятъ теперь часто браслеты, ожерелья, уборы и зеркала, сдѣланные изъ серебрянаго колчедана. Золото перуанцы находили, большею частью, въ рѣчномъ пескѣ. Ихъ рудники представляютъ собой просто горизонтальныя подземныя галереи. Вообще въ обработкѣ металловъ они не отличались особымъ искусствомъ и не умѣли выдѣлать серебро изъ тѣхъ соединений, въ которыхъ оно обыкновенно встрѣчается въ природѣ; они не пользовались для этой цѣли даже ртутью, которая въ изобиліи встрѣчается въ Перу.

Перуанскіе мастера приготовляли изъ благородныхъ металловъ разнаго рода издѣлія. Такъ, для украшенія храмовъ они чрезвычайно искусно дѣ-

ляли серебряныя и золотыя растенія, цвѣты и даже фигурки людей, и мужчинъ, и женщинъ. Эти храмы, какъ и всѣ вообще перуанскія постройки, носили грубый, но величественный характеръ. Громадныя плиты гранита или порфира, искусно подогнанныя одна къ другой и не скрѣпленныя никакимъ цементомъ, образовали стѣны. Крыша дѣлалась обыкновенно изъ земли или изъ соломы. Свѣтъ проникалъ въ эти зданія только черезъ двери; окна еще не были изобрѣтены. Балки, служившія основаніемъ крыши, накладывались одна на другую и держались собственной тяжестью, ни какого рода скрѣпленія не были еще извѣстны. Стѣны — низкія и толстыя, складывались изъ цѣльныхъ камней или изъ особаго рода большихъ кирпичей, приготовленныхъ изъ глины и соломы. Между отдѣльными комнатами этихъ зданій никогда не было внутреннихъ дверей, попадать въ каждую изъ нихъ надо было снаружи. Всѣ эти постройки были чрезвычайно просты и бѣдны въ архитектурномъ отношеніи, форма у нихъ всегда оставалась прямоугольная. Богатство, можно сказать, роскошь внутренняго убранства маскировали однообразную простоту архитектурнаго плана. Золотыя и серебряныя украшенія покрывали внутри всѣ стѣны.

Искусство кораблестроенія въ Перу стояло еще ниже архитектуры. Перуанцы ушли въ немъ немногимъ дальше постройки самаго первобытнаго плота. Такіе плоты, называемые *балъза*, и до сихъ поръ употребляются въ центральной Америкѣ. На нихъ довольно удобно можно переправляться черезъ рѣку и спускаться внизъ по теченію. Впрочемъ, перуанцы усовершенствовали до нѣкоторой степени свои балъзы; они снабжали ихъ парусами и строили довольно значительной величины, такъ что на нихъ можно было даже отваживаться плавать по морю, конечно, вблизи берега. Завоеватель Пизарро, во время своего путешествія вдоль перуанскихъ береговъ, встрѣтилъ пять такихъ морскихъ балъзъ; на одной изъ нихъ ему везли въ подарокъ стадо ламъ. Позднѣе, въ 1813 году, американецъ Портеръ тоже встрѣтилъ подобную балъзу около Пейты на семь миль отъ берега. Издали онъ принялъ ее за парусное судно. Эта новѣйшая *балъза* состояла изъ восьми толстыхъ продольныхъ бревенъ, отъ 25 до 30 футовъ длины, скрѣпленныхъ тремя поперечными. Соединены они были просто съ помощью веревокъ, безъ всякихъ гнѣздъ и скрѣпленій. Посрединѣ плота возвышалась мачта, на которой укрѣпленъ былъ парусъ изъ бумажной матеріи. Одно весло служило рулемъ, а большой камень, привязанный мочальной веревкой, исполнять роль якоря. На плоту лежали разныя приспособленія для ловли рыбъ, такъ какъ провізіи, забранной изъ дому, не хватало. Эта балъза оказалась купеческимъ судномъ; на ней находился большой грузъ кокосовыхъ орѣховъ. Она ѣхала изъ Гваякиля, откуда вышла за мѣсяцъ передъ тѣмъ, и направлялась въ Лиму. Экипажъ состоялъ изъ шести человекъ, а путешествіе должно было продлиться около двухъ мѣсяцевъ. Портеръ къ большому своему изумленію узналъ, что подобныя

путешествія составляли тамъ обычное явленіе. Начало ихъ слѣдуетъ отнести еще ко временамъ инковъ. Подобныя бальзы вполнѣ удовлетворяли въ то время при незначительномъ развитіи торговли. Дѣйствительно, во время расцвѣта государственнаго социализма въ Перу, торговля никакимъ образомъ не могла развиваться — для возникновенія ея не было никакихъ побудительныхъ стимуловъ. Государство не позволяло отдѣльнымъ личностямъ ни спекулировать, ни вообще стремиться къ обогащенію. Конечно, благотѣльное государство могло бы, пожалуй даже, должно было въ интересахъ всего общества завязывать торговые сношенія съ сосѣдними городами; но у Перу совсѣмъ не было цивилизованныхъ сосѣдей. Поэтому его торговля должна была оставаться исключительно внутренней и ограничиваться обмѣномъ между отдѣльными личностями. Перевозъ на большія разстоянія съ помощью каравановъ ламъ по сушѣ или на бальзахъ по морю предпринимался только по распоряженію правительства въ видахъ общественной пользы. Такіе транспорты организовались для снабженія отдаленныхъ провинцій тѣми сырыми продуктами, которые не произрастали въ нихъ.

Обмѣны между частными людьми происходили на базарахъ, которые устраивались по три раза въ мѣсяцъ въ важнѣйшихъ городахъ. Базары эти служили для простого народа праздниками, когда они отдыхали отъ своей повседневной работы. Ходячей монеты въ Перу тогда еще не существовало и эта мелкая торговля совершалась путемъ непосредственнаго обмѣна.

Между тѣмъ, перуанцамъ было извѣстно одно изобрѣтеніе, которое предполагаетъ обыкновенно существованіе денежныхъ знаковъ; они знали употребленіе вѣсовъ, положимъ, небольшихъ серебряныхъ вѣсовъ, на которыхъ взвѣшивались только благородные металлы. Во время одного изъ своихъ путешествій Рюисъ, товарищъ Пизарро, видѣлъ вѣсы на бальзѣ, потомъ такіе же вѣсы находились въ гробницахъ инковъ; это показываетъ, что они были мало распространены и простые рабочие, конечно, не употребляли ихъ.

Обыкновенно товары перевозились по сушѣ на ламахъ. Гарсія деля-Вега встрѣчалъ такіе караваны и послѣ завоеванія. Торговые караваны направлялись обыкновенно изъ Куско въ Потози или обратно, и совершали путь въ одну сторону въ теченіе, приблизительно, двухъ мѣсяцевъ.

Эти караваны устраивались и испанцами, и индѣйцами, и перевозили они главнымъ образомъ одежду для индѣйцевъ и траву *кока*. По всей вѣроятности, такой способъ торговли представляетъ простое переживаніе древнихъ обычаевъ, когда перуанское правительство распредѣляло по разнымъ провинціямъ матеріи и другіе продукты, необходимые для потребленія его подданныхъ. Въ древней Мексикѣ мы встрѣтимъ совершенно иной порядокъ вещей, ни чѣмъ не напоминающій эту государственную торговлю.

II. Мексика.

Между двумя великими государствами центральной Америки—Мексикой и Перу можно найти нечто общее въ отношеніи торговли, но въ области политики, они діаметрально противоположны другъ другу. Въ государствѣ ацтековъ сохранились, конечно, тоже нѣкоторые обычаи отъ эпохи родового быта, но ничего подобнаго перуанскому коммунизму мы тамъ не встрѣтимъ. Торговля, доведенная до минимума въ Перу, развилась тамъ даже до излишества. Только промышленность обѣихъ странъ представляла нѣкоторыя черты сходства, хотя и она въ частности сильно различалась. Въ Мексикѣ, какъ и въ Перу, земледѣліе было сильно развито, тѣмъ болѣе что въ Мексикѣ подати взымались натурою и, главнымъ образомъ, земледѣльческими продуктами. Кромѣ воиновъ и знатныхъ вельможъ, всѣ, даже городскіе жители, пахали землю и земледѣліе имѣло своихъ особыхъ боговъ-покровителей. Какъ и въ Перу, разумная система орошенія спасала поля отъ засухъ. Но растенія, въ обоихъ государствахъ культивировались не одни и тѣ же. Въ Мексикѣ, напримѣръ, совсѣмъ не сѣяли картофеля и на этотъ фактъ опираются даже для доказательства того, что между этими двумя государствами не существовало совсѣмъ никакихъ сношеній. Бананы, кокосовыя пальмы и особенно маисъ были одинаково распространены въ обоихъ государствахъ. Въ Мексикѣ маисъ достигалъ огромной величины и исполнялъ въ то же время роль сахарнаго тростника. Кромѣ того, въ Мексикѣ культивировали ваниль, какао и особый видъ агавы. Это послѣднее растеніе приносило очень много пользы. Изъ его листьевъ выдѣлывали бумагу, изъ сока получался особый ошьяняющій напитокъ, *пулькъ*; листьями покрывали также крыши домовъ; изъ колючекъ дѣлали булавки и иголки; изъ волоконъ—нитки, веревки и т. п.

Хлопокъ воздѣлывался въ странѣ ацтековъ такъ же какъ и въ странѣ инковъ. Изъ него ткали разныя матеріи, иногда его перемѣшивали съ шерстью какого-нибудь животнаго, напримѣръ, зайца, чтобы придать имъ больше теплоты. Они умѣли также ткать очень тонкія матеріи, украшенныя вышивками и окрашенныя въ яркіе цвѣта, главнымъ образомъ въ пунцовый, который получался изъ кошенили. Европейцы именно въ Мексикѣ научились пользоваться этимъ драгоценнымъ насѣкомымъ. Грубыя ткани, въ которыя примѣшивались волокна агавы, служили для ковровъ, занавѣсей и гамаковъ.

Работы изъ перьевъ процвѣтали въ Мексикѣ еще больше, чѣмъ въ Перу. Мастера, занимавшіеся ими, составляли цѣлую корпорацію, съ особыми праздниками и жертвоприношеніями; эти мастера стояли на лѣстницѣ общественныхъ отношеній не ниже купцовъ и обыкновенно праздновали и пировали вмѣстѣ съ ними.

Искусство керамики у ацтековъ тоже стояло довольно высоко; они умѣли выдѣлывать изъ глины посуду самыхъ разнообразныхъ формъ

и она употреблялась у нихъ наравнѣ съ деревянной крашеной и лакированной посудой, напоминающей татарскую.

Мексиканскіе мастера употребляли орудія двухъ сортовъ. Одни предпочитали по старой памяти каменные, другіе перешли уже къ металлическимъ. Нѣкоторыя вулканическія горныя породы доставляли мексиканцамъ камни, положительно не уступавшія по прочности металлу; они дѣлали даже рѣзецъ скульптора изъ особаго камня обсидіана, который въ изобиліи встрѣчался въ Мексикѣ. Одна гора, изъ которой добывали особенно много обсидіана, называлась даже «горою ножей». Сабли и бритвы мексиканцевъ тоже выдѣлывались изъ обсидіана.

Такое широкое распространеніе обсидіана вело начало съ очень отдаленныхъ временъ; но и металлургія не была чужда аптекамъ и, пожалуй, даже не уступала перуанской. Въ горахъ они устраивали настоящіе рудники съ множествомъ подземныхъ ходовъ, сообщавшихся другъ съ другомъ. Они умѣли получать свинецъ, олово, мѣдь, киноварь и серебро. Золото добывали или, собирая большіе самородки, разсѣянные кое-гдѣ на поверхности земли, или промывая золотоносный рѣчной песокъ. Мексика, а особенно ея южныя провинціи, были такъ богаты золотомъ, что жители могли выплачивать подати этимъ металломъ. Желѣзо, которымъ была мѣстами положительно пропитана почва Мексики, осталось тамъ, однако, совершенно неизвѣстнымъ такъ же, какъ и въ царствѣ инковъ; но зато они умѣли готовить бронзу изъ сплава мѣди и олова, прибавляя въ этотъ сплавъ родъ кремнезема, они получали чрезвычайно прочное вещество; сдѣланными изъ него инструментами они могли шлифовать базальтъ, порфиръ, аметисты и изумрудъ. Этимъ драгоценнымъ камнямъ мексиканскіе ювелиры любили придавать самыя фантастическія формы. Такіе артисты имѣли тоже не менѣе четырехъ своихъ боговъ и свои особыя праздники. По преданію, украшенія для женскихъ одеждъ изобрѣла одна богиня; но искусство шлифования и такія украшенія, какъ браслеты, серьги, ожерелья, считались изобрѣтеніемъ боговъ. Золотыхъ дѣлъ мастера имѣли тоже собственнаго патрона—бога Тотека, которому они, по обычаю, приносили человѣческія жертвоприношенія. При этомъ съ убитыхъ жертвъ сдиралась обыкновенно кожа, которая употреблялась при религіозныхъ церемоніяхъ. Золотыхъ дѣлъ мастера дѣлились на двѣ группы: одни занимались ковкой металла и умѣли при помощи молотовъ и камней придавать золоту видъ тонкихъ лепестковъ; другіе занимались собственно выдѣлкой разныхъ золотыхъ украшеній; изъ этихъ послѣднихъ каждый имѣлъ обыкновенно свою особую спеціальность.

Кортесъ, въ своихъ письмахъ къ Карлу V, рассказываетъ, что мексиканскіе золотыхъ дѣлъ мастера достигаютъ поистинѣ изумительнаго совершенства въ своихъ работахъ.

Своеобразный способъ употреблялся въ древней Мексикѣ для получения серебра. Въ землѣ вырывалась яма и въ нее накладывалась

слоями серебряная руда и уголь; потомъ уголь зажигался, а вокругъ ямы становились индѣйцы и дули въ нее черезъ камыши. Этотъ приемъ напоминаетъ способъ добыванія желѣза африканскими неграми и малайцами.

Съ помощью такихъ первобытныхъ приемовъ и своихъ грубыхъ орудій, мексиканскіе мастера совершали настоящія чудеса; они выковывали, напримѣръ, такія большія серебряныя вазы, что одинъ человѣкъ не могъ обнять ихъ; они дѣлали разныхъ животныхъ, рыбъ, птицъ и такъ искусно, что каждое перышко птицы, каждая рыба чешуйка приготовлялась отдѣльно изъ золота или изъ серебра. Съ помощью своихъ орудій изъ обсидіана они обтачивали громадныя камни для постройки; ими же они гранили громадный монолитъ изъ чернаго порфира, на которомъ и до сихъ поръ виденъ знаменитый мексиканскій календарь. Замѣтимъ, что, несмотря на отсутствіе домашнихъ животныхъ и какой бы то ни было механической силы, этотъ монолитъ былъ перенесенъ въ городъ за нѣсколько верстъ.

Вся эта промышленность, гдѣ терпѣніе, время и масса рабочихъ замѣняли машины и знанія, очень напоминаетъ перуанскую промышленность. То же самое можно сказать и о кораблестроеніи. Всѣ большія путешествія по водѣ совершались на такихъ же бальзахъ, какъ и въ Перу. Кромѣ того, въ Мексикѣ выдавливали небольшія лодочки изъ цѣльнаго куска дерева, чего, повидимому, не умѣли дѣлать перуанцы.

III. Торговля.

Простая и первобытная по своимъ приемамъ, мексиканская промышленность приобрѣла тѣмъ не менѣе серьезное значеніе. Всѣ эти корпораціи ремесленниковъ, цехи, какъ ихъ называли въ средневѣковой Европѣ, доказываютъ самымъ своимъ существованіемъ, что промышленность въ Мексикѣ не ограничивалась удовлетвореніемъ первыхъ потребностей. Строго организованное рабочее населеніе обусловливаетъ многочисленный классъ купцовъ, занимающихся перепродажей ихъ произведеній. Прибавимъ, что въ древнемъ государствѣ аптековъ подати выплачивались большей частью натурою и въ каждомъ городѣ существовали общественныя магазины, въ которые сносились продукты земледѣлія и обрабатывающей промышленности; такихъ городовъ насчитывалось до 370 и свои подати они уплачивали въ самые разнообразныя сроки, нѣкоторые разъ или два въ годъ, нѣкоторые разъ въ 20 дней и даже разъ въ четыре дня. Подати эти уплачивались хлопкомъ, перьями и т. п., т. е. такими продуктами, которые надо было немедленно употребить или продать. Мексиканское правительство, ведшее, кромѣ того, многочисленныя войны и облагавшее побѣжденные народы разными контрибуціями, должно было часто освобождать свои переполненные магазины.

Естественно вслѣдствіе этого, что торговля оказывалась совершенно необходимой въ Мексикѣ; поэтому-то она и пользовалась тамъ такимъ уваженіемъ, которое съ перваго взгляда кажется мало понятнымъ. Обыкновенно въ воинственныхъ аристократическихъ государствахъ съ наследственнымъ кастовымъ устройствомъ, купцы не пользуются уваженіемъ. Быть можетъ, чтобы объяснить эту аномалію, слѣдовало бы задаться вопросомъ о происхожденіи тѣхъ переселенцевъ, которые еще до появленія адтековъ смѣняли другъ друга на возвышенностяхъ Анакуака; нѣкоторые изъ нихъ по всѣмъ вѣроятіямъ принадлежали къ торговымъ племенамъ. Извѣстно, что Оаяко, Табаско и мѣстность къ югу отъ Вера-Крупъ были заселены купцами, которые вели морскую торговлю съ прибрежными жителями. Тольтеки тоже прослыли ловкими торговцами. Но тольтеки, эти древнѣйшіе обитатели Мексики, вели мирную торговлю; адтеки же смотрѣли на дѣло нѣсколько иначе, ихъ купцы служили помощниками ихъ создатъ.

Эти купцы-адтеки были точно такъ же, какъ ремесленники и художники, организованы въ особую корпорацію, и ихъ корпорація была очень богата и могущественна. У нея, какъ и у остальныхъ, были свои особые боги, и одинъ изъ нихъ назывался «Владыка съ орлинымъ носомъ». Отмѣтимъ это названіе, такъ какъ оно, конечно, не могло принадлежать богу монгольской расы.

По примѣру всѣхъ мексиканскихъ корпорацій, у купцовъ были также свои дикія празднества съ человѣческими жертвоприношеніями и каннибальскими пирами. Одинъ богатый мексиканскій купецъ не хотѣлъ умирать, не задавши такого пира своимъ роднымъ и друзьямъ. Роль мексиканскихъ купцовъ достаточно характеризуется тѣмъ почитаніемъ, которымъ пользовался съ ихъ стороны богъ войны Уитзилопохтли; въ честь его они устраивали празднества, состоявшія въ умерщвленіи рабовъ, мясо которыхъ они съѣдали съ маисомъ.

Торговымъ центромъ Анакуака служилъ Тлателулко, ближайшій къ Мексико городъ; Тлателулко считался торговой столицей и главнымъ центромъ купеческой корпораціи. Нѣкоторые мексиканскіе купцы носили княжескій титулъ и принадлежали къ аристократіи. Члены купеческой корпораціи пользовались важными привилегіями; они были избавлены отъ военной службы, имѣли свой судъ и даже свои особые законы съ правомъ карать за нарушеніе ихъ и лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ корпораціи.

Эта могущественная купеческая корпорація Тлателулко принимала отдаленныя экспедиціи даже въ чужестранныя земли. Иногда самъ король давалъ соотвѣтствующее распоряженіе въ политическихъ видахъ. Передъ отъѣздомъ устраивался большой пиръ для старѣйшихъ городскихъ купцовъ; эти послѣдніе давали отъѣзжающимъ указанія относительно тѣхъ странъ, по которымъ имъ придется ѣхать, совѣтовали, по какой дорогѣ ѣхать, какіе товары брать съ собой и даже да-

вали имъ иногда на комиссію свои товары, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться потомъ долей барыша. Путешествія совершались караваномъ подъ начальствомъ выбраннаго предводителя. Товары разбивались на небольшіе тюки, по силамъ одного человѣка, такъ какъ вьючныхъ животныхъ въ Мексикѣ совсѣмъ не было. Въ дорогу забиралось большое количество провизіи, всѣ шли вооруженные и въ такомъ количествѣ, что въ случаѣ надобности сейчасъ же могли вступить въ битву. Караванъ то замедлялъ, то ускорялъ свое движеніе въ зависимости отъ того, по дружеской или вражеской странѣ онъ шелъ, а также отъ того, входилъ ли онъ туда открыто, чтобы завязать торговыя сношенія съ жителями, или тайно въ качествѣ королевскихъ развѣдчиковъ. Въ первомъ случаѣ немедленно по приѣздѣ купцы предлагали государю данной страны, отъ имени посланнаго ихъ короля, юбки, буриусы, драгоценныя женскія рубашки и т. п., потомъ они дѣлали подобные же подарки главнымъ вельможамъ и получали отъ нихъ взамѣнъ работы изъ перьевъ для своего государя. Получивъ такимъ образомъ право торговли, путешественники распаковывали и начинали продавать свои товары; это были преимущественно вещи небольшія по величинѣ, но очень цѣнныя: драгоценныя камни, золотыя короны, золотыя вазы, въ которыя женщины, когда пряли, клали веретено, золотыя или хрустальныя серьги для богатыхъ покупателей, серьги изъ чернаго камня или изъ полированной мѣди для людей побѣднѣе, ножи для стрижки волосъ, ланцеты для кровопусканія, бубенчики, кошенили, кренки и т. п. Рядомъ съ этимъ мексиканскіе купцы не пренебрегали и живымъ товаромъ и охотно торговали рабами обоюго пола тѣмъ, болѣе, что во время пути они же несли на себѣ другіе товары.

Но если приходилось проходить вражескую страну, тогда шли ночью или же старались принять видъ мѣстныхъ жителей, одѣвались такъ, какъ они, старались подражать ихъ манерамъ, говорить на ихъ языкѣ и т. п. Иногда во время этихъ опасныхъ путешествій купцы одѣвались въ лохмотья, изображали изъ себя чуть не нищихъ и говорили про свои товары: «Все, что мы несемъ, не наше, это принадлежитъ нашимъ благодѣтелямъ купцамъ» и т. п.

Если, по несчастію, мѣстное населеніе узнавало такихъ купцовъ-шпіоновъ, мошенническимъ образомъ проникшихъ въ его страну, ихъ немедленно предавали смерти; но тогда мексиканскій государь вступался обыкновенно за своихъ подданныхъ и объявлялъ войну ихъ убійцамъ. Если же путешественникамъ удавалось благополучно вернуться въ Мексико, они старались незамѣтно, ночью пробраться въ свои дома, и первымъ дѣломъ отдавали отчетъ старѣйшинамъ своей корпораціи, которые, въ свою очередь, докладывали о результатахъ ихъ предпріятія королю. Когда кто-нибудь изъ купцовъ умиралъ въ пути, его трупъ, раздѣтый и обвѣшанный мистическими надписями и раскрашенными символическими изображеніями, помѣщался въ кѣтку и вѣшался на деревѣ на

вершинѣ какой-нибудь горы. Если онъ былъ убитъ во время битвы, деревянное изображеніе его, напоминавшее египетскія изображенія, получало всѣ почести, слѣдовавшія его тѣлу.

Послѣ благополучнаго возвращенія каждый изъ участниковъ приглашалъ обыкновенно друзей «на чашку шеколаду въ свою бѣдную хижину»; но чашка шеколады превращалась въ роскошный пиръ. Во время этихъ пировъ обильное угощеніе сопровождалось не менѣе обильной выпивкой, танцами, пѣніемъ и свистомъ; мексиканцы имѣли привычку свистать, заложивши въ ротъ согнутый мизинецъ.

Вслѣдствіе такихъ экспедицій мексиканскіе купцы были обыкновенно опытными и знающими путешественниками; нѣкоторые изъ нихъ доставили Кортесу подробную карту своей страны. Они были воинами постолько же, поскольку и купцами. Члены корпораціи Тлателулко завоевывали провинціи и выдерживали осады. «Вѣдь въ дѣйствительности мы переодѣтые солдаты», сказали они разѣ королю на торжественномъ приѣмѣ. Король всегда совѣтовался съ купцами, нѣкоторые изъ нихъ постоянно находились при его особѣ и онъ называлъ ихъ ласковыми именами «дядюшка», «братъ» и т. п.

Но эта военная торговля съ отдаленными странами нисколько не мѣшала внутренней, болѣе мирной торговлѣ. Въ Мексикѣ устраивалось много базаровъ въ разныхъ городахъ, но самые важные и многочисленные происходили въ торговой столицѣ Тлателулко. Тамъ засѣдали старѣйшины купеческой корпораціи, тамъ они судили своихъ сочленовъ и произносили порой даже смертные приговоры. Съ правительственными чиновниками эти старѣйшины всегда были въ наилучшихъ отношеніяхъ.

Базаръ въ Тлателулко устраивался на площади, окруженной галереями, въ которыхъ располагались товары. Тамъ продавались одежды, простыя и вышитыя, драгоценные камни, металлическія украшенія, уборы изъ перьевъ и изъ камней, кольца, ежерелья, далѣе какао, кошениль, дерево, уголь, кожи, мебель, строительные матеріалы, разные напитки, посуда и т. п. Кортесъ нашелъ, что этотъ базаръ вдвое больше Саламанскаго; по его словамъ, на немъ могло помѣститься 60.000 человѣкъ. Базары въ Мексико вмѣщали до 200.000 человѣкъ. Мексико былъ тоже по преимуществу торговый городъ. Цѣлая толпа носильщиковъ предлагала тамъ свои услуги желающимъ; тысячи судовъ привозили и увозили оттуда товары.

Изъ одного города въ другой товары перекочевывали на спинахъ людей, запакованные въ кожи, въ цыновки или въ ящики. Каждый такой тюкъ вѣсилъ отъ 50 до 60 и даже отъ 70 до 80 фунтовъ. Упражняясь съ дѣтства въ своемъ ремеслѣ, носильщики довольно легко справлялись съ своей работой. Они клали товаръ за спину и привязывали его лямкой, которая перекидывалась черезъ голову и поддерживалась лбомъ. Нагруженные такимъ образомъ, носильщики могли проходить отъ 12 до 15 миль въ день. Такой способъ переноски товаровъ и до

сихъ портъ практикуется въ центральной Америкѣ, а также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тропической Африки.

Какимъ образомъ велась эта обширная торговля? Частію путемъ непосредственнаго обмѣна, частію при помощи особой монеты, представлявшей собой куски мѣди и олова, обточенные въ формѣ греческой буквы «тау». Кромѣ того, ацтеки употребляли еще нѣкоторые виды денежныхъ знаковъ, напримѣръ, прозрачныя птичьи перья, наполненные золотымъ пескомъ, или зерна какао, заключенные въ мѣшки определенной величины, такъ что въ нихъ входило определенное количество зеренъ. 8.000 зеренъ составляли денежную единицу, носившую названіе *ксихкитили*; для крупныхъ сдѣлокъ употреблялись мѣшки, содержащіе три *ксихкитили*. Наконецъ, для мелкихъ покупокъ употреблялись, какъ и въ Африкѣ, небольшіе куски бумажной пряжи. Всѣ товары въ Мексикѣ измѣрялись по величинѣ и по количеству, и никогда по вѣсу, такъ какъ вѣсы не были извѣстны ацтекамъ. Въ этомъ отношеніи перуанцы перегнали ихъ, хотя вообще въ отношеніи торговли мексиканцы далеко оставили ихъ за собой. Въ противоположность Перу, мексиканскіе ремесленники работали на продажу, для заработка.

Послѣ завоеванія испанцы-побѣдители воспользовались этимъ развитіемъ промышленности. Они заключили мѣстныхъ ремесленниковъ въ темныя мастерскія, какъ въ тюрьмы, и выпускали ихъ оттуда только по воскресеньямъ видѣться съ женами и дѣтьми; въ то же время они посылали ихъ массами въ рудники на вѣрную смерть; однимъ словомъ они создали имъ такое невыносимое существованіе, что цѣлыя семьи рабочихъ вѣшали, чтобы избавиться отъ него. Одинъ испанецъ выдумалъ остроумное средство, чтобы остановить эти массовыя самоубійства: онъ увѣрилъ индѣйцевъ, что и онъ повѣсится вслѣдъ за ними и будетъ также мучить и истязать ихъ въ загробномъ мірѣ, такъ что ихъ самоубійство утрачивало свой смыслъ.

IV. Сравненіе обоихъ государствъ въ отношеніи торговли.

Если мы сравнимъ оба государства съ точки зрѣнія промышленности и торговли, мы получимъ нѣсколько интересныхъ сопоставленій, имѣющихъ несомнѣнное соціологическое значеніе. Эти государства не знали другъ друга и никакой могущественный сосѣдній народъ не вліялъ на ходъ ихъ развитія, они развивались совершенно самостоятельно, и если ихъ жизнь сложилась такъ различно, то причины этого слѣдуетъ искать въ различіи ихъ происхожденія. Въ Перу развился государственный социализмъ, централизованный, попечительный и деспотическій; въ Мексикѣ сложился феодальный строй, нѣсколько напоминающій средневѣковыя европейскія отношенія; личности, особенно на верхнихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, была предоставлена тамъ почти полная свобода. Въ Перу торговли почти не существовало, она

ограничивалась лишь незначительными обмѣнами между сосѣдями; внѣшней торговли тамъ совсѣмъ не было, такъ что частный человѣкъ былъ совершенно лишенъ возможности разбогатѣть; всякій несъ свои обязанности и исполнялъ то дѣло, къ которому былъ предназначенъ отъ рожденія. Жизнь каждого человѣка была опредѣлена съ самаго момента рожденія, крупныя богатства были неизвѣстны перуанцамъ, также какъ и полная нищета и разореніе. Въ Мексикѣ цѣлый вліятельный классъ людей жилъ торговлей, даже главнымъ образомъ, опасной, полной приключеній, внѣшней торговлей, родственной разбою и ведущей къ завоеваніямъ; купецъ долженъ былъ быть и соглядатаемъ, и солдатомъ. За караванами мексиканскихъ купцовъ шли арміи завоевателей; они покоряли сосѣдніе народы, облагали ихъ контрибуціями, приносили ихъ въ жертву своимъ жестокимъ богамъ, такимъ же кровавыми, какъ и ихъ почитатели. Перу воевалъ совсѣмъ съ иными цѣлями: онъ пытался цивилизовать дикія племена, окружавшія его, побѣждать словомъ убѣжденія, а не оружіемъ.

Судьба подданныхъ внутри обоихъ государствъ тоже не имѣла ничего общаго. Въ Перу не было нищихъ, не было произвольныхъ административныхъ притѣсненій. Правительство старалось по мѣрѣ возможности дѣлать счастливымъ свой народъ, а народъ, въ свою очередь, добровольно и охотно служилъ правительству. Въ Мексикѣ правительство угнетало населеніе и всѣ дороги были усыяны нищими.

Короче говоря, въ одной странѣ господствовали нравы ягненка, въ другой—нравы тигра. Между тѣмъ, населеніе государства инковъ и страны ацтековъ, въ сущности, мало чѣмъ отличались другъ отъ друга; глубокаго, коренного различія расъ между ними не было, и образованіе такихъ двухъ діаметрально противоположныхъ нравственныхъ типовъ надо приписать глубокому различію въ организациі обоихъ государствъ, сказавшемуся съ самаго ихъ возникновенія. При сравненіи этихъ государствъ сочувствіе наврядъ-ли склонится на сторону того, гдѣ торговля развивалась такъ широко и всесторонне. Добавимъ, что съ точки зрѣнія прогресса промышленности, умственнаго развитія, вообще того, что подразумѣвается подъ словомъ цивилизація, Мексика немного опередила Перу, и такимъ образомъ потеря въ одномъ отношеніи не выкупалась ничѣмъ другимъ.

ГЛАВА IX.

Кочующіе монголы и родственныя имъ племена.

I. Торговля у кочующихъ монголовъ. Главнѣйшія группы ихъ.—Пастушескій образъ жизни и его условія.—Жилища и домашнія животныя.—Караваны.—Культура номадовъ.—Оседлые татары.—Вліяніе китайцевъ.—Смѣшеніе ихъ съ монголами.—Постепенное разореніе послѣднихъ.—Промышленность номадовъ.—Работы женщинъ.—Металлургія у татаръ.—Первобытныя колеса.—Промышленность въ Бухарѣ.—Мѣсторожденія золота и Китая.—Внѣшняя торговля.—Вывозъ каменной соли.—Ввозъ чаю.—Металлическіе слитки въ качествѣ денежныхъ знаковъ.—Торговля путемъ непосредственнаго обмѣна.—Степные базары.—Разбои въ степяхъ.—Право прохода.—II. Торговля въ Тибетѣ. Кочующее и оседлое населеніе.—Семейная промышленность.—Ея несложность.—Металлургія.—Земледѣліе.—Вывозная торговля.—Караваны и носильщики.—Священные товары.—Свобода промышленности.—Непосредственный обмѣнъ и денежные знаки.—III. Торговля на Малайскомъ архипелагѣ. Происхожденіе малайцевъ.—Туземная торговля.—Базары баттаковъ.—Страсть къ желѣзу у малайцевъ.—Вліяніе арабовъ на промышленность.—Первобытные приемы.—Металлургія.—Золото и его роль въ торговлѣ.—Мѣстные и иностранные денежные знаки.—Китайцы, положившіе начало торговлѣ и промышленности.—IV. Торговля въ Индо-Китаѣ. Вліяніе Индіи и Китая.—Деспотическія монархіи.—Ихъ вредное вліяніе на торговлю.—Несложность промышленности.—Сіамскій король и его торговые монополіи.—Металлургія.—Внѣшняя торговля иностранцевъ.—Прощѣтаніе внутренней торговли.—Первобытные и металлическіе денежные знаки.—Торговля путемъ обмѣна.—Права кредитора.—V. Фазисы въ развитіи промышленности и торговли у народовъ, окружающихъ Китай.

I. Торговля у кочующихъ монголовъ.

Мы обратимся теперь къ изученію торговли у народовъ, находившихся такъ или иначе подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи. Народы эти окружаютъ кольцомъ самую Небесную имперію. Къ югу отъ Китая живутъ малайцы и индо-китайцы; къ сѣверу и западу—татары, монголы, тибетцы; наконецъ, къ востоку—японцы. Японію мы будемъ разсматривать въ связи съ Китаемъ, такъ какъ до послѣдняго времени Китай оказывалъ на нее преобладающее вліяніе. Прежде всего мы займемся кочующими племенами, ведущими въ значительной степени и до сихъ поръ пастушескій образъ жизни на обширномъ пространствѣ между Россіей и Каспійскимъ моремъ съ запада, Китаемъ и Тихимъ океаномъ на востокъ. Эти племена, носяція различныя названія, сходны по своему внѣшнему виду, по нравамъ и религіи. Всѣ эти племена, кромѣ тибетцевъ, ведутъ кочующій образъ жизни и могутъ дать намъ довольно ясное представленіе объ общественномъ устройствѣ и умственномъ уровнѣ тѣхъ ордъ, которыя много вѣковъ тому назадъ образовали Китайскую имперію.

Разсѣянныя на громадныхъ пространствахъ, эти кочующія орды разбились вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ войнъ, на маленькіе кочующіе народы. Всѣ эти народы имѣютъ

приблизительно одинаковое устройство, они распадаются на аристократію и полусвободный народъ и управляются князьями. Только туркмены сохранили до нашихъ дней республиканскій, почти анархическій образъ правленія. На короткое время монгольскіе завоеватели соединили подъ своею властью эти многочисленныя племена, но послѣ нихъ они не замедлили снова распасться. Въ настоящее время, по словамъ путешественника Гюка (Нис), ихъ можно раздѣлить на восточныхъ татаръ или манчжуръ, кочующихъ на сѣверъ отъ Китая, западныхъ татаръ, частью покоренныхъ Россіей, извѣстныхъ подъ названіемъ калмыковъ и киргизовъ и, наконецъ, монголовъ, занимающихъ средину между западными и восточными татарами. Населеніе странъ, находящихся къ югу отъ великой татарской степи—Бухары, Хивы и Тибета, перешли теперь къ болѣе осѣдлому образу жизни.

Всѣ эти кочевыя, пастушескія племена ведутъ, въ сущности, болѣе или менѣе одинаковый образъ жизни. Эта часть сѣверной Азіи представляетъ собой ровную, безлѣсную степь, мѣстами болотистую, пересѣкаемую въ разныхъ направленіяхъ рѣчками. Это громадная пустынная равнина, производящая на европейскаго путешественника такое же впечатлѣніе, какъ море. Въ общемъ она хорошо орошается и изобилуетъ прекрасными пастбищами; это—«страна травы». Путешествовать по ней приходится, приблизительно, такъ же, какъ по океану; впрочемъ, туземцы привыкли къ этому, они смѣло идутъ впередъ, не смущаясь отсутствіемъ дорогъ и никогда не теряютъ направленія.

Пастушескій бытъ требуетъ постоянной перемѣны мѣстъ; впрочемъ, каждая орда кочуетъ все же въ извѣстномъ районѣ; вся страна раздѣлена на опредѣленныя области, принадлежащія различнымъ ордамъ; но величина этихъ областей очень значительна, такъ что каждая орда рѣдко проводитъ болѣе недѣли на одномъ мѣстѣ, особенно въ теченіе лѣта. Многочисленныя рѣчки не служатъ препятствіемъ для передвиженій, ихъ переходятъ или въ бродъ, или привязывая кожаные мѣшки къ лошадинымъ хвостамъ, или устраивая плувучіе мосты изъ прибрежнаго камыша, или, наконецъ, ихъ переплываютъ въ кожаныхъ лодкахъ. Каждый день киргизы совершаютъ въ разныя стороны поѣздки въ нѣсколько верстъ, разыскивая новыя пастбища.

Постоянные переходы съ мѣста на мѣсто составляютъ не только привычку, но прямую потребность для татаръ. Ихъ образъ жизни нисколько не измѣнился со временъ Марко Поло, удивлявшася ихъ замѣчательной подвижности: «Они способны на то, на что не способенъ никто другой. Они могутъ въ случаѣ надобности идти цѣлый мѣсяцъ, не имѣя съ собою никакихъ запасовъ, они пьютъ молоко своихъ кобылъ и ѣдятъ мясо тѣхъ животныхъ, которыхъ имъ удастся подстрѣлить своими стрѣлами. Лошади ихъ кормятся травой, имъ не нужно давать ни пшеницы, ни соломы, ни овса, и онѣ всегда чрезвычайно послушны. На нихъ не надѣваются никакой сбруи, а просто перекиды-

ваютъ черезъ спину два козьихъ мѣшка, въ которые наливается молоко и кладется горшечекъ, въ которомъ они варятъ мясо, и небольшая палатка на случай дождя». Въ случаѣ крайности, рассказываетъ другой путешественникъ, они пускаютъ кровь своимъ лошадямъ и пьютъ ее. Татары умѣютъ готовить стуженное молоко, которое только недавно было изобрѣтено въ Европѣ. «У нихъ есть сухое молоко, и они всегда берутъ его съ собой. Передъ тѣмъ, какъ ѣсть его, они кладутъ его въ воду и бьютъ, пока оно не растаетъ, тогда они пьютъ его». Зимой татары обыкновенно устраиваются въ такой мѣстности, гдѣ ихъ скотъ можетъ найти себѣ какой-нибудь кормъ; вообще зима для нихъ опасное время, когда, въ случаѣ сильныхъ морозовъ, они могутъ потерять весь свой скотъ; день, когда они покидаютъ, наконецъ, мѣсто зимней стоянки, считается у нихъ большимъ праздникомъ.

Жилища ихъ все тѣ же, какъ и во времена Марко Поло: войлочные юрты, поддерживаемыя легкимъ деревяннымъ срубомъ въ формѣ купола. Бѣдятъ они въ такихъ же легкихъ двухколесныхъ кибиткахъ, покрытыхъ чернымъ войлокомъ, въ которыхъ запряжены, по словамъ Марко Поло, быки или верблюды; въ дѣйствительности почти исключительно быки. Верблюдъ служитъ, главнымъ образомъ, вьючнымъ животнымъ и носить поклажу на спинѣ. Гюкъ описываетъ, что онъ встрѣтилъ цѣлую длинную вереницу такихъ кибитокъ, нагруженныхъ солью и запряженныхъ волами; въ ноздри каждаго животного было продѣто желѣзное кольцо, и къ кольцу привязана веревка, прикрѣпленная другимъ концомъ къ предыдущей кибиткѣ, такъ что весь караванъ представлялъ собой неразрывную цѣпь. Къ такому способу перевозки товаровъ прибѣгаютъ только за недостаткомъ верблюдовъ, играющихъ въ Азіи такую же важную роль, какъ и въ Африкѣ. Азіатскіе караваны организуются, приблизительно, такъ же, какъ африканскіе; проводниками служатъ туземцы, а одинъ изъ купцовъ является начальникомъ всего каравана. Опасности, приблизительно, тѣ же, что и въ Сахарѣ. Путешественники рискуютъ умереть отъ голода или жажды и подвергнуться нападенію степныхъ разбойниковъ. По большей части караваны организуются киргизами, играющими тутъ, приблизительно, ту же роль, какъ туареги въ Африкѣ. Двигаются караваны обыкновенно по одному и тому же направленію, хотя, конечно, не по дорогамъ, такъ какъ послѣднихъ тутъ не имѣется. Одинъ изъ такихъ путей идетъ отъ Пекина на Кяхту, по нему двигаются непрерывныя цѣпи верблюдовъ, нагруженныхъ цибиками, тщательно обернутыми въ буйволую кожу. Другіе караваны направляются въ Бухару, Хиву и въ Оренбургскую губернію.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что всѣ татарскія, монгольскія и манчжурскія племена принадлежатъ къ чистымъ кочевникамъ. Тобольскіе татары, напримѣръ, обрабатываютъ землю и сѣютъ рожь и ячмень. Ячмень и пшеница культивируются также въ самой Монголіи, хотя монголы предпочитаютъ просо. Въ Манчжуріи примѣръ подають ки-

тайцы; они воздѣлываютъ землю и сѣютъ просо, индѣйскую пшеницу (сорго), изъ которой они готовятъ опьяняющій напитокъ, ленъ, коноплю, табакъ и нѣкоторыя другія растенія, вывезенныя изъ Китая. Конопля, достигающая поразительной величины, растетъ тутъ часто сама собой. Туземцы, менѣе цивилизованные и съ меньшими потребностями, чѣмъ китайцы, довольствуются тѣмъ, что сѣютъ на своей безплодной песчаной землѣ просо и гречу, эти нищенскіе хлѣба.

Впрочемъ, и кочевой образъ жизни не вполне исключаетъ возможность земледѣлія. Такъ, киргизы, культивирующіе просо, ячмень, пшеницу и рожь и даже прибѣгающіе съ этою цѣлью къ искусственному орошенію, до сихъ поръ не отстали отъ кочевой жизни. Каждый годъ, послѣ жатвы, они прячутъ зерно въ землю и до слѣдующаго посѣва свободно кочуютъ по степи.

Такимъ образомъ, въ сѣверной Азіи мы встрѣчаемъ прежде всего орды, ведущія исключительно кочевой и пастушескій образъ жизни; затѣмъ племена, совмѣщающія земледѣліе со скотоводствомъ, полукочевья, полусѣдлыя; и, наконецъ, племена, осѣвшія на мѣстахъ и перешедшія окончательно къ земледѣльческому быту.

Въ Манчжуріи и китайской Монголіи измѣненію быта жителей способствовали главнымъ образомъ постоянныя переселенія туда китайцевъ. Китайцы мирнымъ путемъ совершали свои завоеванія; безъ шума, по одиночкѣ начинали они селиться въ какой-нибудь мѣстности, мало по малу укрѣплялись тамъ и кончали тѣмъ, что выживали коренныхъ жителей. Въ китайской Монголіи они въ широкихъ размѣрахъ примѣняли этотъ методъ. «Монголы,—говоритъ Гюку одинъ старый монголъ,—созданы для того, чтобы жить въ юртѣ и пасти свой скотъ. Пока эти обычаи сохранялись въ нашей странѣ, мы были счастливы и богаты. Теперь, когда монголы принялись обрабатывать землю и строить дома, они стали бѣдными, китайцы завладѣли нашей страной. Стада, земли, дома, все перешло въ ихъ руки». Пріемы, которыми пользуются при этомъ китайцы, непремѣнно одни и тѣ же; они всячески потворствуютъ вкусамъ туземцевъ, подъ личиною дружбы окутываютъ ихъ сѣтями и дѣлаютъ изъ нихъ своихъ неоплатныхъ должниковъ.

Обитатель степей мало интересуется торговлей. Во времена Марко Поло онъ предоставлялъ даже всю торговлю женщинамъ. «Мужчины занимаются только охотой, дрессировкой соколовъ и верховой ѣздой, а по большей части они просто ничего не дѣлаютъ». Кромѣ того, промышленность, являющаяся всегда матерью торговли, очень мало и неравномѣрно развита у кочующихъ племенъ. Туркмены, напримѣръ, въ началѣ предъидущаго столѣтія употребляли для одежды только овечьи шкуры и лошадиныя кожи. У настоящихъ номадовъ вся промышленность ограничивается обыкновенно умѣньемъ грубо отдѣлывать кожи и готовить войлокъ для юртъ и кибитокъ. Выдѣлка войлока чрезвычайно проста. На кусокъ стараго войлока кладутъ по возможности

ровный слой шерсти и конского волоса, поливают его кипяткомъ, потомъ скатываютъ все вмѣстѣ потуже, топчутъ ногами, нѣсколько разъ подбрасываютъ въ воздухъ и дѣло сдѣлано. Остается развернуть свертокъ и въ немъ сверхъ стараго войлока оказывается точно такой же кусокъ новаго. Обыкновенно въ этой легкой работѣ принимаетъ участіе все семейство. Болѣе сложныя работы предоставляются женщинамъ. Пока мужчины охотятся, ходятъ другъ къ другу въ гости, пьютъ чай и водку, играютъ въ шашки, въ кости, курятъ и спятъ, ихъ жены и дочери шьютъ сапоги, одежды, шапки и вышиваютъ ихъ.

Металлургія татаръ по первобытности своихъ пріемовъ напоминаетъ вполнѣ негритянскую. Они также плавятъ металлы въ вырытыхъ въ землѣ углубленіяхъ. Кузнечное ремесло стоитъ у нихъ такъ невысоко, что желѣзные ободья на колесахъ у русскихъ приводили въ полное недоумѣніе ихъ кузнецовъ. Монгольскія колеса устроены чрезвычайно просто и грубо; они накрѣпко придѣланы къ оси и вращаются вмѣстѣ съ ней. Ни ступицы, ни обода въ нихъ нѣтъ совсѣмъ—это просто два куска дерева, положенные накрестъ и прикрѣпленные къ концамъ оси. Концы образовавшагося такимъ образомъ креста соединяются грубыми деревянными дугами.

Хивинскіе киргизы не умѣютъ даже сами дѣлать свою упряжь; они вымѣниваютъ ее у туркменовъ на верблюдовъ, лошадей и овецъ. Даже войлокъ въ Хивѣ дѣлаютъ только туркмены, которые умѣютъ также нѣсколько ковать желѣзо и даже ткнуть простыя шелковыя ткани.

Въ южныхъ татарскихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Бухарѣ, промышленность развита, конечно, гораздо больше. Женщины умѣютъ тамъ пряхъ хлопокъ и ткать бумажныя матеріи. Смѣшивая хлопчатую бумагу съ шерстью и верблюжьимъ волосомъ, они ткнутъ и одѣяла, и различныя матеріи. Бухарскіе ремесленники дѣлаютъ желѣзные ножи и дамаскскія ружья. Другія шьютъ бархатные сапожки для женщинъ. Наконецъ, искусство вышиванья развито тамъ въ высшей степени.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ страна, гдѣ кочуютъ монголы, слыва очень богатой золотомъ. Сибирскіе пріиски достаточно доказываютъ это. Но въ областяхъ, принадлежащихъ Китаю, китайское правительство всегда очень ограничивало добываніе его. Оно опасалось, во-первыхъ, сильнаго паденія цѣны золота, а, во-вторыхъ, безтолковаго истощенія богатыхъ мѣсторожденій. Конечно, несмотря на эти запрещенія, хищническое добываніе золота монголами, подъ руководствомъ китайскихъ бандитовъ, практикуется въ широкихъ размѣрахъ и до сихъ поръ.

При такомъ низкомъ уровнѣ промышленности и почти полномъ отсутствіи земледѣлія, кочующія монгольскія племена, конечно, почти не имѣютъ внутренней торговли. Если они торгуютъ понемножку, то исключительно съ другими странами—съ Китаемъ, Россіей, Хивой и Бухарой. Въ Россію и въ Китай они поставляютъ мѣха пушныхъ звѣрей—

лисицъ, бобровъ, куницъ, соболей, выдръ, медвѣдей, пантеръ, волковъ, антилопъ и кабановъ. Самые лучшіе изъ этихъ мѣховъ предназначаются китайскому императору и оцѣниваются по установленной закономъ таксѣ.

Большую роль въ торговлѣ съ Китаемъ играетъ каменная соль, которую туземцы добываютъ обыкновенно также подъ руководствомъ китайскихъ предпринимателей, отвозятъ ее караванами на китайскіе рынки и получаютъ за нее кирпичный чай, табакъ и рсчовую водку. Безъ этихъ предметовъ монголы совершенно не могутъ обойтись; чай служить для нихъ и пищей, и питьемъ. Табакъ, трубка и кирпичъ чая составляютъ ихъ постоянную дорожную провизію. Центромъ торговли съ Россіей служатъ Кяхта; туда татары пригоняютъ стада быковъ и верблюдовъ, табуны лошадей, привозятъ кирпичный чай, табакъ, и кожи. Въ городѣ царствуетъ всегда большое оживленіе: по улицамъ взадъ и впередъ сплываютъ разношники, купцы зазываютъ ихъ въ свои лавки, а китайцы служатъ посредниками между ними и умѣютъ извлечь изъ этого значительную выгоду.

Самыя важныя сдѣлки происходятъ между русскими и китайскими купцами; но и тутъ до послѣдняго времени торговля совершалась путемъ непосредственнаго обмѣна. Съ одной стороны, русское правительство запрещало вывозъ монеты, а съ другой—китайцы могли предложить въ качествѣ денегъ только свои металлическіе слитки. Въ Хивѣ и Бухарѣ татарскіе купцы тоже не довѣряли иностраннымъ денежнымъ знакамъ и не принимали ихъ.

До распространения господства Россіи киргизы вели довольно большую торговлю рабами; они ловили людей на русской границѣ и продавали ихъ въ Бухарѣ за шолкъ, хлопокъ, ружья, порохъ и сабли.

Бухара служитъ вообще торговымъ центромъ для татаръ, русскихъ и китайцевъ. На ея обширныхъ базарахъ можно найти всевозможные товары, даже европейскіе.

Базары происходятъ также и внутри монгольскихъ степей, только тамъ они, конечно, бѣднѣе товарами и носятъ совсѣмъ иной характеръ. Киргизы, и мужчины, и женщины торгуютъ, не сходя съ лошадей и не употребляя при обмѣнѣ ни мѣры, ни вѣсовъ, ни денежныхъ знаковъ.

Говоря о монгольской промышленности и торговлѣ, нельзя не упомянуть о буддійскихъ монастыряхъ, служащихъ обыкновенно въ то же время маленькими промышленными и торговыми центрами. Ихъ ламы занимаются по большей части, кромѣ своихъ непосредственныхъ духовныхъ обязанностей разными ремеслами—они и портные, и сапожники, и шапочники, и красильщики. Всѣ предметы они производятъ отчасти для собственнаго употребленія, отчасти на продажу и въ ихъ монастыри постоянно приходятъ караваны съ чаемъ и другими товарами, которые обмѣниваются на произведенія ламъ.

Кромѣ того, нѣкоторые братства ламъ занимаются собираніемъ навоза, который продается въ прессованномъ видѣ въ качествѣ топлива.

Торговля номадовъ встрѣчаетъ, кромѣ неблагопріятныхъ внутреннихъ условій, еще серьезныя внѣшнія препятствія для своего развитія. Во-первыхъ, самыя путешествія по степямъ очень опасны для каравановъ, съ одной стороны имъ грозятъ голодъ и жажда, съ другой—нападенія разбойниковъ; во-вторыхъ, при переходахъ изъ территоріи одного племени въ другую ихъ всячески обираютъ мелкіе ханы, требуя съ нихъ и за право проѣзда, и за право торговли. Только сильное стремленіе къ наживѣ заставляетъ купцовъ пренебрегать всѣми этими опасностями и неудобствами и отправлять вопреки всему ежегодно множество каравановъ.

II. Торговля въ Тибетѣ.

Изъ всѣхъ цивилизованныхъ монгольскихъ странъ, промышленность и торговля получили нѣкоторое развитіе только въ Тибетѣ.

Тибетъ и его столица Хласса или Ласса служатъ умственнымъ и главнымъ образомъ религіознымъ центромъ всѣхъ кочующихъ монголовъ-буддистовъ. Многочисленное ламайское духовенство, разбѣянные повсюду буддійскіе монастыри, караваны пилигримовъ, постоянно путешествующіе въ Хлассу и обратно,—все это, конечно, оказываетъ большое вліяніе на номадовъ и держитъ ихъ въ постоянной духовной зависимости отъ Тибета.

Само населеніе Тибета на половину осѣдлое, на половину кочевое; гористая мѣстность Тибета сильно мѣшаетъ пастушескому образу жизни. Характеръ стадъ въ Тибетѣ тоже совершенно иной. О верблюдахъ тутъ уже не можетъ быть и рѣчи, они совершенно непригодны къ путешествіямъ по горнымъ дорогамъ. Здѣсь ихъ роль играетъ такъ называемый *якъ*,—порода, родственная быку. Онъ служитъ, впрочемъ, исключительно въ качествѣ вьючнаго скота, для обработки земли его совершенно не употребляютъ. Зато изъ его шерсти ткутъ матерію для одежды и особенно для покрышки палатокъ и, кромѣ того, онъ даетъ массу молока, изъ котораго туземцы бьютъ масло. Масло-служитъ однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли съ кочующими монголами. Его кладутъ въ мѣшки и потомъ развозятъ съ караванами по всѣмъ азіатскимъ степямъ.

Для кочующихъ монголовъ-буддистовъ Тибетъ играетъ роль Рима для католиковъ. Для нихъ это обѣтованная земля, центръ и предѣлъ вселенной; они думаютъ даже, что за Тибетомъ тянется только безбрежный океанъ. Страшная вышина тибетскихъ горъ дѣлала всегда эту страну неприступной крѣпостью въ глазахъ степныхъ номадовъ. И до сихъ поръ въ Тибетѣ встрѣчается очень мало иностранцевъ. Туда переселяются, главнымъ образомъ, индійцы изъ Бутана, мусульмане изъ Кашмира, торгующіе предметами роскоши, и больше всего китайцы, такъ какъ Тибетъ находится въ вассальной зависимости отъ Китая и китайскій намѣстникъ со своимъ штатомъ постоянно живетъ тамъ.

Окруженный естественными границами, Тибетъ развивался самостоятельно, внѣ всякаго чужеземнаго вліянія. Промышленность тибетская, хотя и довольно несложная, достигла все-таки значительнаго процвѣтанія. Такакое искусство тамъ чрезвычайно распространено. Въ небольшихъ селеніяхъ можно, проѣзжая, видѣть цѣлыя семьи, занятія тканьемъ толстыхъ, но узкихъ, шерстяныхъ тканей. Восточные тибетцы, до сихъ поръ еще не перешедшіе къ осѣдлому быту, тоже умѣютъ ткать, но для пряжи нитокъ они всегда употребляютъ верблюжій волосъ. Одна изъ тибетскихъ долинъ—долина Янъ-Сикіанга прославилась своими двухцвѣтными сукнами, теплыми, легкими и прочными, какъ всѣ тибетскія ткани. Кромѣ того, мужчины ткуть тамъ красную матерію, называемую пулу, тоже очень прочную, но узкую, идущую спеціально на облаченіе ламъ. Наконецъ, они ткуть изъ овечьей шерсти великолѣпныя тибетскія шали.

Золотомъ Тибетъ очень богатъ; оно часто встрѣчается въ рѣчномъ пескѣ и добываютъ его самымъ простымъ способомъ, почти безъ всякихъ приспособленій. Самое чистое золото продается обыкновенно въ монастыри и оттуда уже идетъ дальше. Но удивительно, что всѣ издѣлія изъ металловъ, изъ золота, серебра, желѣза и пр., дѣлаются обыкновенно не туземными, а пришлыми мастерами.

Изъ естественныхъ богатствъ Тибета слѣдуетъ еще упомянуть киноварь и буру, которой пользуются для сплавовъ золота и серебра.

Тибетскіе мастера обладаютъ еще однимъ искусствомъ, чуждымъ большинству нецивилизованныхъ народовъ: они умѣютъ дѣлать бумагу, хотя и очень первобытнымъ способомъ. Для этого они толкутъ, растираютъ и разводятъ древесную кору, такъ что изъ нея получается бѣловатая масса. Въ эту массу погружается плетенье изъ прутьевъ въ формѣ доски и тихонько вынимается оттуда. На воздухѣ тонкій слой массы, прилипшей къ нему, высыхаетъ, и листъ бумаги готовъ.

Такимъ же простымъ способомъ каждая тибетская семья приготовляетъ для себя порохъ изъ угля, селитры и сѣры.

Гончарное искусство тоже извѣстно тибетцамъ, но деревянная посуда, ведущая свое начало отъ самой глубокой древности, и до сихъ поръ еще конкурируетъ съ глиняной. Деревянные сосуды, изящнаго фасона, покрытые лакомъ, цѣнятся тамъ очень высоко; по мѣстному повѣрью, они имѣютъ свойство уничтожать дѣйствіе яда.

Наконецъ, довольно замѣтный предметъ вывоза изъ Тибета, преимущественно въ Китай, составляютъ ароматическія палки, цѣнящіяся тоже очень высоко.

Въ общемъ тибетская промышленность все же мало развита и, главное, совершенно не спеціализирована; каждый туземецъ производитъ все. Земледѣліе стоитъ тоже на невысокой степени развитія; культивируется тамъ почти исключительно пшеница, рисъ и ячмень, изъ котораго выдѣлываютъ кисловатый напитокъ. Населеніе, исключая духо-

венства, крайне бѣдно; мясо составляетъ для него предметъ роскоши, хотя оно пасетъ стада быковъ и барановъ.

Вывозная торговля Тибета питается, главнымъ образомъ, сырыми продуктами. Производится она также посредствомъ каравановъ яковъ, сопровождаемыхъ всадниками; на пути караваны эти кормятся насильственными поборами съ жителей. Съ Китаемъ Тибетъ ведетъ довольно оживленную торговлю лаписъ-лазурью, рогами сернь и ревенемъ. Къ этимъ свѣтскимъ предметамъ торговли надо прибавить еще разныя священные предметы, реликвіи и предметы культа. Этотъ послѣдній видъ торговли особенно выгоденъ. Караваны татаръ-пилигримовъ, притекающіе со всѣхъ сторонъ въ Тибетъ съ благочестивымъ рвеніемъ отдаютъ слитки золота и серебра за лоскутки отъ одежды Далай-Ламы или за кусочки бумаги, содержащія священные изреченія.

Надо, впрочемъ, въ одномъ отношеніи отдать справедливость духовному правительству Тибета—оно ни въ чемъ не стѣсняетъ торговлю и иностранцевъ. Всякій можетъ свободно вступать въ страну и торговать чѣмъ угодно, или заниматься какимъ угодно промысломъ. Сами тибетцы вообще склонны къ торговлѣ, базары у нихъ часты и многлюдны; торговля совершается почти исключительно путемъ прямого обмѣна.

Тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія промышленности и торговли Тибетъ далеко оставилъ за собой обширныя степи, по которымъ кочуютъ разныя монгольскія племена.

III. Торговля на Малайскомъ архипелагѣ.

Малайскій архипелагъ и полуостровъ Малакка были первоначально населены племенемъ чернокожихъ; весьма вѣроятно, что эта малайская раса ни откуда не переселилась, а возникла именно тамъ. Доказательствомъ этого служатъ встрѣчающіяся тамъ антропоморфныя обезьяны. Кроме того, въ недавнее время на островѣ Явѣ найденъ былъ скелетъ питекантропуса, заполняющаго въ анатомическомъ отношеніи пробѣлъ между обезьяною и человекомъ. Но эта первобытная чернокожая раса, отъ которой, вѣроятно, произошли австралійцы и папуасы, въ послѣдующее время не разъ смѣшивалась съ разными другими народами. Самое сильное вліяніе на нее оказали монгольскія и родственныя имъ племена; быть можетъ, въ числѣ этихъ послѣднихъ слѣдуетъ считать и полинезійцевъ, что объяснило бы сродство малайскаго и полинезійскаго языка.

Происхожденіе современныхъ малайцевъ трудно опредѣлить съ точностью, но характерныя черты метисовъ видны въ нихъ съ перваго взгляда.

Болѣе чистыя племена малайской расы живутъ преимущественно на берегу моря; занимаются они торговлей и морскимъ разбоемъ, два

рода занятій, которыя въ началѣ были почти повсемѣстно слиты. Уровень культуры на разныхъ берегахъ далеко не одинаковъ. Тамъ, гдѣ завоеватели не внесли еще своихъ порядковъ, особенно тамъ, гдѣ саговая пальма доставляетъ пищу почти безъ всякаго труда, туземцы живутъ настоящими помѣщиками, предоставляя всю необходимую работу рабамъ-папуасамъ. Чтобы выплачивать тидорскому султану небольшую дань райскими птицами, черепахами и саго, они ловятъ въ морѣ трепанговъ и ведутъ небольшую торговлю.

Батаки на Суматрѣ гораздо выше по развитію, несмотря на господствующій среди нихъ каннибализмъ. Живя на берегу, они ведутъ оживленную торговлю съ иноземными купцами, вымѣнивая у нихъ на ладанъ и камфору желѣзо и соль; и то, и другое они перепродаютъ потомъ туземцамъ, живущимъ далеко отъ берега; въ глубинѣ острова устраиваются періодическіе базары, на которые жители являются съ зелеными вѣтвями, въ знакъ мира. Общепринятаго денежнаго знака Батаки не имѣютъ, но часто они употребляютъ въ качествѣ мѣновой единицы лепешки изъ ладона и мотки проволоки.

Въ прошедшемъ столѣтіи у малайцевъ была такая же страсть къ желѣзу, какъ у полинезійцевъ. За желѣзо они готовы были отдать все и, получивъ его, выказывали бурную радость. Они дѣлали изъ него разные орудія и оружіе. Это относится, конечно, къ наименѣ цивилизованнымъ малайцамъ; тѣ изъ нихъ которые испытали вліяніе китайцевъ, индусовъ и арабовъ, обладаютъ уже нѣсколько болѣе развитой промышленностью; они умѣютъ вырѣзывать на деревѣ и слоновой кости, дѣлаютъ очень изящныя ручки для своихъ кинжаловъ. Наконецъ, они ткутъ тонкія матеріи, положимъ, на очень грубыхъ станкахъ, но употребляютъ все же нѣчто вродѣ челнока.

Малайцы на Суматрѣ умѣютъ, также какъ и китайцы, изготовлять порохъ домашнимъ способомъ. Вообще они сохранили въ своей промышленности вполнѣ первобытные приемы. Такъ, для своихъ работъ изъ золота они плавятъ его въ простыхъ глиняныхъ горшкахъ, для варки рису. Чтобы огонь, разложенный подъ горшкомъ, горѣлъ сильнѣе, они сами дуютъ на него; иногда, когда надо расплавить довольно большой кусокъ металла, вокругъ горшка становится нѣсколько человекъ и изо всѣхъ силъ дуютъ на огонь. Иногда, впрочемъ они употребляютъ и искусственныя поддувала изъ перьевъ, махая которыми они производятъ довольно значительный вѣтеръ. Сплавляя золото съ оловомъ, малайцы получаютъ родъ золотой бронзы, идущей на выдѣлку разныхъ украшеній, пуговицъ, клинковъ кинжаловъ и т. п.

Малакка и Малайскій архипелагъ очень богаты золотомъ; добывать его не трудно, такъ какъ оно обыкновенно находится въ чистомъ видѣ въ рѣчномъ пескѣ. Добывъ его оттуда, малайцы спѣшатъ обыкновенно принести его на морской берегъ и тамъ вымѣнять европейцамъ на опиумъ и на разные товары изъ Бенгала и Мадраса. По примѣру ки-

тайцевъ они пользуются также золотомъ, какъ монетной единицей, взвѣшивая его на небольшихъ вѣсахъ съ помощью зеренъ риса. Впрочемъ, вслѣдствіе оживленной торговли съ иностранцами къ малайцамъ стали проникать и настоящія деньги—китайскія и испанскія. Самостоятельно туземцы не чеканятъ монетъ; только одинъ король Атчикъ въ прошломъ вѣкѣ велѣлъ вычеканить изъ олова, чаще всѣхъ металловъ встрѣчающагося на Малайскихъ островахъ, монеты вѣсомъ по фунту и стоимостью въ три су, и, кромѣ того, маленькія монетки изъ золота и мѣди, но эти монеты были простымъ подражаніемъ иностраннымъ деньгамъ; на нихъ воспроизводились даже иностранныя надписи. На многихъ островахъ и до сихъ поръ употребленіе монеты совершенно неизвѣстно.

Въ сущности говоря, и торговля, и промышленность, и земледѣліе развились у малайцевъ, только благодаря вліянію Китая. Въ Батавіи, напримѣръ, всѣ мастерскія въ прошломъ вѣкѣ находились въ завѣдываніи китайцевъ. Развитію культуры нѣкоторыхъ растений, напримѣръ, перца и кофе, способствовали, главнымъ образомъ, голландцы и англичане. Чтобы ввести тамъ культуру этихъ растений, неизвѣстныхъ ранѣе малайцамъ, европейцы вступали въ соглашеніе съ начальниками отдѣльныхъ племенъ. Согласно условію, заключенному англійской Индостанской компаніей съ этими начальниками, каждое малайское семейство на Суматрѣ обязывалось развести у себя перечную плантацію не менѣе 1,000 кв. футовъ, а каждый одинокій малаецъ — плантацію не менѣе 500 футовъ. Плату за это они получали крайне ничтожную, каждое семейство могло заработать на перцѣ не болѣе восьми піастровъ въ годъ. Тотъ же самый приѣмъ употребили голландцы на Целебесѣ для развитія кофейныхъ плантацій, и результатъ въ обоихъ случаяхъ получился одинаково удачный. Совершенно инымъ путемъ развилась склонность къ торговлѣ и промышленности у монгольскихъ племенъ Индо-Китая.

IV. Торговля въ Индо-Китаѣ.

Говоря о торговлѣ въ Индо-Китаѣ, нѣтъ надобности вдаваться въ большія подробности, такъ какъ всѣ маленькія индо-китайскія государства представляютъ собой точную копію великой Китайской имперіи, имѣющей надъ всѣми ими верховную власть. Впрочемъ, въ Бирманѣ индійская цивилизація вела упорную борьбу съ китайской и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одержала побѣду; тамъ введены въ качестве законодательства законы Ману; религіознымъ языкомъ считается языкъ пали и въ письмѣ приняты санскритскій алфавитъ.

Но единственнымъ типомъ политической организаціи во всѣхъ индо-китайскихъ государствахъ остается строго абсолютная, такъ называемая, азіатская, монархія. Произволъ государя замѣняетъ тамъ законъ

и по временамъ сильно тормазитъ развитіе промышленности и торговли. Въ Бирманѣ капитаны судовъ обязаны дѣлать прежде всего подарки королю и крупнымъ вельможамъ, а также и болѣе мелкимъ чиновникамъ. Кромѣ того, на всѣ товары наложена пошлина въ размѣрѣ 12% ихъ стоимости, 10% изъ этого идетъ государю и 2% чиновникамъ.

Въ Сіамѣ самъ король является главнымъ коммерсантомъ; онъ имѣетъ монополію почти на всѣ товары. Частные люди обязаны продавать ему сахаръ, перецъ, ладанъ и многое другое, и онъ уже самъ объявляетъ цѣны на эти товары. На остальные товары наложены тяжелыя пошлины. Таможенные чиновники слѣдятъ за всѣми прибывающими кораблями и такъ какъ государство забываетъ обыкновенно оплачивать своихъ служащихъ, то они стараются выручить себѣ содержаніе съ товаровъ, за которыми они обязаны слѣдить. Только корабли болѣе или менѣе знатныхъ особъ избавляются ими отъ всякаго досмотра.

Въ Индо-Китаѣ, какъ и въ Небесной имперіи, земледѣліе очень развито, особенно процвѣтаетъ тамъ обработка риса и садовая, и огородная культура; система искусственнаго орошенія принята тамъ почти повсемѣстно и даетъ блестящіе результаты.

Промышленность Индо-Китая тоже сильно напоминаетъ китайскую; она очень проста по своимъ приѣмамъ, но требуетъ величайшаго терпѣнія въ исполненіи.

Въ Аннамѣ желѣзо цѣнится очень дешево, но готовить изъ него сталь почти не умѣютъ. Въ Сіамѣ, несмотря на почти полное отсутствіе самыхъ необходимыхъ орудій, ремесленники дѣлаютъ положительныя чудеса. Напримѣръ, имѣя въ своемъ распоряженіи только небольшую плавильную печь и мѣха, они выливаютъ мѣдныя статуи въ 50 футовъ вышины. Для этого всѣ рабочіе собираются вокругъ формы и плавятъ мѣдь каждый въ отдѣльномъ небольшомъ тигелѣ; когда она расплавится они выливаютъ одинъ тигель за другимъ въ общую форму.

И олово, и благородные металлы, и драгоценныя камни находятся въ большомъ изобиліи въ Индо-Китаѣ. Въ Сіамѣ король объявилъ себя собственникомъ всѣхъ самыхъ богатыхъ мѣсторожденій сапфира, рубина, граната, топаза и гіацинта; изъ нихъ малайскіе мастера дѣлаютъ разныя украшенія для его дворца. Такое богатство драгоценныхъ камней развило у сіамцевъ положительную страсть къ нимъ; всѣ, кромѣ рабовъ, носятъ драгоценныя украшенія, и иногда дѣти обвѣшаны разными золотыми вещами больше фунта вѣса.

Въ Сіамѣ, да и въ остальныхъ индо-китайскихъ государствахъ, внѣшняя торговля слабо развита и находится всецѣло въ рукахъ иностранцевъ: англичанъ, французовъ, арабовъ и, главное, китайцевъ. Сіамскіе законы запрещаютъ туземцамъ выѣзжать за предѣлы своего государства безъ разрѣшенія правительства. Внутренняя торговля, на-

оборотъ, очень оживлена. Всѣ рѣки и каналы въ Сіамѣ постоянно устьяны судами, везущими разные товары въ столицу и изъ нея.

При обмѣнѣ употребляются разные туземныя мѣры: локоть, палецъ, бамбукъ, равняющійся семи локтямъ, и т. п.

Денежные знаки носятъ такой же первобытный характеръ. До сихъ поръ еще въ Сіамѣ самой распространенной монетной единицей служатъ раковины *каури*; 1.200 такихъ раковинъ стоятъ на европейскія деньги семь съ половиной су. Впрочемъ, есть тамъ и серебряная монета, въ видѣ небольшого шарика.

Въ Бирманѣ употребляютъ въ качествѣ денежнаго знака слитки олова, которые надо всякій разъ взвѣшивать, какъ въ Китаѣ взвѣшиваютъ золото и серебро. Вдали отъ городовъ торговля ведется обыкновенно путемъ непосредственнаго обмѣна.

Всѣ тѣ же обычаи мы найдемъ и въ Китаѣ. Также какъ и въ Индо-Китаѣ, кредиторъ имѣетъ право тамъ захватить за долгъ жену и дѣтей неисправнаго должника, и ихъ работа замѣняетъ проценты на ссуженную сумму.

V. Фазисы въ развитіи торговли и промышленности у народовъ, окружающихъ Китай.

Краткій очеркъ исторіи торговли и промышленности у кочующихъ монголовъ, малайцевъ и индо-китайцевъ показываетъ въ общихъ чертахъ, какимъ путемъ развивалась торговля у монголовъ вообще. Можно было бы проникнуть еще глубже въ эту исторію, перейдя отъ сѣверныхъ монголовъ къ эскимосамъ полярныхъ странъ, о которыхъ упоминалось въ началѣ этого сочиненія; по типу эскимосы очень близко подходятъ къ желтой расѣ.

Кочующіе монголы заняли бы тогда вторую ступень на лѣстницѣ социальнаго развитія, такъ какъ они достигли уже нѣкотораго прогресса промышленности; конечно, она стоитъ у нихъ еще очень не высоко, но все же значительно выше промышленности эскимосовъ. Она имѣетъ даже нѣкоторыя характерныя черты, свойственныя, повидимому, только монголамъ; такъ, напримѣръ, они умѣютъ выдѣлывать войлокъ, т. е. обрабатывать тѣ звѣриныя шкуры, которыя эскимосы употребляютъ и для одежды, и для жилищъ, только въ необработанномъ видѣ. Ткать они еще не умѣютъ и получаютъ матеріи только путемъ обмѣна отъ другихъ народовъ. Они умѣютъ также самыми простѣйшими способами плавить желѣзную руду, но кузнечное ремесло у нихъ еще въ зачаточномъ состояніи.

Житель степей кормится, главнымъ образомъ, отъ своего скота и поэтому онъ волей-неволей принужденъ вести кочевой образъ жизни, хотя подчасъ онъ и занимается немного земледѣліемъ. Потребности его очень ограничены и средства удовлетворенія ихъ совершенно оди-

наковы у разныхъ ордъ, а это, конечно, не способствуетъ развитію внутренней торговли. Предметами обмѣна являются исключительно сгущенное молоко, войлокъ, шкуры и скоть.

Мало-по-малу купцы пограничныхъ, болѣе цивилизованныхъ странъ, Китая, Россіи, Хивы и Бухары, стали возбуждать у этихъ кочующихъ племенъ разные новые вкусы и потребности, предлагая нѣкоторые неизвѣстные имъ раньше предметы—табакъ, чай, матеріи и т. п. Чтобы получить ихъ кочевники стали продавать мѣха, скоть, золото. Кромѣ того, они понемногу открыли еще нѣкоторые способы обогащенія—они стали наниматься проводниками каравановъ, а иногда предпочитали грабить ихъ. Болѣе значительнаго прогресса кочевая жизнь не допускаетъ и поэтому монголы достигли нѣкотораго развитія промышленности и торговли, только въ долинахъ Тибета, превратившись въ осѣдлый, земледѣльческій народъ. Тамъ промышленность, особенно ткацкое искусство, сильно двинулось впередъ, не теряя своего семейнаго характера.

У малайцевъ, представляющихъ собою смѣсь первобытныхъ монголовъ съ другими расами, промышленность развилась еще значительно больше, обратилась на производство предметовъ роскоши и породила склонность къ торговлѣ. Нельзя не сознаться, впрочемъ, что такими успѣхами промышленность обязана, главнымъ образомъ, вліянію иностранцевъ, во-первыхъ—китайцевъ, а во-вторыхъ—европейцевъ.

Индо-Китай, послѣ завоеванія китайцами и введенія китайскихъ законовъ, превратился въ точную копію Небесной имперіи. Тамъ также распространена садовая культура и также сильна страсть къ торговлѣ. Но государи захватили тамъ въ свои руки всю вышнюю торговлю, предоставивъ населенію только право внутренняго обмѣна. Благодаря этому, промышленность сохранила тамъ и до сихъ поръ первобытный семейный характеръ. Если она достигла, тѣмъ не менѣе, значительнаго совершенства, то причины этого надо искать не въ изобрѣтеніи какихъ-нибудь механическихъ приспособленій, облегчающихъ трудъ, а исключительно въ искусствѣ, ловкости и терпѣннѣ работника. Тамъ работникъ заинтересованъ самъ въ своей работѣ, и хотя она идетъ у него крайне медленно, но зато онъ вноситъ въ нее нѣчто свое и иногда дѣлаетъ положительныя чудеса, несмотря на тѣ примитивныя приемы, какими онъ принужденъ пользоваться. Однимъ словомъ, промышленность тамъ представляетъ діаметральную противоположность нашей крупной промышленности, гдѣ рабочій оказывается только слугою машины. Полнаго расцвѣта такой видъ промышленности достигаетъ въ Китаѣ и тамъ съ особой яркостью выступаютъ и дурныя, и хорошія стороны его.

Глава X.

Торговля въ Китаѣ и въ Японіи.

А. Торговля въ Китаѣ. I. Земледѣліе.—Практическая жила китайцевъ.—Мелкая культура.—Орошеніе и удобреніе.—Безполезность многопольнаго хозяйства.—II. Промышленность.—Семейное начало.—Мелкая промышленность.—Бумага, шелкъ, фарфоръ.—Развитіе книгопечатанія.—Положеніе рабочаго класса.—Гильдіи.—Заработная плата.—Дешевизна жизни.—Стачки.—III. Торговля.—Беззащитность.—Изумительная внутренняя торговля.—Мифы и теоріи китайскихъ философовъ относительно торговли.—Земледѣліе и промышленность, руководимыя правительствомъ.—Продажа дѣтей и дѣвушекъ.—Передвиженіе товаровъ по рѣкамъ и каналамъ.—Мореплаваніе.—Ограниченіе внѣшней торговли.—Торговая политика.—Разработка копей.—Золото и чиновничья добродѣтель.—IV. Деньги.—Раковины въ качествѣ денежныхъ знаковъ и металлическія деньги.—Первобытныя формы торговли.—Урегулированіе дѣлъ на мѣдъ.—Слитки золота и серебра.—Правительственная монополія на драгоценныя металлы.—Искусственное установленіе курса на нихъ.—Фальшивые денежные знаки.—V. Кредитъ.—Земельный доходъ.—Простота ссудъ подъ землю.—Кассы ссудъ.—Ссуды подъ залогъ.—Установленные закономъ проценты.—Доказательство законности высокихъ процентовъ одного китайскаго экономиста.—VI. Торговое законодательство.—Политика общаго блага.—Запрещенія.—Ограниченіе конкуренціи и вывоза.—Таможенныя пошлины.—В. Торговля въ Японіи.—I. Большое сходство съ Китаемъ.—Преобладаніе земледѣлія.—Хлѣбныя растенія и иноземныя культуры.—Феодальная система.—Семейная форма промышленности.—Шелководство и бумага.—Бронза и лакъ.—Металлургія и добываніе благородныхъ металловъ.—Металлическая монета.—Общественные классы.—Свобода внутренней торговли.—Ограниченіе внѣшней торговли.—Промышленность.

А. Торговля въ Китаѣ.

I. Земледѣліе.

Во многихъ отношеніяхъ древняя «Срединная Имперія» представляетъ обширное поле для критики, и съ давнихъ поръ она даетъ европейцамъ пищу для всевозможныхъ остротъ и насмѣшекъ. Она слишкомъ рѣзко отличается отъ нашего міра. Когда много тысячелѣтій тому назадъ «сто семействъ съ черными волосами» принялись за возведеніе социальнаго зданія Китая, они были, повидимому, свободны отъ какихъ бы то ни было вліяній, постороннихъ ихъ расѣ. Всѣ социальныя потребности, сродныя въ общемъ всѣмъ обитателямъ земного шара, проявлялись у нихъ въ формахъ, свойственныхъ имъ однимъ, и мало-по-малу у нихъ выработались нравы и обычаи совершенно особые, не похожіе на наши, и поэтому одному чрезвычайно интересные для социолога. Китайцы вообще очень практичны, не любятъ предаваться отвлеченнымъ построеніямъ, ихъ умственное зрѣніе отличается близорукой точностью. «По свойствамъ своего ума,—пишетъ одинъ внимательный наблюдатель,—они склонны къ упрощеніямъ. Науки только затруднили бы ихъ, и съ ихъ помощью они, быть можетъ, достигли бы

меньшихъ результатовъ. Наблюдательность и настойчивость помогаютъ имъ совершать чудеса: время и терпѣніе—вотъ главные рычаги ихъ дѣятельности».

Приемы китайскаго искусства и ремесла всегда просты и практичны. Они сохранили все, что возможно, изъ своихъ первобытныхъ обычаевъ и поэтому техника ихъ чрезвычайно своеобразна. Въ отношеніи къ земледѣлію упорство и настойчивость китайцевъ, ихъ осторожныя и порой остроумныя изобрѣтенія дали поистинѣ блестящіе результаты. Здѣсь мы не встрѣтимъ экстенсивной культуры дикарей, но исключительно мелкую интенсивную культуру, которую скорѣе можно назвать огороднической, чѣмъ полевой. Крупная собственность неизвѣстна въ Китаѣ; вся земля тамъ раздѣлена на мелкіе участки и почти неотчуждаема. И законъ, и нравственность считаютъ обработку земли священнымъ долгомъ каждаго. Всякое селеніе составляетъ маленькую земельную общину, внутри которой господствуетъ полиѣйная солидарность и добровольная взаимопомощь; оставить необработаннымъ кусокъ земли считается тамъ преступленіемъ. Члены каждой семьи съ любовью воздѣлываютъ свой участокъ. Всякое растеніе пользуется особымъ уходомъ. Земледѣлецъ посвящаетъ своему участку все свое время, весь свой трудъ и все вниманіе; зато онъ достигаетъ изумительныхъ результатовъ. Видъ китайскихъ полей приводитъ въ восхищеніе всякаго путешественника.

Каждый участокъ походитъ на прекрасно содержимый садъ: на немъ не увидишь ни кустика сорной травы. Всѣ наши европейскія растенія воздѣлываются въ Китаѣ, особенно же хлѣбныя. На сырыхъ мѣстахъ сѣется преимущественно рисъ, на сухихъ—пшеница. На сѣверѣ сѣютъ, главнымъ образомъ, рожь и ячмень. Съ сухостью почвы они борются при помощи повсемѣстнаго искусственнаго орошенія. Устраивается оно чрезвычайно просто—бамбуковыя трубочки проводятъ воду изъ изсякающихъ горныхъ источниковъ по всѣмъ окрестнымъ полямъ.

Удобреніе примѣняется тамъ также въ обширныхъ размѣрахъ, и поэтому поля, не отдыхающія, быть можетъ, болѣе 35 столѣтій, продолжаютъ щедро вознаграждать упорный трудъ земледѣльца.

Земледѣліе составляетъ почти исключительное занятіе китайцевъ; вся ихъ страна представляетъ собой распаханную ниву. Если бы не горы и болота, въ Китаѣ не осталось бы совсѣмъ лѣсовъ и дичи—всякій удобный участокъ обработанъ. Стада есть только въ Монголіи, откуда доставляютъ въ Пекинъ быковъ и барановъ. Рѣки и моря доставляютъ почти единственную мясную пищу низшимъ классамъ населенія.

II. Промышленность.

Характерныя особенности китайскаго земледѣлія оказываютъ, конечно, вліяніе и на промышленность. Интенсивная форма культуры

требуетъ большого количества рабочихъ рукъ и удерживаетъ ихъ вдали отъ городскихъ центровъ. Съ другой стороны, отсутствіе пастбищъ и скота дѣлаетъ невозможнымъ обработку шерсти. Ея замѣняетъ хлопокъ и шелкъ. Наконецъ, недостатокъ дѣсовъ заставляетъ искать иныхъ видовъ топлива.

Китайское правительство, желающее сохранить свой патріархальный характеръ, очень строго слѣдитъ за промышленностью и запрещаетъ тѣ отрасли ея, которыя считаетъ вредными для населенія. Такъ, напримѣръ, выдѣлка виноградныхъ винъ, существовавшая тамъ одно время, потомъ была запрещена. Администрація опредѣляетъ даже, какая именно часть зерна можетъ быть употреблена на выдѣлку спиртныхъ напитковъ. А въ неурожайные года производство пива, спирта и рисовой водки совершенно воспрещается.

Кромѣ того, и разрѣшенные отрасли промышленности находятся подъ бдительнымъ надзоромъ правительства. Законъ устанавливаетъ образцы для всякихъ ремеслъ, и ремесленники обязаны точно слѣдовать этимъ образцамъ. Всѣ виды промышленности, существующіе въ Китаѣ, ведутъ свое происхожденіе изъ глубокой древности, и всѣ приемы ихъ отличаются крайней первобытностью. Искусство, терпѣніе и многочисленность рабочихъ выкупаютъ несовершенство орудій. Въ Китаѣ до сихъ поръ господствуетъ мелкая форма промышленности. Самыя крупныя китайскія мануфактуры имѣютъ не больше 50 — 60 тысячъ франковъ оборотнаго капитала. Но раздѣленіе труда достигло тамъ несравненно большей степени чѣмъ, у насъ. Какая-нибудь фарфоровая ваза проходитъ сплошь и рядомъ черезъ руки семидесяти мастеровъ. Одинъ рисуетъ на ней только цвѣтокъ, другой—птицу, третій пишетъ только голубой краской, четвертый—только красной.

Шелководство извѣстно въ Китаѣ съ незапамятныхъ временъ. Оттуда уже оно перешло въ Персію, потомъ въ Грецію и Италію. Сначала сами китайскія императрицы слѣдили за тканьемъ шелковыхъ матерій, употреблявшихся исключительно для религіозныхъ церемоній. Въ настоящее время высшіе классы одѣваются почти исключительно въ шелковыя ткани, а простой народъ употребляетъ бумажныя.

Изъ другихъ видовъ промышленности, тоже съ давнихъ поръ процвѣтающихъ въ Китаѣ, надо упомянуть выдѣлку стекла и бумаги, приготовляемой изъ разныхъ видовъ древесной коры. Книгопечатаніе было извѣстно тамъ еще въ 593 г. до Р. X.

Ремесленники въ Китаѣ составляютъ особый классъ, занимающій шестое мѣсто въ ряду остальныхъ общественныхъ классовъ. Всѣхъ классовъ въ Китаѣ считается семь: мандарины, военные, ученые, бонзы, земледѣльцы, ремесленники и купцы. Ремесленники образуютъ между собой союзы или цехи. Но эти цехи находятся въ полной зависимости отъ государства, которое обставляетъ ихъ дѣятельность самыми мелочными законами. Такъ, напримѣръ, приморскіе рыбаки не могутъ

употреблять для соленія рыбы больше опредѣленнаго закономъ количества соли; не могутъ проводить въ морѣ больше установленнаго количества дней. Лодки ихъ должны имѣть опредѣленные размѣры и форму.

Заработокъ китайскихъ рабочихъ чрезвычайно низокъ. Носильщикъ, напримѣръ, получаетъ на наши деньги не болѣе одного су за лье; такимъ образомъ, его максимальный заработокъ не превышаетъ десяти су въ день, а если принять во вниманіе праздники, то онъ едва достигаетъ шести су въ день. Конечно, нельзя забывать, что рядомъ съ этимъ и содержаніе тамъ обходится очень дешево. Такъ, чашка варенаго рису стоитъ тамъ три сантима, чашка чая—одинъ сантимъ, чашка рисовой водки—десять сантимовъ. Прибавимъ къ этому, что инструменты составляютъ всегда въ Китаѣ собственность рабочаго. Кромѣ того, цехи всегда очень заботливо относятся къ своимъ членамъ. Стачки рабочихъ составляютъ и въ Китаѣ довольно обычное явленіе и отличаются тамъ обыкновенно большою продолжительностью и стойкостью, Китайскій рабочій проявляетъ и здѣсь свое упорство и настойчивость, онъ не отступаетъ отъ своихъ требованій буквально до послѣдней капли крови.

Это упорство и терпѣливая настойчивость дѣлаютъ китайскаго рабочаго опаснымъ конкурентомъ для всѣхъ иностранныхъ рабочихъ. Ловкій, терпѣливый и неутомимый, онъ идетъ къ своей цѣли, не отступая ни передъ чѣмъ и не смущаясь въ то же время никакими требованіями нравственности.

III. Торговля.

Тѣ же самыя достоинства и недостатки проявляютъ китайцы и въ торговлѣ, которою они занимаются со страстью и съ такой абсолютной беззащитчивостью, которая часто поражала иностранцевъ. «Нѣтъ такого безнравственнаго и отвратительнаго поступка,—пишетъ капитанъ Кукъ,—котораго китаецъ не совершилъ бы во имя наживы». Страсть къ наживѣ никогда не умолкаетъ въ нихъ. Во время пожара являются покупщики, торгующіе землю подъ горящими строеніями. Солдаты, жившіе долгое время въ Ласъѣ, безъ малѣйшаго колебанія побросали тамъ своихъ женъ и дѣтей, когда имъ пришлось возвращаться на родину. «Надо имѣть заплесневѣлые мозги,—говорили они,—чтобы тащить въ Небесную Имперію женщинъ съ большими ногами и маленькихъ варваровъ; увозить нужно деньги и товары».

Всѣ города по всей имперіи наполнены суетливой, озабоченной толпой, занятой постоянной погоней за наживой въ той или другой формѣ. Торгъ и обмѣнъ, основанный, главнымъ образомъ, на взаимномъ обманѣ, производится во всякое время и на всякомъ мѣстѣ.

Торговля тамъ главнымъ образомъ внутренняя. Изъ одной провинціи въ другую товары перевозятся по водѣ или переносятся на спи-

нахъ носильщиковъ, что тоже обходится крайне дешево. Кромѣ того, въ каждомъ городкѣ всякая семья, накопившая нѣсколько франковъ, стремится открыть маленькую лавченку. Разносчики со всевозможными товарами бѣгаютъ по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ, такъ какъ женщины не имѣютъ права входить въ лавки.

Не смотря на такое громадное развитіе торговли, она не пользуется въ Китаѣ уваженіемъ; и философы, и простой народъ ставятъ купцовъ на послѣднюю ступень общественной лѣстницы.

Внѣшняя торговля, по мнѣнію китайскихъ экономистовъ, полезна только тогда, когда вывозятся предметы роскоши и ввозятся предметы первой необходимости. Поэтому выгодной считается только торговля съ русскими и татарами, при которой китайцы получаютъ необходимые имъ мѣха.

Роскошь вообще преслѣдуется китайскимъ правительствомъ. «Торговля разными украшениями, лакомствами и диковинами, совершается ли она путемъ продажи или обмѣна, предполагаетъ роскошь. А роскошь, есть ничто иное, какъ избытокъ ненужнаго у нѣкоторыхъ гражданъ и предполагаетъ недостатокъ необходимаго у многихъ другихъ. Чѣмъ больше лошадей запрягаютъ богачи въ свои экипажи, тѣмъ больше людей ходятъ пѣшкомъ. Самое лучшее, что могутъ дѣлать люди, это доставлять всѣмъ предметы необходимости и нѣкоторымъ предметы удобства».

Поэтому всѣ виды промышленности, направленные на произведеніе предметовъ роскоши, не поддерживаются китайскимъ правительствомъ. Такъ, разработка золотыхъ и серебряныхъ рудъ часто даже воспрещается имъ. Въ XV вѣкѣ императоръ Чингъ-Тсу запретилъ одному частному предпринимателю добывать драгоценные камни, говоря: «безполезныя работы вызываютъ безплодіе. Изъ драгоценныхъ камней не получишь зерна».

Въ Китаѣ, какъ и во многихъ другихъ странахъ, золото добывалось прежде всего изъ рѣчного песка, и было извѣстно китайцамъ еще въ очень отдаленную эпоху; но въ то время на него смотрѣли съ презрѣніемъ и мало обращали вниманія. Теперь времена сильно измѣнились и, хотя правительство стоитъ на прежней точкѣ зрѣнія и покровительствуетъ добыванію желѣза, мѣди и слова несравненно болѣе, чѣмъ обработкѣ благородныхъ металловъ, но, тѣмъ не менѣе, страсть къ золоту все растетъ среди населенія.

И въ другихъ отношеніяхъ китайское правительство далеко не всегда исполняетъ свое назначеніе — руководить направленіемъ промышленной дѣятельности страны. Такъ, на примѣръ, въ Китаѣ и до сихъ поръ существуетъ одна отрасль торговли, чрезвычайно вредная и безнравственная, а именно торговля дѣтьми и дѣвушками. Китайскіе купцы скупаютъ у родителей ихъ дѣтей и перепродаютъ ихъ въ рабство, главнымъ образомъ, креоламъ, живущимъ на Филиппинскихъ

островахъ. Нѣкоторыхъ же дѣвушекъ они воспитываютъ, обучаютъ музыкѣ, пѣнію и потомъ перепродаютъ за высокую цѣну въ наложницы богатымъ вельможамъ. Еще въ прошломъ вѣкѣ этотъ видъ торговли пользовался большимъ распространеніемъ.

Изъ прочихъ отраслей торговли процвѣтаетъ особенно торговля колоніальными товарами. Правительство стремится уравновѣсить обеспеченность предметами первой необходимости всѣхъ провинцій. Поэтому оно всячески облегчаетъ доставку продуктовъ земледѣлія изъ тѣхъ провинцій, гдѣ оно процвѣтаетъ, въ менѣе плодородныя, и обратно, предметовъ обрабатывающей промышленности въ тѣ провинціи, гдѣ ремесла и мануфактуры менѣе распространены. Для этой цѣли правительство заботится объ устройствѣ удобныхъ путей сообщенія — проводить каналы тамъ, гдѣ нѣтъ судоходныхъ рѣкъ, и т. п. Рѣки и каналы служатъ и до сихъ поръ почти единственными путями сообщенія въ Китаѣ; по сухому пути, какъ уже было сказано выше, товары переносятся обыкновенно на спинахъ носильщиковъ. Съ незапамятныхъ временъ китайцы плавали по своимъ безчисленнымъ рѣкамъ, рѣчкамъ и каналамъ и въ то же время они почти не отваживались на морскія путешествія. Зондскій проливъ до вчерашняго дня былъ геркулесовыми столбами для китайскихъ мореплавателей. Они совершенно не умѣли ориентироваться въ морѣ и направлять по своему желанію корабли, не смотря на то, что *игла, указывающая югъ*, т. е. компасъ, уже давно извѣстна имъ. Впрочемъ, нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что Китай отрѣзалъ себя отъ остального міра только послѣ манджурскаго завоеванія, а до тѣхъ поръ его порты были открыты и арабамъ, и персамъ, и индійцамъ, а китайскіе корабли доѣзжали до Кохинхины и Бенгала.

IV. Деньги.

Сравнительно очень недавно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая процвѣтала еще торговля посредствомъ простого обмѣна, и даже самый первобытный ея видъ — заглазный обмѣнъ. Рядомъ съ этимъ въ другихъ провинціяхъ употреблялись въ качествѣ денежной единицы раковины, напоминающія африканскія *каурисы*. Въ настоящее время эти первобытныя формы торговли почти не встрѣчаются, такъ какъ правительствомъ введена и распространена повсемѣстно особая монета — *цзень*. Эта монета представляетъ собой мѣдный дискъ определенной величины и определенного вѣса съ пробитымъ по срединѣ квадратнымъ отверстіемъ. Отверстія служатъ для того, чтобы эти монеты можно было нанизывать на шнурокъ.

Чеканка монеты и разработка мѣдныхъ рудъ, предназначенныхъ для выдѣлки монетъ, составляютъ монополію правительства. Правительство очень слѣдитъ за тѣмъ, чтобы номинальная и реальная стоимость этихъ монетъ совпадали. Кромѣ того, оно заботится, чтобы цѣна на

мѣдъ не колебалась слишкомъ сильно; такъ какъ, въ случаѣ, если бы цѣна мѣди очень поднялась, оказалось бы выгоднымъ обращать деньги въ металлъ и продавать въ такомъ видѣ, а въ случаѣ, если бы она упала, появилось бы много фальшивыхъ денегъ. Продажа монеты въ качествѣ товара и плавление ея запрещены такъ же строго, какъ и поддѣлка. Кромѣ того государство слѣдитъ за тѣмъ, чтобы отношеніе между цѣной мѣдной монеты и серебра не измѣнялось. Поэтому, въ зависимости отъ колебаній курса оно производитъ свои расплаты то мѣдной монетой, то серебромъ. Всѣ въ этой китайской монетѣ всего семь граммовъ и стоитъ она на европейскія деньги полъ-сантима, такъ что для крупныхъ сдѣлокъ она чрезвычайно громоздка, для мелкихъ же очень удобна.

На одинъ *цзень* можно купить въ Китаѣ стручекъ перцу, одинъ орѣхъ, дюжину вареныхъ бобовъ, можно выпить чашку чаю, выкурить трубку табаку и т. п.; эта монета вполне отвѣчаетъ потребностямъ народа, у котораго богатство является чрезвычайной рѣдкостью.

Для крупныхъ сдѣлокъ въ Китаѣ употребляютъ другого рода денежные единицы—во-первыхъ, слитки благородныхъ металловъ, во-вторыхъ, бумажные деньги. Серебряные и золотые слитки не являются въ Китаѣ денежными единицами въ строгомъ смыслѣ слова, они обращаются какъ товары и только играютъ роль единицъ обмѣна. Эти слитки дѣлятся по мѣрѣ надобности на большія и меньшія части. Для этого ихъ расковываютъ въ длинныя полосы и, размягчивъ на огнѣ, рѣжутъ на разныя части по вѣсу. Наиболѣе распространены слитки серебра въ 37 граммъ вѣсу, называющіеся унціями. Теоретически ихъ можно раздроблять на сколько угодно частей, но практически не принято дѣлить ихъ больше, чѣмъ на пять. И золото, и серебро скупаются государственными банками, причемъ за унцію серебра платится отъ 17 до 18 тысячъ мѣдныхъ монетъ; золото и серебро должны быть абсолютно чисты, безъ малѣйшей примѣси другихъ металловъ. Такъ какъ благородные металлы могутъ обращаться просто въ качествѣ товаровъ, то и цѣна ихъ можетъ колебаться; правительство тщательно слѣдитъ за этими колебаніями и по возможности борется съ ними, выпуская изъ своихъ копей то большее то меньшее количество золота и серебра; такимъ образомъ, оно уравниваетъ количество металловъ, обращающихся на рынкѣ, и способствуетъ постоянству курса.

Но употребленіе серебра и золота при торговыхъ сдѣлкахъ тоже не вполне удобно, такъ какъ постоянно приходится прибѣгать къ вѣсамъ. Въ виду этого китайское правительство съ давнихъ поръ ввело въ обращеніе бумажные деньги. Еще Марко Поло встрѣчалъ въ Китаѣ такіе денежные знаки. Они представляютъ собой, по его словамъ, кусочки черной бумаги неодинаковой величины, на которыхъ написана ихъ цѣна и поставлена государственная печать. Они обращаются по

разъ установленному принудительному курсу и могутъ быть во всякое время обмѣнены на серебро, золото или мѣдь въ государственномъ банкѣ. Самая мелкая бумажная единица равняется приблизительно четыремъ сантимамъ, самая крупная—75 франкамъ.

Теперь, чтобы составить себѣ ясное представленіе о китайской торговлѣ, остается только разсмотрѣть существующія тамъ формы кредитныхъ операцій.

У. Кредитъ.

Самымъ распространеннымъ видомъ займовъ въ Китаѣ служатъ займы подъ залогъ земли. Мелкіе землевладѣльцы въ Китаѣ сплошь и рядомъ закладываютъ свои участки, потому что земля тамъ приносить не болѣе 9, 10% въ годъ. Залоги земли совершаются очень просто. Собственникъ оцѣниваетъ свой участокъ и передаетъ его кредитору за значительную часть его стоимости, обыкновенно за 0,9. Съ этихъ поръ кредиторъ пользуется всеми доходами съ земли, и должникъ не имѣетъ права продать свой участокъ, пока не уплатитъ долга. Но зато онъ можетъ перезаложить его третьему лицу. Онъ можетъ также продать свой участокъ кредитору, если тотъ согласится уплатить ему разницу. Часто землевладѣлецъ закладываетъ свой участокъ и не выкупаетъ его десятки лѣтъ. Для болѣе мелкихъ кредитныхъ операцій въ Китаѣ существуетъ три рода кассъ ссудъ. Однѣ изъ нихъ находятся подъ покровительствомъ правительства и ссужаютъ деньги за $1\frac{1}{2}$ —2, а иногда и 3% въ мѣсяцъ подъ залогъ разныхъ предметовъ, не подверженныхъ порчѣ. Сроки залоговъ соблюдаются очень строго; на другой день по истеченіи срока касса ссудъ имѣетъ право продать невыкупленную вещь.

Другого рода кассы ссудъ ссужаютъ деньги за меньшіе проценты; за сумму свыше четырнадцати долларовъ они берутъ 30 ежегодныхъ процентовъ, а за сумму ниже четырнадцати долларовъ—20%.

Наконецъ, третій видъ мелкихъ ломбардовъ не имѣетъ установленныхъ закономъ процентовъ, а выдаетъ ссуды по соглашенію, хотя всегда все-таки за очень высокій процентъ. Эти ломбарды содержатся обыкновенно разными подозрительными личностями, и ихъ закладчики всегда нѣсколько рискуютъ.

Кредитныя операціи въ Китаѣ стали извѣстны незадолго до начала христіанской эры. Принимая во вниманіе древность существованія Китайской имперіи, этотъ срокъ нельзя считать особенно большимъ. Съ самаго начала государство опредѣляло процентъ, какой имѣютъ право брать заимодавцы, но процентъ этотъ, какъ и во всѣхъ первобытныхъ государствахъ, былъ всегда очень высокъ въ Китаѣ. Въ среднемъ онъ стоялъ обыкновенно около 3% мѣсячныхъ или 36% годовыхъ. Зато взиманіе сложныхъ процентовъ совершенно запрещено въ Китаѣ. Нарушеніе этого закона влечетъ за собой серьезныя наказанія—отъ со-

рока до ста палочныхъ ударовъ. Конечно, государство стремится въ то же время обезпечить и права кредитора. «Тотъ, кто будетъ обвиненъ передъ мандаринами въ томъ, что онъ не уплатилъ проценты за одинъ лунный мѣсяцъ, присуждается къ десяти палочнымъ ударамъ, за два мѣсяца — къ двадцати, за три — къ тридцати, и такъ до шестидесяти, т. е. до шестого мѣсяца, послѣ этого должникъ принуждается выплатить и капиталъ, и проценты; но тотъ, кто употребляетъ насиліе, чтобы заставить уплатить себѣ, приговаривается къ восьмидесяти палочнымъ ударамъ». Значительную высоту государственныхъ процентовъ (около 30 въ среднемъ) китайскіе экономисты объясняютъ тѣмъ, что денежные займы дѣлають или моты, или люди, занимающіеся торговлей. Первые, чѣмъ скорѣе разорятся, тѣмъ лучше, такъ какъ общество будетъ избавлено отъ ихъ безумной расточительности и гибельнаго примѣра. Что касается торговли, то ея интересы должны, во всякомъ случаѣ, отступать передъ государственными интересами.

VI. Торговое законодательство.

Торговое законодательство Китая не задается цѣлью покровительствовать коммерческимъ спекуляціямъ, оно стремится только поддерживать равновѣсіе частныхъ интересовъ. Такъ, напримѣръ, оно приговариваетъ къ 40 палочнымъ ударамъ всякаго купца, назначающаго на свои товары такіа цѣны, которыя могутъ помѣшать его сосѣдямъ продавать свои товары. Государство запрещаетъ вывозить по морю или по сушѣ лошадей, скотъ, желѣзо, шелкъ и т. п.; оно угрожаетъ смертною казнью всякому, кто вывезетъ за границу оружіе. Не разрѣшается даже безъ особаго позволенія убивать на продажу собственный скотъ. Но всѣ эти запрещенія клонятся исключительно къ охранѣ частныхъ интересовъ; никакихъ выгодъ для себя государственное казначейство не извлекаетъ изъ нихъ. Внутреннія таможенныя пошлины сравнительно ничтожны. До самаго послѣдняго времени онѣ взиались только съ одной соли. Правительство задается цѣлью препятствовать какъ чрезмѣрному обогащенію, такъ и полному обѣднѣнію подданныхъ.

В. Торговля въ Японіи.

Торговля и относящееся къ ней законодательство представляли собой въ Японіи до послѣдняго времени полнѣйшее сходство съ китайскою торговлей и законодательствомъ. Страна Восходящаго Солнца явилась во всѣхъ вообще отношеніяхъ точной копіей Небесной Имперіи. Она была точно также страной исключительно земледѣльческой и даже культивировались въ ней, главнымъ образомъ, тотъ же рисъ, ячмень и пшеница. Виноградъ росъ тамъ въ изобиліи, но вина изъ него не

выдѣлывали, а довольствовались исключительно рисовой водкой. Изъ разныхъ сортовъ чая, вывезенныхъ изъ Китая, въ Японіи культивировались только зеленые душистые чай. Табакъ, ввезенный португальцами, разводится тамъ въ огромныхъ количествахъ, такъ какъ всякій японецъ почти не выпускаетъ изъ рта коротенькую трубочку.

Вся земля въ Японіи, какъ въ государствѣ феодальномъ, считалась собственностью правителя и только отдавалась въ пожизненное, а болѣею частью и наслѣдственное, пользованіе подданныхъ. За это подданные обязаны были исполнять разныя повинности и уплачивать подати, доходившія до $\frac{1}{5}$ всего сбора.

Преобладающимъ типомъ земледѣльской культуры служить и въ Японіи мелкая интенсивная культура. Обрабатывать свой участокъ составляетъ долгъ всякаго землевладѣльца; если у него земля пустуетъ годъ, онъ теряетъ ее.

Промышленность носила въ Японіи такой же семейный характеръ, какъ и въ Китаѣ. Всѣ отрасли ея, извѣстныя тамъ, встрѣчаются и тутъ. Употребительные металлы добывались и обрабатывались тамъ съ незапамятныхъ временъ. Выше всѣхъ цѣнилось серебро, такъ какъ добычаніе его изъ руды сопряжено съ наибольшими трудностями.

Деньги до послѣдняго времени пользовались въ Японіи незначительнымъ распространеніемъ, хотя обращались самыя разнообразныя виды ихъ—и слитки золота и серебра, и мѣдныя монеты съ пробитыми въ средія отверстіями, и бумажныя деньги. И государство, и крупныя феодальныя владѣльцы предпочитали взимать подати натурою. Наполненные рисомъ амбары привлекали ихъ болѣе, чѣмъ большіе запасы золота въ государственной казнѣ.

Торговля хотя и сильно развита въ Японіи, но пользуется и тамъ не большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ Китаѣ. Купцы занимаютъ послѣднее мѣсто послѣ благородныхъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. При встрѣчѣ съ вельможей купецъ долженъ падать ницъ и говорить съ нимъ не иначе, какъ склонившись почти до земли.

Тѣмъ не менѣе, государство ни въ чемъ не стѣсняетъ внутреннюю торговлю. Ни пошлинъ, ни внутреннихъ таможенъ тамъ не существовало почти никогда. Но что касается внѣшней торговли, то къ ней до послѣдняго времени государство относилось крайне подозрительно. И китайскіе, и европейскіе купцы не пользовались покровительствомъ Японскихъ законовъ. Общая сумма ввоза была разъ навсегда установлена правительствомъ, и дѣйствительный ввозъ ни въ какомъ случаѣ не могъ превышать ее. Иностранные товары могли продвѣаться въ Японіи только послѣ того, какъ образцы съ нихъ были сняты японскими мастерами. Далеко не всѣ японскіе товары могли подлежать вывозу. Такъ, запрещалось вывозить оружіе, и главнымъ образомъ сабли, географическія карты и книги, изъ которыхъ иностранцы могли бы узнать что-нибудь о положеніи страны. Нарушители этихъ законовъ подвергались жесточайшимъ пыткамъ и казни.

Конечно, все, что было сейчасъ сказано, относится къ прошлому Японіи. Въ настоящее время Японія стремится во всемъ подражать Европѣ и уже достигла на этомъ пути поразительныхъ успѣховъ. Недалеко, вѣроятно, то время, когда и Китай, убѣжденный ядрами и пулями своей бывшей ученицы, вступитъ на путь подражанія Европѣ. Тогда исчезнутъ послѣдніе типы великихъ цивилизацій древности.

ГЛАВА XI.

Торговля въ странахъ, лежащихъ около Египта.

I. Торговля у древнихъ берберовъ и туареговъ.—Неолитическіе народы въ Европѣ.—Гванхи.—Вѣроятное состояніе торговли у нихъ.—Доисторическія дикія племена въ Европѣ.—Торговля у либийцевъ.—Нумидическіе денежные знаки.—Появленіе верблюда въ Африкѣ.—Значеніе торговли у туареговъ.—Промышленность и базары на оазисахъ.—Торговые караваны.—Грабежи туареговъ.—Нравственность туареговъ.—II. Торговля у кабилловъ.—Базары у кабилловъ.—Упорядоченіе обмѣна.—Торговля запрещенія.—Случайныя продажи.—Заботы объ общественной пользѣ.—Базаръ, какъ мирное убѣжище.—Строгая полиція на базарахъ.—Торговые, промышленные и земледѣльческіе союзы.—Доброе согласіе между трудомъ и капиталомъ.—Законы о займахъ.—Законные проценты.—Какъ обходится стѣснительные законы.—Ипотечныя займы.—Священный характеръ долга.—Чрезвычайныя права кредитора.—Захватъ.—III. Торговля на Мадагаскарѣ.—Происхожденіе гавасовъ.—Земледѣіе у нихъ.—Промышленность.—Металлургія.—Торговля и рынки.—Металлическія деньги.—Строгая полиція на базарахъ.—Законъ Линча.—IV. Развѣтіе торговли у берберовъ.

I. Торговля у древнихъ берберовъ и туареговъ.

До самаго послѣдняго времени всѣ неолитическіе народы, населяющіе Европу и сѣверную Африку, считались вышедшими изъ Азіи. Но теперь это мнѣніе сильно поколеблено. Гораздо болѣе вѣроятнымъ является предположеніе, что наши отдаленные предки, неолитическаго періода ведутъ свое происхожденіе изъ Африки и относятся къ великой берберской расѣ.

Древнѣйшіе человѣческіе останки, находимые въ южной Франціи, съ несомнѣнностью указываютъ на тотъ фактъ, что ея первобытные обитатели принадлежали къ берберской расѣ. Ближе всего они стоятъ къ гванхамъ, жителямъ Канарскихъ острововъ. А эти послѣдніе несомнѣнно связаны съ первыми обитателями сѣверной Африки—туарегами, кабилами и ливійцами, родственными, въ свою очередь, съ египтянами.

Кинемъ взглядъ на всѣ эти группы африканскихъ племенъ.

О состояніи торговли у гванховъ можно сказать очень немногое. Гванхи жили на мелкихъ Канарскихъ островахъ, и каждый островокъ управлялся своимъ княземъ. Земля составляла собственность князя и дѣлилась имъ на участки между подданными. Изъ хлѣбныхъ растений

они воздѣлывали только ячмень. Князья отдѣльных острововъ вели между собой постоянныя войны, и грабежи тамъ естественно составляли болѣе обычное явленіе, чѣмъ мирный обмѣнъ. По словамъ древняго писателя Кадамосто, гванхи не знали ни серебра, ни золота и не употребляли никакихъ денежныхъ знаковъ.

Отношеніе къ частной собственности на различныхъ островахъ было, повидимому, неодинаково, такъ какъ на однихъ воровство совсѣмъ не считалось преступленіемъ, а на другихъ—наказывалось чрезвычайно строго. Такъ, на островѣ Феро, человѣку, уличенному въ кражѣ первый разъ, выкалывали одинъ глазъ; при повтореніи преступленія выкалывался и второй глазъ.

По всей вѣроятности внутри отдѣльных острововъ обмѣнъ въ первобытныхъ его формахъ все-таки существовалъ, такъ какъ они имѣли продукты, которыми могли обмѣниваться: домашнихъ животныхъ, хлѣбъ, дичь и т. п., но относительно этого опредѣленныхъ данныхъ до сихъ поръ не имѣется.

Что касается африканскихъ берберовъ, то о нихъ имѣются болѣе точныя свѣдѣнія. Страбонъ называетъ всѣхъ обитателей сѣверной Африки охотничьими и пастушескими народами. По его словамъ, они не знали земледѣлія и занимались почти исключительно охотой. Но онъ не принимаетъ во вниманіе того обстоятельства, что охота была имъ совершенно необходима для охраны своихъ стадъ. Послѣ паденія Карвагена они стали мало-по-малу переходить къ земледѣлію, не бросая однако охоты. Римъ даже покровительствовалъ ихъ охотничьимъ занятіямъ, скупая у нихъ большія партіи дикихъ звѣрей для своихъ цирковъ. Но дикіе звѣри составляли далеко не единственный предметъ торговли древнихъ нумидійцевъ. У нихъ имѣлись въ обращеніи металлическія монеты изъ мѣди и олова, существованіе которыхъ само по себѣ служить неопровержимымъ доказательствомъ знакомства съ торговлей. Но у насъ есть и другія доказательства этого; нумидійцы принимали даже морскія путешествія съ торговыми цѣлями и переплывали на своихъ лодкахъ Гибралтарскій проливъ.

Ко времени Югуртинскихъ войнъ у нумидійцевъ были уже города и даже крѣпости, но тѣмъ не менѣе они предпочитали скотоводство земледѣлію. Они все еще оставались полукочевымъ народомъ и половину жизни проводили на лошадяхъ въ постоянныхъ мелкихъ походахъ.

Къ началу христіанской эры верблюды понемногу вытѣснили у нихъ лошадей. Въ остальномъ ихъ образъ жизни и до сихъ претерпѣлъ сравнительно незначительныя измѣненія. Надо, впрочемъ, говоря объ обитателяхъ сѣверной Африки, строго различать кочующихъ туареговъ, такъ называемыхъ «мореплавателей пустыни», отъ родственныхъ имъ жителей оазисовъ. Эти послѣдніе перешли къ вполне осѣдой жизни и занимаются отчасти земледѣліемъ и промышленностью, а главнымъ образомъ торговлей. Тѣ и другіе находятся между собой въ постоян-

ныхъ и мирныхъ сношеніяхъ, они взаимно необходимы другъ другу. Жители оазисовъ предоставляютъ своимъ рабамъ вести свое полевое или, лучше сказать, огородническое хозяйство, а сами занимаются промышленностью, торговлей и разнаго рода спекуляціями. Изъ ремеслъ они знаютъ кузнечное, ткацкое, кожевенное, столярное и слесарное и обыкновенно занятіе каждымъ изъ этихъ ремеслъ переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Продукты своего производства они продаютъ караванамъ кочевниковъ, которые развозятъ ихъ по другимъ оазисамъ, а имъ, въ свою очередь, привозятъ товары оттуда. Такая оживленная торговая дѣятельность вызываетъ всякаго рода другія спекуляціи, и дѣйствительно обитатели оазисовъ Сахары являются очень предприимчивыми коммерсантами и просто ростовщиками.

Караваны кочующихъ туареговъ развозятъ всевозможные товары, но главнымъ образомъ каменную соль. Въ Тебу, наиболѣе безводной мѣстности Сахары, находятся богатая мѣсторожденія соли и тамъ ежегодно караваны нагружаютъ этимъ драгоценнымъ продуктомъ тысячи верблюдовъ. Караваны двигаются обыкновенно по опредѣленнымъ дорогамъ и въ опредѣленные сроки.

Въ южной части пустыни, близъ Томбукту, напримѣръ, туареги перешли къ относительно болѣе осѣдлому образу жизни. Они пасутъ стада и не отходятъ далеко отъ Нигера, въ долину котораго расположены единственныя богатая пастбища. Оттуда они совершаютъ постоянныя нападенія на мимо идущіе караваны и иногда грабятъ ихъ совершенно, а большей частью довольствуются выкупомъ въ $\frac{1}{10}$ общаго количества товаровъ; они находятъ болѣе выгоднымъ не убивать курицу, несущую золотыя яйца, и обезпечивать себѣ хоть и менѣе значительный, но болѣе вѣрный и постоянный доходъ.

Впрочемъ, эти номады, отсиащіеся такъ легко къ чужой собственности, имѣютъ въ то-же время свой нравственный кодексъ, правила котораго они соблюдаютъ довольно строго. Во-первыхъ, внутри каждаго племени всѣ его члены связаны тѣсными узами родства и дружбы и оказываютъ другъ другу постоянную и существенную помощь. Во-вторыхъ, они относятся въ высшей степени человѣчно къ рабамъ; когда туарегамъ случается встрѣтить въ пустынь караванъ рабовъ, они даютъ каждому изъ нихъ по мѣшку финиковъ. Наконецъ, и въ отношеніяхъ между собою торговыхъ каравановъ туареговъ существуютъ своеобразныя и строго соблюдаемыя нравственныя правила. Такъ, караваны сплошь и рядомъ оставляютъ на дорогѣ запасы провизіи, если имъ скоро приходится возвращаться тѣмъ же путемъ, и никогда другой караванъ не воспользуется этимъ запасомъ. Мало того, случается, что караванъ, везущій товары въ разныя мѣста, оставляетъ часть ихъ на дорогѣ, чтобъ облегчить пошу верблюдовъ, и никогда никто не притронется къ этимъ оставленнымъ на произволъ судьбы товарамъ. Возвращаясь назадъ хоть черезъ годъ, собственники могутъ быть увѣ-

рены, что найдутъ все на томъ же мѣстѣ. Такимъ образомъ и у туареговъ есть своя профессиональная, хоть и очень ограниченная, нравственность, и она отличается большой прочностью, такъ какъ существуетъ уже много, много вѣковъ.

II. Торговля у кабилонъ.

Между тѣмъ какъ гванки почти не выходили изъ пещернаго быта, а туареги до сихъ поръ продолжаютъ вести на половину кочевой образъ жизни, кабилы давно перешли къ осѣдлому быту. Они съ рѣдкимъ трудолюбіемъ, терпѣніемъ и упорствомъ занимаются земледѣліемъ. Въ то же время они сохранили древнее республиканское устройство своей общины. Относительно торговли въ частности у нихъ существуетъ рядъ совершенно своеобразныхъ правилъ и постановленій. Этими подчасъ очень строгими правилами они стремятся обезпечить каждому его права и устранить вредныя стороны торговли.

Продавать и покупать у кабилонъ имѣетъ право всякій, кромѣ несовершеннолѣтняго, отданнаго подъ опеку, и женщины, живущей у отца или мужа. Кромѣ того, у нихъ существуютъ нѣсколько частныхъ запрещеній. Такъ, человѣкъ, которому поручено продать что-нибудь, не имѣетъ права купить это самъ; опекунъ не можетъ покупать имущество опекаемаго, тяжело больной лишается права распродать болѣе трети своего имѣнія и т. п.

Большая часть торговыхъ сдѣлокъ заключается у кабилонъ на базарахъ. Базаръ составляетъ всегда общую собственность плѣмѣ, а иногда и двухъ; стоимость его содержанія раскладывается на всѣ общины, составляющія это плѣмя. Товары не облагаются никакой пошлиной, исключая тѣхъ случаевъ, когда въ селеніи есть училище, тогда съ товаровъ взимается нѣкоторый процентъ на содержаніе училища. Количество этихъ базаровъ очень значительно, каждый день изъ каждаго селенія можно попасть на какой-нибудь изъ сосѣднихъ базаровъ. Они устраиваются обыкновенно разъ въ недѣлю и носятъ названіе того плѣмени, которому принадлежатъ. Если какое-нибудь плѣмя собирается устроить новый базаръ, то оно обязано выбрать свободный день, чтобы не отелекать покупателейъ отъ сосѣднихъ базаровъ.

Товары, продаваемые на этихъ базарахъ, очень разнообразны; тутъ можно встрѣтить и всевозможные пищевые продукты, и произведенія мѣстной промышленности, и привозныя издалика издѣлія.

Такъ какъ торговые сдѣлки могутъ легко вызвать разныя недоразумѣнія, споры и ссоры, то на каждомъ базарѣ избирается особый судья, называющійся «старшиной базара», который вмѣстѣ съ нѣсколькими стариками, составляющими его совѣтъ, разбираетъ всѣ возникающія несогласія. Идти на судъ этого «базарнаго старшины» не обязательно для сторонъ; они могутъ перенести свою тяжбу къ своему

сельскому судѣ, если принадлежатъ къ одному селенію, или выбрать себѣ третейскій судъ. Судъ на базарахъ совершается крайне быстро. Истецъ приноситъ свою жалобу, отвѣтчикъ оправдывается, приглашенные старшиной свидѣтели даютъ свои показанія, и старшина тутъ же, посовѣтовавшись съ стариками, произноситъ приговоръ, который немедленно же и приводится въ исполненіе.

Куплѣ и продажѣ могутъ подлежать всѣ предметы, составляющіе собственность каждаго отдѣльнаго человѣка. Но для продажи ихъ существуетъ тоже рядъ особыхъ правилъ. Пищевые продукты могутъ быть проданы только послѣ того, какъ покупатель попробуетъ ихъ. Взвѣшиваніе и измѣреніе совершаются за счетъ продавца, но доставка съ мѣста покупки лежитъ уже всецѣло на обязанности покупателя. На базарѣ всѣ сдѣлки могутъ совершаться безъ свидѣтелей, но на дому присутствіе свидѣтелей обязательно. Если дѣло идетъ о продажѣ живыхъ существъ свидѣтели совершенно необходимы, но письменныхъ условій ни при какихъ обстоятельствахъ не заключается. При продажѣ животнаго продавецъ долженъ перечислить всѣ его недостатки. Онъ подлежитъ отвѣтственности, если обнаружатся какіе-нибудь недостатки, не объявленные имъ.

Но не все, чѣмъ пользуется частный человѣкъ, можетъ быть продано. Прежде всего онъ не имѣетъ права продавать берегъ моря, русло рѣки, дороги, священныя зданія, собакъ и свободныхъ людей. Далѣе никто не въ правѣ продавать ядовитыя вещества. Религія, съ своей стороны, налагаетъ запрещеніе на продажу нѣкоторыхъ предметовъ; такъ, нельзя продавать мясо животныхъ, убитыхъ не по правиламъ культа, и мясо животныхъ, считаемыхъ нечистыми, какъ, напр., осла, кошки, собаки, крысы, коршуна, ласточки и др. Кроме того, нѣкоторые запрещенія обуславливаются гигиеническими требованіями. Запрещается продавать мясо животныхъ, умершихъ отъ какихъ-нибудь болѣзней, масло или медъ, въ которомъ нашли трупъ крысы или какого-нибудь другого животнаго.

Законодательство пыталось тоже не допускать продажи растений, еще не выросшихъ. Такъ, напримѣръ: будущей жатвы, еще не созрѣвшихъ плодовъ и т. п. Но жизнь сумѣла обойти эти постановленія. Собственникъ земли не запродастъ свой будущій сборъ, а обязуется представить къ извѣстному времени опредѣленное количество зерна и т. п.

Всякіе обманы при торговыхъ сдѣлкахъ строго караются законами кабилонъ, особенно если дѣло идетъ о продажѣ вредныхъ для здоровья веществъ.

Въ извѣстные періоды, напримѣръ, во время войны или голода, управленіе каждаго племени можетъ запретить вообще продажу предметовъ потребленія или разрѣшать ее условно, въ томъ случаѣ, когда будетъ обезпечено удовлетвореніе первыхъ потребностей наиболѣе нуж-

дающихся въ этомъ членовъ общества: дѣтей, больныхъ, беременныхъ и только что родившихъ женщинъ и т. п.

Такими и подобными постановленіями кабилы стремятся обезпечить насущные интересы всѣхъ членовъ своихъ общинъ и помѣшать болѣе сильнымъ возвышаться и богатѣть за счетъ остальныхъ. Къ этому же клонится и запрещеніе открывать новые базары безъ общаго согласія всѣхъ сосѣднихъ племенъ. Во время войнъ это запрещеніе уничтожается; всякое племя имѣетъ право устраивать у себя новые временные базары, чтобы не подвергать неудобствамъ и лишеніямъ своихъ членовъ. Впрочемъ, это является даже излишней предосторожностью, такъ какъ базары представляютъ собой священныя мѣста, куда всякій, другъ и врагъ, можетъ приходить совершенно безопасно. Воровство на базарѣ составляетъ одно изъ тягчайшихъ преступленій. Уличенный въ немъ можетъ быть наказанъ тутъ же самимъ народомъ, даже безъ участія старшины. Къ нему примѣняется судъ Линча. Обыкновенно съ него срываютъ одежду, сбрасываютъ брови и бороду и камнями выгоняютъ изъ деревни.

Промышленность у кабилловъ представляетъ также много своеобразнаго. Крупныя мануфактуры никогда не существовали тамъ, а въ небольшихъ мастерскихъ хозяева и рабочіе составляютъ вмѣстѣ родъ ассоціаціи. Такія ассоціаціи представляютъ тамъ самое обычное явленіе. Для устройства мельницы, напримѣръ, обыкновенно собственникъ земли, механикъ и мельникъ составляютъ между собой родъ союза, и дѣлятъ между собой доходъ. Такіе же союзы заключаются и для организаціи другихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, при чемъ одни члены вкладываютъ свой капиталъ, другіе—искусство или ручной трудъ. При земледѣльческихъ ассоціаціяхъ одинъ вкладываетъ обыкновенно землю и половину посѣва, другой—вторую половину посѣва, земледѣльческія орудія, скотъ и собственный трудъ. Урожай въ такомъ случаѣ дѣлится не поровну: землевладѣлецъ получаетъ $\frac{2}{5}$ сбора, а его товарищъ— $\frac{3}{5}$.

Всѣ эти законы и обычаи сохранились, очевидно, еще отъ временъ родового быта; это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что ни при какихъ обстоятельствахъ законы кабилловъ не требуютъ и даже не допускаютъ письменныхъ актовъ. При всякой сдѣлкѣ требуется во что бы то ни стало присутствіе свидѣтелей, и только свидѣтельскія показанія могутъ приводиться въ качествѣ доказательствъ. Такъ, займы не могутъ совершаться иначе, какъ при свидѣтеляхъ.

Вопросъ о процентахъ рѣшается различно у разныхъ племенъ кабилловъ. Нѣкоторыя, слѣдуя завітамъ Корана, совсѣмъ не признаютъ законность процентовъ и строго наказываютъ за взиманіе ихъ. Другія, напротивъ, устанавливаютъ законный и, какъ всегда у нецивилизованныхъ народовъ, очень высокій максимумъ процентовъ: въ среднемъ отъ 33 до 50%. Наконецъ, нѣкоторыя племена предоставляютъ установленіе размѣра процентовъ свободному соглашенію сторонъ. Долгъ не

обязательно выплачивать деньгами, онъ возмѣщается часто работой или товаромъ.

Займы подъ залогъ земли тоже часто практикуются у кабиловъ. Въ такихъ случаяхъ собственникъ продолжаетъ фактически пользоваться своей землей, но юридически она уже считается собственностью кредитора до тѣхъ поръ, пока долгъ не уплаченъ. Чтобы проявить чѣмъ-нибудь этотъ переходъ земли отъ одного владѣльца къ другому, кредиторъ долженъ осуществить свое право на землю и нѣкоторое время фактически пользоваться ею. Такое пользованіе продолжается обыкновенно очень недолго, самое большее нѣсколько дней, но оно безусловно необходимо, такъ какъ оно совершается въ присутствіи свидѣтелей и служитъ главнымъ доказательствомъ заключенной сдѣлки. Законы кабиловъ допускаютъ переводъ долга на третье лицо, но въ такомъ случаѣ должникъ долженъ быть извѣщенъ объ этомъ при свидѣтеляхъ.

Общественное мнѣніе кабиловъ считаетъ долгъ священнымъ обязательствомъ и уплату его общественной обязанностью каждаго чловека; кто не исполняетъ этой обязанности считается виновнымъ и подлежитъ наказанію. Даже за неуплату долга иноплеменнику или иностранцу законы кабиловъ наказываютъ съ такою же строгостью. Въ нѣкоторыхъ племенахъ законы требуютъ наказанія даже того, кто хотя бы въ шутку скажетъ, что не намѣренъ платить своего долга.

Такое религіозное отношеніе къ долговымъ обязательствамъ обуславливаетъ и чрезвычайныя права кредитора у кабиловъ. Кредиторъ можетъ, если должникъ не уплатитъ ему въ срокъ, взять любую изъ его вещей или даже кого-нибудь изъ его семьи, его сына, напримѣръ, и держать до тѣхъ поръ, пока кредиторъ не выплатитъ полностью долга. Если должникъ принадлежитъ къ другой общинѣ, кредиторъ можетъ взыскивать свой долгъ съ любого изъ ея членовъ. Въ такомъ случаѣ деревенскій старшина долженъ озаботиться своевременнымъ возвращеніемъ долга.

Мало того, когда кредиторъ не можетъ справиться самъ съ своимъ должникомъ, на имущество послѣдняго налагается запрещеніе, т. е. оно становится общественной собственностью. Если послѣ этого должникъ при помощи какого-нибудь мошенничества продастъ свое имущество, его объявляютъ внѣ закона, всякій можетъ безнаказанно преслѣдовать его, онъ считается послѣднимъ изъ преступниковъ. Такимъ образомъ, соблюденіе своего слова и обязательства считается первымъ долгомъ всякаго кабила.

III. Торговля на Мадагаскарѣ.

Гавасы, живущіе на Мадагаскарѣ, считались долгое время принадлежащими къ малайской расѣ. Въ ихъ языкѣ замѣчалось нѣкоторое сходство съ малайскимъ нарѣчіемъ; но это сходство можно объяснить тѣмъ, что на Мадагаскарѣ часто заѣзжали арабскіе купцы, посѣщав-

шіе, въ свою очередь, и Малайскій архипелагъ; они то и могли завести оттуда нѣкоторые малайскіе слова и обороты. Между тѣмъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ гавасы представляютъ гораздо болѣе сходства съ населеніемъ сѣверной и средней Африки, чѣмъ съ малайцами. Нѣкоторые ихъ обычаи, какъ мы увидимъ, представляютъ поразительное сходство съ обычаями кабиловъ и другихъ народовъ берберской расы. Кромѣ того, нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что въ настоящее время гавасы совершенно почти не знаютъ мореплаванія, между тѣмъ, для того чтобы переселиться съ Малайскаго архипелага на Мадагаскаръ имъ пришлось бы совершить громадное морское путешествіе.

Гавасы занимаются земледѣліемъ, и разнаго рода ремеслами. Земледѣліе, впрочемъ, стоитъ у нихъ на довольно низкой ступени развитія; они культивируютъ почти исключительно рисъ и притомъ съ помощью самыхъ первобытныхъ орудій. Плугъ имъ неизвѣстенъ, и для паханья земли они употребляютъ только желѣзную лопату. Интересно отмѣтить, что свои запасы гавасы хранятъ въ подземныхъ складахъ, также какъ дѣлаютъ жители сѣверной Африки. Шелководство то же извѣстно на Мадагаскарѣ; шелкъ, получаемый отъ тамошнихъ шелко-вичныхъ червей, сѣраго цвѣта, но гавасы умѣютъ окрашивать его въ разные цвѣта, преимущественно въ синій съ помощью индиго.

Изъ ремеслъ гавасы знаютъ ткацкое, гончарное, кузнечное и др. Изъ металловъ тамъ особенно изобилуетъ желѣзо, которое они добываютъ изъ руды съ помощью самыхъ первобытныхъ пріемовъ.

Торговля, главнымъ образомъ, внутренняя, очень развита на Мадагаскарѣ; внѣшняя торговля должна тамъ быть естественнымъ образомъ морскою и потому почти полное незнакомство съ мореплаваніемъ служить существеннымъ препятствіемъ для ея возникновенія.

Внутренняя торговля ведется, главнымъ образомъ, на базарахъ, очень многочисленныхъ и переполненныхъ всякаго рода товарами. Тамъ можно найти все, что только воздѣлывается и выдѣлывается на островѣ. Живой товаръ: быки, овцы и свиньи, а также рабы обоихъ половъ составляютъ обычную принадлежность этихъ базаровъ. Несмотря на большое стеченіе народа на этихъ базарахъ, воровство и ссоры составляютъ тамъ очень рѣдкое явленіе—они караются тамъ съ такою же почти строгостью, какъ у кабиловъ. Воръ, застигнутый на мѣстѣ преступленія, подлежитъ безпощадному суду Линча.

Національной денежной единицы гавасы не имѣютъ, но у нихъ обращается испанскій піастръ и отчасти французскія пятифранковыя монеты. Для мелкихъ покупокъ піастръ обыкновенно по китайскому обычаю, просто разрубается на части. Поэтому у каждаго мадагаскарскаго купца имѣются чрезвычайно чувствительные вѣсы, на которыхъ онъ можетъ свѣсить до $\frac{1}{720}$ части піастра или пятифранковика. Законы гавасовъ относительно кредита еще строже законовъ кабиловъ. Виновный

въ неплатежѣ долга наказывается конфискаціей имущества или продажей жены и дѣтей, или, наконецъ, самъ онъ продается въ рабство.

Всѣ эти обычаи, не имѣющіе въ себѣ рѣшительно ничего малайскаго, представляютъ, какъ сказано выше, очень много общаго съ обычаями, существующими до настоящаго времени у кабиловъ и поэтому гипотезу о малайскомъ происхожденіи жителей Мадагаскара можно положительно считать лишенною всякаго основанія.

IV. Развѣтіе торговли у народовъ берберской расы.

Извѣстные намъ народы берберской расы представляютъ всѣ стадіи развѣтія торговли отъ самыхъ первобытныхъ до относительно очень высоко развитыхъ.

Гванхи, жившіе главнымъ образомъ охотой, почти не знали обмѣна. Жители отдѣльныхъ Канарскихъ острововъ, находившіеся подъ управленіемъ мелкихъ вождей или князьковъ, вступали между собой только во враждебныя отношенія. Мирнаго обмѣна между ними не могло быть.

Древнѣйшіе обитатели сѣверной Африки, такъ называемые ливійцы, также не дошли еще до организаціи правильнаго и мирнаго обмѣна.

Ихъ историческіе потомки нумидійцы и туареги подвинулись значительно впередъ въ этомъ отношеніи. Они уже имѣютъ понятіе объ обмѣнѣ и торговлѣ, хотя грабежъ еще играетъ у нихъ значительную роль.

Переходя къ кабиламъ, мы встрѣчаемъ уже совершенно иного рода картину. Тамъ торговля не только существуетъ на фактѣ, но и облечена уже въ очень строгія юридическія формы. Правительство руководитъ ею и стремится дать ей такое направленіе, при которомъ она не наносила бы ущерба ни чьимъ интересамъ и приносила бы только пользу всему обществу. Конечно, это намѣреніе не всегда достигалось, но самое существованіе его указываетъ на значительно болѣе высокий уровень развѣтія кабиловъ по сравненію съ другими народами берберской расы.

ГЛАВА XII.

Торговля въ Эѳіопіи и въ Египтѣ.

I. Доисторическій періодъ. — Происхожденіе Египта. — Каменный вѣкъ и пещерный бытъ. — II. Эѳіопія. — Эѳіопія въ древности. — Мерз и торговля тамъ. — Современные эѳіопы. — Промышленность у нихъ. — Отсутствие спеціализаціи въ области промышленности въ Абиссиніи. — Покровительство промышленности. — Торговля путемъ обмѣна. — Внутренняя торговля въ Абиссиніи. — Базары. — Караваны. — Первобытныя денежныя знаки и талеры. — Первобытныя характеръ размѣнной монеты. — Отсутствие общепринятой денежной единицы и неудобства обмѣна. — Полиція на базарахъ. — Королевскія права въ торговлѣ. — III. Египетъ. — Приблизительное время основанія Египта. — Переживанія каменнаго вѣка. — Феодализмъ въ Египтѣ. — Земледѣліе въ древнемъ Египтѣ. — Промышленность въ Египтѣ. — Положеніе ремесленниковъ въ древнемъ Египтѣ. — Ремесленные корпораціи. — Работы въ рудникахъ. — Караваны, ярмарки и базары. — Первобытныя протекціонизмъ. — Виѣшняя торговля. — Египетскіе разбой. — Египетскіе корабли и морская торговля. — Вѣсы и мѣры. — Слитки металловъ. — Мѣдная полоса въ качествѣ денежныя знаковъ. — Законодательство по отношенію къ должникамъ. — IV. Развитие торговли въ Египтѣ.

I. Доисторическій періодъ.

Въ доисторическую эпоху Египетъ и Эѳіопія были, судя по всѣмъ даннымъ, настолько тѣсно связаны между собой, что разсматривать ихъ отдѣльно не представляется возможнымъ. Древніе считали даже Египетъ колоніей эѳіоповъ. Иероглифическіе египетскіе памятники изучались и изучаются до сихъ съ чрезвычайной тщательностью и добросовѣстностью, но не надо забывать, что они даютъ возможность судить только объ историческомъ періодѣ.

Въ Египтѣ этотъ историческій періодъ отодвигается очень далеко. Первый извѣстный исторіи египетскій фараонъ — Менесъ относится къ очень глубокой древности. Но онъ явился уже тогда, когда египетская цивилизація достигла значительнаго развитія, слѣдовательно, его долженъ отдѣлять большой промежутокъ времени отъ основанія Египта, т. е. отъ той эпохи, когда нижній Египетъ населяли племена бѣлой, по всѣмъ вѣроятіямъ, берберской расы.

Начало этого нижняго Египта относится къ сравнительно болѣе поздней геологической эпохѣ. Ранѣе Ниль не доходилъ до Средиземнаго моря въ томъ направленіи, какъ онъ течетъ теперь — онъ сворачивалъ въ Ливійскую пустыню; только позднѣе онъ пробилъ ходъ черезъ гранитныя горы и направился прямо на сѣверъ. Преданіе приписываетъ работы по направленію русла Нила Менесу, въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ опираться на хорошо вооруженную, а слѣдовательно, очень старую цивилизацію. А этой цивилизаціи, судя по даннымъ добытымъ археологическими изысканіями, долженъ былъ и въ Египтѣ, и въ Эѳіопіи предшествовать пещерный бытъ и вѣкъ полированного и

неполированного камня. Только серьезные палеографические, этнографические и археологические изслѣдованія могутъ дать основанія для сужденія объ истинномъ происхожденіи государства фараоновъ. Весьма вѣроятно, что въ эту дѣйствительно первобытную эпоху эеіопы и берберы сталкивались въ долинѣ Нила и подготавливали почву для историческаго Египта.

II. Эеіопія.

Во всякомъ случаѣ, къ какимъ бы результатамъ не привели эти изслѣдованія, несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что Эеіопія никогда не играла въ исторіи такой выдающейся роли, какъ Египетъ; несомнѣнно также и то, что въ ней до сихъ поръ сохранились нѣкоторые архаическіе обычаи, которые нѣкогда существовали въ Египтѣ.

По показаніямъ древнихъ, Эеіопія простиралась въ тѣ времена значительно далѣе на сѣверъ, чѣмъ теперь. Геродотъ говоритъ, что она доходила до Элефантины. Подымаясь оттуда вверхъ по Нилу, черезъ два мѣсяца достигали до Мерозъ—столицы эеіоповъ. Эти эеіопы были чернокожіе, но сильно отличались другъ отъ друга. У однихъ, жившихъ на востокъ отъ Нила, были волосы черные и гладкіе, у другихъ къ западу отъ Нила—сильно вьющіеся. Западные эеіопы жили еще, по словамъ Геродота, въ пещерахъ и не имѣли членораздѣльной рѣчи; они издавали только короткія восклицанія, какъ летучія мыши.

Очевидно, что древніе смѣшивали подъ общимъ именемъ эеіоповъ чернокожія племена, принадлежавшія къ различнымъ расамъ. Тѣ изъ нихъ, которые жили близъ Мерозъ, были уже цивилизованы, они хоронили своихъ покойниковъ, высушенныхъ, наряженныхъ и раскрашенныхъ, въ прозрачныхъ гробахъ. Въ то же время тѣ эеіопы, которыхъ Ксерксъ набиралъ въ свою армію, были одѣты въ звѣриныя шкуры и употребляли стрѣлы съ каменными наконечниками.

Страбонъ, впрочемъ, строго различаетъ дикихъ и цивилизованныхъ эеіоповъ. Первые живутъ въ пещерахъ, ходятъ голые или въ звѣриныхъ шкурахъ, съ палицами въ рукахъ и ведутъ кочевой образъ жизни. Послѣдніе сѣяли просо и ячмень, имѣли стада и умѣли готовить масло и сыръ.

Этихъ цивилизованныхъ эеіоповъ мы можемъ считать предками современныхъ нумидійцевъ и абиссинцевъ. Съ ними египтяне имѣли постоянныя то мирныя, то враждебныя сношенія, на нихъ распространялось цивилизующее вліяніе Египта.

Столица Эеіопіи—Мерозъ была крупнымъ торговымъ центромъ. Тамъ сходились всѣ караваны, идущіе отъ береговъ Индійскаго океана, изъ Египта и изъ Абиссиніи. Оттуда же отправлялись караваны и къ Средиземному морю, пересѣкая Сахару; трудно себѣ представить, какимъ образомъ могли они совершать этотъ ужасный переходъ черезъ пустыню въ тѣ времена, когда и верблюды еще не былъ извѣстенъ.

Торговые пути, проложенные въ тѣ отдаленныя времена, въ значительной степени сохранились и до сихъ поръ.

Въ настоящее время изъ всѣхъ эіопскихъ племенъ мы знаемъ ближе всего абиссинцевъ. Они представляютъ собой крайне смѣшанный типъ. Знаменитый изслѣдователь Д'Аббади, находитъ у нихъ черты древняго египтянина, копта, африканскаго негра, индійскаго чернокожаго, еврея и даже монгола. Окраска кожи у абиссинцевъ переходитъ отъ бронзоваго до чернаго, но по чертамъ лица большая часть абиссинцевъ приближается къ бѣлымъ расамъ.

Во многихъ отношеніяхъ промышленность современныхъ эіоповъ сохранила первобытныя формы. Ихъ женщины мелютъ зерно между двумя камнями, изъ которыхъ нижній укрѣпленъ неподвижно, а верхній—овальной формы, вращается на немъ. Ткацкое искусство тоже находится еще въ зачаточномъ состояніи. Они ткутъ изъ хлопка матеріи бѣлаго цвѣта съ красными и синими каймами, и грубыя черныя ткани изъ шерсти. Ткацкій станокъ самаго примитивнаго устройства, хотя челнокъ все-таки уже извѣстенъ имъ. Для пряжи нитокъ они употребляютъ такое же веретено, какъ у насъ, только безъ прялки и пользуются имъ очень оригинальнымъ способомъ. Приподнявъ рубашку, прядильщица быстро вертитъ веретено, пуская его по своей ногѣ отъ бедра къ колѣну и обратно и такимъ образомъ прядетъ нитку. Кромѣ ткацкаго, очень немногія ремесла въ Абиссиніи специализированы. Каждый долженъ уметь готовить все необходимое для себя. Только кузнецы, которыхъ въ Абиссиніи считаютъ колдунами, составляютъ особый классъ населенія. Надо сказать, что, несмотря на это, они очень неискусны въ своемъ мастерствѣ и выдѣлываютъ изъ желѣза только самыя грубые инструменты и оружіе.

Изъ металловъ въ Абиссиніи встрѣчается и желѣзо, и серебро, и мѣдь; но добывать ихъ абиссинцы почти не умѣютъ, особенно два послѣдніе, которые труднѣе получать изъ руды.

Болѣе искусны абиссинцы въ гончарномъ ремеслѣ. Они выдѣлываютъ большія глиняныя вазы съ двумя ручками, напоминающія древне-египетскія вазы.

Особый способъ выдѣлки кожъ составляетъ секретъ абиссинцевъ. Они смазываютъ кожи какимъ-то, имъ однимъ извѣстнымъ, составомъ, послѣ чего ихъ очень легко обрабатывать. Изъ приготовленной этимъ способомъ бараньей кожи они выдѣлываютъ, между прочимъ, родъ пергамента. Изъ естественныхъ богатствъ въ Абиссиніи добывается еще каменная соль. Такъ какъ соль составляетъ очень цѣнный продуктъ въ Африкѣ, то въ Абиссиніи всегда массы рабочихъ заняты добычею ея.

Нѣкоторые абиссинскіе князья понимаютъ всю важность развитія промышленности и стараются, съ своей стороны, способствовать ея росту. Они собираютъ къ своимъ дворамъ наиболѣе искусныхъ мастеровъ и

тамъ дѣлаютъ имъ разные заказы. Въ этихъ княжескихъ мастерскихъ выдѣлываются прекрасныя матеріи, оружіе и украшенія. Придворные мастера являются въ такомъ случаѣ самыми приближенными лицами къ особѣ князя, имъ при дворѣ оказывается наибольшій почетъ. Но и этотъ фактъ служить самъ по себѣ доказательствомъ незначительнаго развитія промышленности въ Абиссиніи, такъ какъ тамъ, гдѣ ремесла болѣе развиты, государи обыкновенно не такъ щедро расточаютъ свои милости простымъ рабочимъ.

При такомъ низкомъ уровнѣ промышленности торговля въ Абиссиніи тоже должна находиться еще въ самомъ первобытномъ состояніи. Въ VI вѣкѣ по Р. Х. она совершалась тамъ еще посредствомъ простого обмѣна и притомъ заглазнаго, какъ у самыхъ первобытныхъ дикарей, да и въ настоящее время она сравнительно ушла не очень далеко отъ этого. Средневѣковой ученый Космосъ описываетъ намъ, какимъ образомъ абиссинскіе купцы вели торговлю съ сомалами, жившими по побережью Индійскаго океана. Они нагружали быковъ каменной солью и желѣзомъ и пѣлымъ караваномъ отправлялись въ путь. Дойдя до границы, за которой начинались поселенія сомаловъ, они убивали быковъ, разрубали ихъ на части и, разложивъ на дорогѣ мясо, соль и желѣзо, сами удалялись въ сторону. Туземцы тотчасъ же появлялись, осматривали привезенные товары, клали на каждую вещь слитокъ золота и, въ свою очередь, удалялись. Послѣ этого купцы осматривали предложенное золото и, если находили количество его достаточнымъ, забирали его и отправлялись въ обратный путь, оставивъ туземцамъ привезенные товары, если же золота было, по ихъ мнѣнію, мало, они дожидались, пока туземцы прибавятъ еще.

Конечно, въ настоящее время такіе первобытные приемы уже оставлены, но все-таки торговля еще очень мало развита. Внутри страны она происходитъ главнымъ образомъ на базарахъ, куда свозятся преимущественно разные сырые продукты, такъ какъ промышленность еще не настолько развита, чтобы доставлять много товаровъ на продажу.

На этихъ базарахъ можно найти разныхъ домашнихъ животныхъ, медъ, строительные матеріалы, зерно, кофе и т. п. На главныхъ базарахъ встрѣчаются также грубое оружіе, мѣстные матеріи и разные иностранные товары: лійонскій шелкъ, венеціанское стекло, англійскіе ситцы и т. н.

Внѣшняя торговля въ Абиссиніи, какъ и во всѣхъ вообще странахъ, гдѣ личная безопасность далеко не обезпечена, совершается при помощи каравановъ. Главными предметами вывоза изъ Абиссиніи служатъ слоновая кость и рабы, особенно же рабыни. Отправляясь въ путь, купцы надѣваютъ мужчинамъ ручныя кандалы и навьючиваютъ на нихъ разные товары и маленькихъ дѣтей. Дѣтей по-старше и женщинъ гонятъ впереди, какъ стадо скота.

Дороги въ Абиссиніи далеко не безопасны, сплошь и рядомъ разбойники совершаютъ нападенія на торговые караваны и грабятъ ихъ, кромѣ того на границѣ каждаго отдѣльнаго племени, каждаго маленькаго княжества купцы должны уплачивать пошлину за право проѣзда. Размѣръ этихъ пошлинъ совершенно не опредѣленъ и въ общемъ очень высокъ; мелкіе эіопскіе князьки налагаютъ и взимаютъ ихъ совершенно произвольно.

Денежная система въ Абиссиніи до сихъ поръ еще находится въ полномъ хаосѣ. Никакой общегосударственной монеты тамъ нѣтъ, и даже нѣтъ такого денежнаго знака, который, по обычаю, пользовался бы повсемѣстнымъ распространеніемъ. Единицами обмѣна служатъ и стручки чернаго перца, и табакъ. и бусы, и стеклянныя бутылки, и толстыя швейныя иглы, и куски матеріи и т. д., и т. д. Изъ металлическихъ монетъ тамъ обращается, главнымъ образомъ, австрійскій талеръ, который оцѣнивается въ 3.600 бусъ. Въ то же время талеръ служитъ вѣсовой единицей; почти во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ народы эіопскаго племени, всѣ товары взвѣшиваются на талеры. Талеръ или *талари* размѣняется также на болѣе мелкую монету, называемую *амуле*; она представляетъ собой ничто иное, какъ куски каменной соли. За одинъ *талари* можно получить отъ 8 до 15 *амуле*. Не слѣдуетъ забывать, что и *талари*, и *амуле* далеко не представляютъ собою денегъ въ нашемъ смыслѣ слова; они являются такими же единицами обмѣна, какъ и всѣ прочіе и съ ихъ помощью можно приобрести далеко не всегда и не всякій товаръ. Если, напримѣръ, кто-нибудь пожелаетъ въ Абиссиніи купить пшеницы, онъ долженъ прежде всего найти землевладѣльца, который можетъ продать ее, но землевладѣлецъ желаетъ, быть можетъ, получить въ обмѣнъ на нее не талеры, а рожь; въ такомъ случаѣ надо найти человѣка, который желалъ бы продать рожь; когда такой человѣкъ найденъ, оказывается, что онъ промѣняетъ свою рожь только на табакъ, и, наконецъ, быть можетъ, владѣлецъ табака соглашается обмѣнять его на талеры. И вотъ такимъ сложнымъ путемъ человѣкъ, имѣющій талеры, можетъ, наконецъ, получить пшеницу. Такія и подобныя неудобства при торговлѣ вызываетъ въ Абиссиніи отсутствіе общепринятой денежной единицы.

Такимъ образомъ Абиссинія представляетъ собой еще совершенно нецивилизованную страну, гдѣ и промышленность, и торговля носятъ самый первобытный характеръ и во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ древній Египетъ.

Базары у эіоповъ очень похожи на базары древняго Египта. На нихъ присутствуетъ чиновникъ, который по своимъ правамъ напоминаетъ «базарнаго старшину» кабиловъ. Но въ общемъ общественный строй у эіоповъ не имѣетъ ничего общаго съ республиканскою общиною кабиловъ. У нихъ, наоборотъ, господствуетъ вполне монархическое устройство. Король является неограниченнымъ государемъ. Ино-

странные купцы, вступающіе на его территорію, должны передать всѣ свои товары въ руки королевскихъ чиновниковъ, и король выбираетъ изъ нихъ, что пожелаетъ. Впрочемъ, за взятые товары онъ уплачиваетъ купцамъ ихъ стоимость.

III. Египетъ.

Относительно происхожденія египтянъ до сихъ поръ еще нельзя сказать ничего вполне опредѣленнаго. Прежняя гипотеза, считавшая египтянъ народомъ семитическаго племени, теперь почти совершенно оставлена. Знаменитѣйшій египтологъ Масперо тоже въ настоящее время отказался отъ мысли объ азіатскомъ происхожденіи египтянъ. И дѣйствительно, эта гипотеза не имѣетъ подъ собой никакого основанія. Сходство между египетскимъ языкомъ и семитическими нарѣчіямъ настолько отдаленное, что можетъ свидѣтельствовать только о позднѣйшихъ сношеніяхъ между этими народами. Съ другой стороны, физическій типъ египетской расы, переданный съ такимъ реализмомъ египетскими живописцами и особенно скульпторами, не представляетъ ни одной характерной черты сходства съ семитами. Наконецъ, древность существованія Египта, явившагося несомнѣнно первымъ цивилизованнымъ государствомъ на всемъ земномъ шарѣ, служить сама по себѣ доказательствомъ того, что скорѣе Египетъ могъ колонизовать другія страны, чѣмъ быть чьей бы то ни было колоніей.

Вопросъ о томъ, къ какой же эпохѣ можно хотя бы приблизительно отнести начало Египта, тоже еще нельзя считать рѣшеннымъ. Нижній Египетъ, какъ уже было сказано, возникъ въ сравнительно болѣе поздній геологическій періодъ, такъ какъ онъ не могъ существовать ранѣе, чѣмъ Нилъ пробилъ себѣ путь къ Средиземному морю. Слѣдовательно жизнь должна была сосредоточиться первоначально въ верхнемъ Египтѣ, гдѣ, вѣроятно, ливійцы сталкивались съ эоипскими племенами. Когда же началъ существовать собственно египетскій народъ? Самые древніе изъ сохранившихся до нашего времени памятниковъ считаютъ около 6 тысячелѣтій существованія, но они представляютъ собой произведенія очень совершеннаго искусства, которое могло быть только у народа, уже задолго до того начавшаго жить государственной жизнью. Масперо считаетъ, что до тѣхъ поръ должно было пройти отъ 40 до 50 вѣковъ, такимъ образомъ отъ времени возникновенія Египта до нашихъ дней прошло около 11 тысячелѣтій. По другимъ даннымъ получается срокъ значительно болѣе большой. Рядомъ со статуей Рамзеса II въ Мемфисѣ, на глубинѣ 39 футовъ найденъ сосудъ изъ красной глины. Статуя Рамзеса II сдѣлана въ 1361 г. до Р. Х.; съ того времени уровень почвы повысился на 9 футовъ четыре дюйма, слѣдовательно, при предположеніи, что почва въ этой мѣстности повышалась съ правильной постепенностью, можно

легко вычислить сколько вѣковъ тому назадъ былъ сдѣланъ глина-
ный сосудъ; а именно получается, что онъ пролежалъ подъ землею
около тринадцати съ половиною тысячелѣтій. Между тѣмъ современ-
ная этнографія учитъ насъ, что гончарное искусство изобрѣтается
обыкновенно далеко не изъ первыхъ и развивается очень медленно.
Такимъ образомъ надо предположить, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ
Мемфисъ люди жили за 15, 16 тысячелѣтій до нашего времени, а
можетъ быть, и больше. Это первобытное населеніе Египта жило въ
гротахъ и пещерахъ, остатки ихъ сохранялись въ Египтѣ еще въ
историческія времена; сохранялись тамъ также очень долгое время и
каменные орудія, не только изъ полированного, но и изъ неполиро-
ванного камня. Египетскіе бальзамировщики, напримѣръ, всегда вскры-
вали трупы каменными ножами; да и въ высшихъ слояхъ египетскаго
общества долго сохранялся обычай употреблять разныя древнія ору-
дія и оружія; во время охоты они употребляли такъ называемый бу-
мерангъ, который теперь можно встрѣтить, у австралійскихъ дикарей.

Какимъ образомъ Египетъ безъ всякой помощи извнѣ могъ выйти
изъ состоянія первобытнаго варварства? Этого мы не знаемъ. Какъ бы
далеко мы ни заглядывали въ глубь его исторіи, мы всегда нахо-
димъ государство уже сложившееся, цивилизованное, управляемое мо-
нархомъ, которому оказываются божескія почести и могущественной
теократіей. Внутри государства господствуютъ феодальныя отношенія.
Всякій египтянинъ долженъ зависѣть отъ когонибудь, находится
подъ чьимъ-нибудь покровительствомъ, иначе онъ — жалкій парія.
Низшій классъ населенія Египта представлялъ собой закрѣпощенную
массу, находящуюся въ полной, неограниченной зависимости отъ сво-
ихъ господъ. Всѣ работы, безъ исключенія, лежали на этомъ крѣпост-
номъ населеніи, при чемъ никто не могъ выбирать себѣ свободно
родъ занятій; они переходили неизмѣнно отъ отца къ сыну. Главная
масса населенія была занята земледѣліемъ, которое было сильно раз-
вито въ Египтѣ. На фрескахъ, украшающихъ могилы умершихъ,
двойники простолюдиновъ обоого пола изображаются постоянно за ка-
кими-нибудь земледѣльческими работами; они сѣютъ, жнутъ пахутъ
преимущественно на коровахъ, а иногда и на людяхъ и т. п. Въ до-
лині, орошаемой ежегодными разливами Нила, воздѣлывались рожь,
пшеница, виноградъ, финики, фиги, бананы, всѣ извѣстныя намъ
овощи и т. д. Налоги уплачивались тамъ, также какъ въ Перу, на-
турою — зерномъ, плодами и т. п., и почти никогда взысканіе податей
не обходилось безъ жестокихъ палочныхъ ударовъ.

Изъ домашнихъ животныхъ египтяне, повидимому, прежде всѣхъ
начали употреблять для работъ осла, который или произошелъ въ
Африкѣ, или очень рано акклиматизировался тамъ. Верблюды и ло-
шадь стали извѣстны гораздо позднѣе, и лошадь никогда не играла
тамъ роль рабочаго скота. Она главнымъ образомъ употреблялась во
время войны и запрягалась въ колесницы знатныхъ вельможъ.

Всѣ почти ремесла и искусства были извѣстны въ Египтѣ раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Египетъ былъ въ этомъ отношеніи великимъ разсадникомъ цивилизаціи. Оттуда уже разныя знанія и искусства были перенесены, съ одной стороны, въ Азію къ семитическимъ народамъ, съ другой—въ Грецію и въ Римъ.

И ткацкое, и гончарное, и красильное, и кузнечное, и столярное искусства достигли тамъ значительнаго совершенства, прежде чѣмъ стали извѣстны другимъ народамъ. Въ скульптурѣ и живописи египтяне тоже долгое время оставляли далеко за собой всѣхъ своихъ сосѣдей.

Всѣ эти ремесла и искусства выполнялись въ Египтѣ крѣпостнымъ населеніемъ, положеніе котораго было поистинѣ ужасно. Ремесленники работали вѣчно подъ палкой и зарабатывали, не смотря на свое искусство, такъ мало, что едва могли поддерживать существованіе впроголодь. Зато бунты рабочихъ составляли обычное явленіе въ Египтѣ.

Всего ужаснѣе было положеніе горныхъ рабочихъ. Туда назначали обыкновенно военноплѣнныхъ, преступниковъ и ихъ родственниковъ. Голодные, полуголые, день и ночь закованные въ цѣпи, работали эти несчастные подъ неумолкавшій свистъ кнута надзирателей-солдатъ. Солдаты не щадили ни стариковъ, ни больныхъ, ни женщинъ, ни дѣтей; слабые получали только двойную порцію ударовъ, чтобы заставить ихъ работать. Иногда имъ приходилось, кромѣ того, страдать отъ нападеній враговъ, такъ какъ копи въ Египтѣ находились главнымъ образомъ на границахъ страны.

Самые рудники устраивались въ Египтѣ гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ первобытныхъ странахъ; они представляли собой широкія и низкія подземныя галереи, поддерживаемыя мѣстами оставленными въ скалѣ столбами. Если жилы развѣтвлялись, отъ главныхъ галлерей прокладывались въ сторону поперечные корридоры; иногда они были такъ узки, что добывать изъ нихъ металлъ могли только маленькія дѣти. Иногда подземныя галереи проводились на глубинѣ 50, 60 метровъ. Въ этихъ рудникахъ добывалось золото, мѣдь и другіе металлы, а также различные драгоценные камни.

При такомъ сильномъ развитіи и добывающей, и обрабатывающей промышленности, торговля въ Египтѣ тоже должна была возникнуть очень рано. И дѣйствительно, въ періодъ процвѣтанія Египта мы находимъ тамъ чрезвычайно оживленную торговлю. Массы товаровъ стекались постоянно и по сухопутнымъ дорогамъ, и по Нилу въ большіе города. Большіе религіозные праздники почти всегда заканчивались ярмарками. На площадяхъ располагались крестьяне съ домашнимъ скотомъ и земледѣльческими продуктами; вдоль домовъ устраивались охотники съ дичью, рыбаки, горшечники и разные другіе мелкіе ремесленники. Тутъ царилъ величайшее оживленіе и шумъ; ни малѣйшая продажа не совершалась безъ продолжительнаго торгу.

Внѣшняя торговля возникла въ Египтѣ значительно позднѣе. Цѣ-

для тысячелѣтія Египетъ былъ недоступенъ для иностранцевъ. До Псаметиха чужеземные мореплаватели, случайно заплывавшіе въ Египетъ, предавались казни. Но какъ только иностранцамъ разрѣшено было пріѣзжать въ Египетъ, туда нахлынули цѣлыя массы ихъ. Амазисъ отвелъ грекамъ цѣлый городъ — Навкратисъ. Послѣ этого у Египта развилась оживленная внѣшняя торговля. По Нилу, по Средиземному и Черному морю плавали его корабли, вывозя свои товары въ разныя далекія страны, между тѣмъ какъ иностранные купцы везли въ Египетъ произведенія своихъ странъ. Египетъ вывозилъ главнымъ образомъ рожь, бумажныя, льняныя и шерстяныя ткани, стеклянную и глиняную посуду и лошадей. А получалъ онъ изъ Малой Азіи главнымъ образомъ строительный лѣсъ, такъ какъ въ Египтѣ ощущался въ немъ большой недостатокъ. По Красному морю въ Египетъ везли перламутръ, аметисты, изумруды, золото и разныя благовонія. Египетскіе корабли не отличались особенно совершеннымъ устройствомъ; они не умѣли строить спеціально морскихъ судовъ и пускали по морьямъ такія же барки, какія ходили по Нилу, товары на нихъ складывались просто на палубу. Несмотря на это, египтяне путешествовали въ нихъ и по Красному, и по всему Средиземному морю. Кромѣ того, и по сушѣ изъ Египта шли торговые пути въ разныя стороны. Съ дикими племенами, жившими по границамъ Египта въ Африкѣ, египтяне, впрочемъ, не завязывали правильныхъ торговыхъ сношеній; они предпочитали грабить ихъ, чѣмъ мирно торговать съ ними.

Съ теченіемъ времени внѣшняя торговля Египта достигла очень значительнаго развитія. Плиній рассказываетъ, что изъ Египта въ Индію по Красному морю и Индійскому океану отправлялись цѣлыя торговыя флотиліи до 120 судовъ. Такія путешествія занимали мѣсяцевъ 6, 7 и были сопряжены со всевозможными опасностями; суда должны были быть хорошо вооружены, такъ какъ морскія дороги были въ то время не безопаснѣе сухопутныхъ.

Такое оживленіе въ области промышленности и торговли предполагаетъ естественнымъ образомъ существованіе опредѣленныхъ единицъ мѣры и вѣса, опредѣленной денежной системы и опредѣленнаго торговаго законодательства.

Относительно системы вѣса и мѣры въ Египтѣ мы знаемъ очень немного. Извѣстно только, что мѣряли египтяне на локоть, который подраздѣлялся на 24 или 23 пальцевъ, а палець, въ свою очередь, дѣлился на три линіи.

Вѣсовая система дошла до насъ въ еще болѣе неполномъ видѣ. Между прочимъ, въ Египтѣ найдена базальтовая гиря, вѣсомъ въ 62½ грамма съ надписью 5. Очевидно, она представляла собой 5 вѣсовыхъ единицъ, по 12½ граммовъ каждая. Быть можетъ, это и есть тотъ самый *утенъ*, который такъ часто упоминается у египтянъ въ качествѣ вѣсовой единицы.

Что касается денежной системы, то она никогда не достигала въ Египтѣ полного единства. Крупныя продажи совершались обыкновенно тамъ при помощи слитковъ серебра и золота или золотыхъ колець.

На египетскихъ фрескахъ часто изображаются крупныя продажи зерна, за которыя уплачивается золотыми кольцами. Эти кольца представляли собой согнутыя въ видѣ буквы С полосы золота; при каждой покупкѣ онѣ взвѣшивались на вѣсахъ. Серебро цѣнилось также очень высоко въ Египтѣ; оно стоило три пятыхъ стоимости золота. Но еще большимъ распространеніемъ, чѣмъ золото и серебро, пользовалась въ Египтѣ мѣдь, особенно со времени четвертой династіи, когда она стала въ большихъ количествахъ добываться въ рудникахъ Синая. Вѣсовая и монетная единица мѣди называлась *утенъ*, этотъ *утенъ* чаще всего фигурировалъ въ Египтѣ при разнаго рода торговыхъ сдѣлкахъ. Рабочіе получали свою плату тоже утенами; такъ, напримѣръ, каменщики при постройкѣ одного храма получали по пяти утеновъ въ мѣсяцъ. Утенъ представлялъ собой квадратную пластинку мѣди опредѣленнаго вѣса.

Мѣдные утены и золотые слитки были одинаково неудобны при мелкихъ покупкахъ и поэтому въ Египтѣ еще съ самой отдаленной древности обращались фиктивные денежные знаки. Сначала они имѣли форму небольшихъ стеклянныхъ пластинокъ, на которыхъ написана была ихъ денежная стоимость; позднѣе они были замѣнены свинцовыми монетами. Звонкая монета, введенная Даріемъ во всѣ принадлежавшія ему страны, служила въ Египтѣ главнымъ образомъ для внѣшней торговли, внутри же страны почти совсѣмъ не привилась.

Обычай и законы египтянъ относительно кредита и высоты процентовъ отличались меньшей жестокостью и неумолимостью, чѣмъ въ другихъ государствахъ древности. Проценты съ капитала, занятаго на опредѣленный срокъ, ни въ какомъ случаѣ не могли превышать сумму капитала больше, чѣмъ вдвое. Кредиторъ могъ въ крайнемъ случаѣ овладѣть только имуществомъ должника, личность послѣдняго оставлялась для него неприкосновенною. Болѣе подробно долговое законодательство египтянъ не дошло до насъ.

IV. Развѣтіе торговли въ Египтѣ.

Вообще, для подробнаго и послѣдовательнаго изображенія торговли въ Египтѣ до сихъ поръ еще недостаточно данныхъ. Относительно первыхъ ступеней развѣтія торговли въ Египтѣ мы можемъ судить только по аналогіи съ другими странами. Въ тотъ періодъ, когда въ Египтѣ существовала еще первобытная республиканская община торговыхъ отношеній должны были складываться тамъ приблизительно такъ, какъ у кабиловъ. Позднѣе въ феодальномъ Египтѣ господствовали, вѣроятно, законы и обычаи, напоминающіе больше всего совре-

менную Абиссинію. Характерно то обстоятельство, что въ Египтѣ, также какъ въ Абиссиніи, вѣсовая и денежная единицы совпадали. Египетскій утенъ игралъ точно также двойную роль, какъ и абиссинскій талеръ.

Очень долгое время въ Египтѣ совѣмъ не существовало внѣшней торговли; промышленность его тогда носила чисто семейный характеръ. Зато позднѣе, когда Египетъ открылъ двери иностранцамъ, внѣшняя торговля его сразу развилась очень широко и промышленность въ значительной степени измѣнила свой типъ. Появился специальный классъ купцовъ, ремесленники же стали работать главнымъ образомъ на рынокъ.

Глава XIII.

Торговля у арабовъ и евреевъ.

I. Аравія до введенія ислама и бедуины.—Грабежи.—Первобытные караваны у арабовъ. Незначительность торговыхъ обмѣновъ у бедуиновъ.—Богатство въ періодъ пастушескаго быта.—Лошадиные паспорта.—Грабежи и торговля.—Обмѣнъ.—II. Караваны.—Конной каравановъ.—Торговля у огнепоклонниковъ.—Караваны въ Мекку.—III. Торговля послѣ введенія ислама.—Торговое значеніе Мекки.—Языкъ купцовъ.—Вліяніе ислама на торговлю.—Торговья соглашенія.—Грабежи и обмѣнъ.—Коранъ и торговля.—Запрещеніе сеудъ подъ проценты.—IV. Торговое законодательство ислама.—Правила относительно продажи.—Наказанія за мошенничество.—Незаконная прибыль.—Запрещеніе продажи.—Торговля рабами.—Религіозныя запрещенія.—V. Арабскія деньги.—Иностранное происхожденіе арабскихъ денегъ.—VI. Евреи; земледѣліе и промышленность у нихъ.—Троглодиты, хананеяне и евреи.—Промышленность у хананеянъ.—Земледѣліе и пастушескій бытъ евреевъ.—Дойныя животныя.—Посѣвы.—Культура плодовыхъ деревьевъ и винограда.—Промышленность у евреевъ.—Металлическія издѣлія.—Тканье.—Керамика.—VII. Торговля.—Презрѣніе къ торговлѣ.—Соломонъ и торговля.—Вѣсы и мѣры.—Дороги.—Запрещеніе сеудъ подъ проценты.—VIII. Торговый духъ арабовъ и евреевъ.—Кочевая жизнь и торговля.—Страсть къ разбоємъ.—Спекуляціи.—Сношенія съ иностранцами.—Слѣдствія расселенія евреевъ.

I. Аравія до введенія ислама и бедуины.

Весьма возможно, что когда-нибудь въ давно минувшую эпоху берберская и семитическая расы были слиты въ одну; но съ того времени, какъ о нихъ имѣются какія-нибудь данныя, онѣ всегда жили отдѣльно, одна—въ Африкѣ, другая въ Азіи и не представляли между собой никакихъ характерныхъ чертъ сходства. Поэтому, несравненно удобнѣе изучать ихъ исторію совершенно отдѣльно. Семиты распадутся на двѣ главныхъ вѣтви — арабовъ и евреевъ; но и арабы въ теченіе своей исторіи настолько измѣнились, что нельзя изображать положеніе торговли у арабовъ вообще; прежде всего мы должны обратиться къ арабамъ до введенія ислама и къ кочую-

щимъ бедуинамъ, которые и послѣ ислама мало въ чемъ измѣнили свой образъ жизни.

Въ поэмѣ «Антаръ» о торговлѣ, исключая торговли рабами, совсѣмъ не упоминается. Когда одно племя желаетъ завладѣть имуществомъ другого, его верблюдами, лошадьми, стадами, припасами и т. п., оно никогда не помышляетъ о мирномъ обмѣнѣ, а пытается захватить все силою, и, если удастся, увести заодно плѣнниковъ и плѣнницъ. Особенно охотно брали въ плѣнъ женщинъ и обращали ихъ въ рабство, или продавали богатымъ арабамъ. Съ мужчинъ, взятыхъ въ плѣнъ, арабы пытались взять какой-нибудь выкупъ. Поэтому плѣнники всегда старались прикидываться нищими. «Я хорошо знаю,—говоритъ Уакидъ въ поэмѣ «Антаръ»,—и кто этого не знаетъ?—что арабы, взятые въ плѣнъ, имѣютъ обыкновеніе говорить, что они бѣдны и не имѣютъ стада. Да, да, желѣзо еще не разорвало въ куски ваше тѣло и не полило земли вашей кровью. Но, клянусь вѣрой арабовъ! если вы не пообѣщаете мнѣ богатый выкупъ, если вы не поспѣшите доставить мнѣ лучшія головы скота, клянусь, я лишу васъ жизни всѣхъ до послѣдняго». Изъ этого отрывка видно, между прочимъ, что скотъ считался главнымъ богатствомъ арабовъ. Но благодаря воинственному, чтобъ не сказать разбойничьему, правамъ, господствовавшему среди нихъ, ни одинъ арабъ не могъ никогда считать себя и свое имущество въ безопасности даже въ теченіе однихъ сутокъ.

Несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было упоминаній о торговлѣ въ поэмѣ «Антаръ», нельзя думать, чтобы торговля была совершенно неизвѣстна древнимъ арабамъ. Напротивъ, древніе авторы—Діодоръ и Страбонъ, говоря объ Аравіи, всегда описываютъ многочисленные торговые караваны, путешествующіе по ней изъ конца въ конецъ; они перевозили товары, идущіе изъ Индіи, и снабжали провизіей жителей Тира.

Современные бедуины, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые не превратились въ пригородныхъ жителей, торгующихъ молокомъ, масломъ и скотомъ, ведутъ совершенно такой же образъ жизни, какъ ихъ отдаленные предки. Они отказываются продавать молоко, но охотно предлагаютъ его даромъ. Вообще, гостепріимство—ихъ главная добродѣтель. Разориться ради гостя считается большой честью. Въ то же время грабежи и разбои составляютъ самое обычное явленіе. Въ одинъ день человѣкъ можетъ потерять все, что имѣлъ или, напротивъ, сильно разбогатѣть. Все богатство бедуиновъ заключается въ ихъ скотѣ, главнымъ образомъ въ верблюдахъ и лошадяхъ. Не имѣя верблюда, бедуинъ совсѣмъ не можетъ существовать; при десяти верблюдахъ онъ еще бѣденъ; тридцать или сорокъ верблюдовъ доставляютъ ему возможность существовать безъ особыхъ лишеній. Кто имѣетъ болѣе шестидесяти считается уже богатымъ. Нѣкоторые богачи имѣютъ иногда

по 200, 300 штукъ верблюдовъ. Впрочемъ, надо сказать, что образъ жизни арабовъ даже при такомъ богатствѣ ни въ чемъ существенномъ не измѣняется. Такіе необходимые предметы, какъ ячмень и пшеницу и одежды для женъ и дѣтей, они должны добывать въ обмѣнъ на масло; но по большей части это сопряжено съ большими трудностями и они предпочитаютъ приобретать все необходимое вооруженной рукой, тѣмъ болѣе, что разбойническіе набѣги не только считаются у нихъ вполне позволительными, но даже приносятъ честь и славу. Послѣ удачнаго похода добыча, подразумеваемая тутъ и плѣнницъ, дѣлится между всѣми участниками, послѣ того какъ пятая часть ея, какъ требуетъ Коранъ, отдѣляется для Бога; она идетъ на потребности культа, на бѣдныхъ и на путешественниковъ.

Нѣкоторые изъ этихъ арабовъ занимаются также земледѣліемъ, но исключительно для собственного потребленія, а не на продажу; такія осѣдлыя племена нуждаются, конечно, въ большемъ количествѣ разныхъ предметовъ, которыхъ они сами не умѣютъ выдѣлывать, поэтому имъ нужно имѣть больше продуктовъ, которые они могли бы продавать и обмѣнивать. Кромѣ торговли молокомъ и масломъ, они занимаются еще часто воспитаніемъ лошадей, которыхъ они продаютъ потомъ за очень высокую цѣну. Стоимость чистокровной арабской лошади колеблется отъ 12 до 50 тысячъ франковъ на европейскія деньги, Владецы такихъ лошадей тщательно записываютъ ихъ генеалогію и знаютъ ее иногда до пятого или шестого поколѣнія. Каждая такая лошадь имѣетъ нѣчто въ родѣ своего паспорта, дощечку, гдѣ записано ея имя, время и мѣсто ея рожденія и списокъ всѣхъ ея извѣстныхъ предковъ. Кобылы цѣнятся при продажѣ выше коней, вслѣдствіе нѣкоторыхъ ихъ специальныхъ особенностей. Между прочимъ, арабы замѣчаютъ, что онѣ совсѣмъ не ржутъ, что чрезвычайно важно при разбойничьихъ нападеніяхъ. Дромадеры, особенно одна ихъ порода—мелкая и быстроходная, цѣнятся тоже довольно высоко. Хорошаго дромадера нельзя купить меньше, чѣмъ за 2.000 франковъ.

Кочующіе арабы имѣютъ очень мало предметовъ для обмѣна; они торгуютъ преимущественно своей добычей; при разбояхъ и грабежахъ въ ихъ руки сплошь и рядомъ попадаютъ предметы, цѣнности которыхъ они совершенно не знаютъ и не умѣютъ употреблять. Легенда о томъ, какъ бедуинка начала варить попавшія къ ней жемчужныя зерна, принявъ ихъ за рисъ,—имѣетъ во всякомъ случаѣ вполне правильное символическое значеніе.

Очень рѣдко арабы ѣздятъ въ другія страны за товарами, чтобы потомъ перепродавать ихъ; они предпочитаютъ торговать тѣмъ, что имѣютъ сами—масломъ, сыромъ, финиками и финиковыми пальмами. Эти послѣднія играютъ у нихъ даже часто роль единицъ обмѣна, по крайней мѣрѣ другія деревья и другіе плоды оцѣниваются у нихъ обыкновенно по сравненію съ финиковыми пальмами и финиками. Въ

обмѣнъ на эти продукты, они получаютъ въ городахъ полотно, сукно, шелкъ, оружіе, мыло, табакъ, сахаръ, кофе, земледѣльческія орудія, если они въ нихъ нуждаются, однимъ словомъ, все, что они не умѣютъ сдѣлать сами. Вся эта торговля совершается путемъ непосредственнаго обмѣна. Только профессиональные купцы-арабы прибѣгаютъ при торговыхъ сдѣлкахъ къ помощи денегъ.

Торговля, и именно караванная торговля.—это единственное занятіе, которое пробуждаетъ арабовъ отъ ихъ обычной апатіи. Вообще арабы лѣнны, бездѣтельны и презираютъ всѣ виды труда. Караваны же съ незапамятныхъ временъ устраивались и провозжались арабами. Въ древности арабы знали свою страну гораздо лучше, чѣмъ теперь, и безъ труда провозжали по ней изъ конца въ конецъ караваны и своихъ и чужестранныхъ купцовъ, провозившихъ черезъ Аравію разные товары изъ другихъ странъ. Изъ Индіи многочисленные караваны везли драгоценныя камни, пряности, благовонія и золото. Изъ страны огнепоклонниковъ арабскіе купцы вывозили смирну, которая покупалась тамъ съ соблюденіемъ особаго ритуала. Всякій желающій продать смирну или ладанъ, приносилъ ихъ въ храмъ Солнца и ставилъ тамъ, прикрѣпивъ къ сосудамъ, въ которыхъ они хранились, дощечки, съ надписью, какое въ нихъ количество смирны и ладана и по какой цѣнѣ ихъ желаютъ продать. Купцы клали около каждаго сосуда обозначенную на дощечкѣ плату, а вооруженные люди охраняли въ это время драгоценныя товары. Наконецъ, приходилъ жрецъ, отдѣлялъ третью предложенной купцами платы на храмъ, и торгъ считался законченнымъ.

II. Караваны.

И въ наши дни, также какъ и въ древности, караваны не могутъ обойтись безъ бедуиновъ; бедуины снабжаютъ ихъ верблюдами и провозжаютъ ихъ по своей странѣ. До самаго послѣдняго времени караваны пилигримовъ, идущіе ежегодно въ Мекку, организуются совершенно такъ же, какъ и нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Одинъ изъ этихъ каравановъ отправляется каждый годъ въ опредѣленный срокъ изъ Каира, другой изъ Дамаска. Начальникъ каравана требуетъ необходимое количество верблюдовъ, но онъ же по обычаю щедро вознаграждаетъ за нихъ; онъ даритъ проводникамъ бурнусы, головные уборы, полотняныя и кашемировыя рубашки, оружіе и т. п.

Обыкновенно эти религіозные караваны бываютъ въ то же время и торговыми. Къ нимъ присоединяется много купцовъ даже изъ очень отдаленныхъ мѣстностей. Всѣ такіе караваны подвергаются опасностямъ. Такъ, караваны, направляющіеся изъ Каира, въ прежнее время часто подвергались разбойничьимъ нападеніямъ при переходѣ черезъ Суэзскій перешеекъ. А въ пустынѣ сами проводники часто злоупотребляютъ довѣріемъ хозяевъ каравана и пользуются въ своихъ видахъ

ихъ незнакомствомъ съ мѣстностью. Такъ, напримѣръ, имъ выгодно, чтобы въ дорогѣ пало возможно больше вьючнаго скота, такъ какъ, по обычаю, вьюки съ павшихъ лошадей и верблюдовъ достаются проводникамъ. Поэтому часто, когда запасъ воды въ караванѣ истощается, они намѣренно обходятъ извѣстные имъ источники, чтобы животныя умирали отъ жажды. Они дѣлаютъ это иногда даже несмотря на то, что верблюды эти принадлежать имъ же,—стоимость нагруженныхъ товаровъ по большей части превышаетъ стоимость самихъ животныхъ.

III. Торговля послѣ введенія ислама.

Священный городъ Мекка является въ то же время крупнымъ торговымъ центромъ. Жители ея вообще очень богаты и заняты главнымъ образомъ торговлей; промышленность же, наоборотъ, развита тамъ крайне мало; во всемъ городѣ едва-едва можно найти нѣсколько гончарныхъ и красильныхъ мастерскихъ. Всѣ предметы потребленія жители Мекки получаютъ отъ иностранныхъ купцовъ—изъ Индіи, изъ Іемена, изъ Неджена и т. д. Обыкновенно посредниками между купцами разныхъ національностей служатъ индѣйцы. Но, чтобы избѣжать ихъ излишняго любопытства и болтливости, купцы изобрѣли цѣлый языкъ жестовъ, который позволяетъ имъ избѣгать въ важныхъ случаяхъ участія посредниковъ. Такъ, они берутся за руки подъ широкимъ рукавомъ или прикрывъ руки полою плаща и шевеля условнымъ образомъ пальцами, показываютъ, какую сумму согласны дать за товаръ или за сколько согласны уступить его. Вѣроятно, этотъ обычай ведетъ свое начало еще съ очень давнихъ поръ. Каррери описывалъ его еще въ началѣ прошлаго вѣка.

Мекка была торговымъ городомъ и до Магомета, онъ посѣщалъ ее нѣсколько разъ еще не бывши пророкомъ. Торжество ислама, съ своей стороны, скорѣе содѣйствовало, чѣмъ препятствовало развитію торговли въ побѣжденных имъ странахъ. Побѣдители, по большей части, ограничивались тѣмъ, что налагали на покоренныхъ извѣстныя контрибуціи, но не мѣшали развитію ихъ промышленности. Въ сѣверной Африкѣ земледѣліе и промышленность даже развились подъ арабскимъ владычествомъ.

Торговля отношенія между Европой и мусульманскими странами не прекратились и послѣ крестовыхъ походовъ, они только нѣсколько утратили свою оживленность. Послѣ крестовыхъ походовъ средиземные купцы заключили торговые договоры съ африканскими государствами. Европейскіе консулы получили право разъ въ мѣсяцъ присутствовать при разборѣ дѣлъ султаномъ и защищать интересы своихъ единоплеменниковъ. Нападенія на суда дружественныхъ націй были запрещены; изданы даже постановленія для охраны потерпѣвшихъ кораблекрушеніе.

Обширныя завоеванія арабовъ и богатая добыча, попадавшая въ ихъ руки, естественнымъ образомъ развивала въ нихъ склонность къ торговлѣ. Даже до Магомета удачныя разбойничьи набѣги арабовъ вызывали постоянныя обмѣны послѣ дѣлежа добычи между побѣдителями.

Магометъ, хотя самъ былъ раньше купцомъ, почти ничего не говоритъ о торговлѣ, по крайней мѣрѣ прямо. Онъ даетъ только нѣкоторыя общія предписанія, касающіяся вѣрности своему слову и честности при заключеніи разнаго рода сдѣлокъ. «Когда вы мѣрите, — говоритъ онъ, — наполняйте до краевъ мѣрку, взвѣшивайте на правильныхъ вѣсахъ». Съ особенной строгостью пророкъ осуждаетъ взиманіе процентовъ. «О, вѣрные! — восклицаетъ онъ, — не занимайтесь ростовщичествомъ, все повышая и повышая проценты» — «Тотъ, кто пользуется барышемъ отъ ростовщичества, возстанетъ въ день воскресенія, какъ тотъ кого сатана запятналъ своимъ прикосновеніемъ». «Богъ истребитъ барыши ростовщиковъ, а дававшіе милостыню соберутъ богатую жатву». Всѣ эти запрещенія показываютъ, что духъ спекуляціи не былъ въ тѣ времена чуждъ арабамъ, иначе не приходилось бы съ такой строгостью бороться съ нимъ. И несмотря на явное неодобреніе Корана, эта склонность къ коммерческимъ спекуляціямъ сильно развилась въ торжествующемъ исламѣ. Но магометанское законодательство все же сохранило на себѣ нѣкоторое вліяніе священной книги. Въ немъ мы встрѣчаемъ рядъ постановленій и запрещеній, которыя отсутствуютъ въ кодексахъ наиболѣе цивилизованныхъ націй.

IV. Торговое законодательство ислама.

Торговая сдѣлка признается законной только въ томъ случаѣ, когда намѣреніе обѣихъ сторонъ заключить ее не подлежитъ сомнѣнію. Но если одинъ изъ совершавшихъ сдѣлку поклянется, что онъ имѣлъ въ виду иныя условія и согласился, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, на что идетъ, сдѣлка считается недействительной.

Запрещаются всѣ виды торговыхъ сдѣлокъ, покрывающихъ собой прибыльныя коммерческія операціи, такъ, напримѣръ, продажи, маскирующія ссуды подъ залогъ и т. п.

Всякій предметъ, проданный или купленный путемъ обмана, отбрасывается на дѣла благотворительности, если покупатель имѣлъ въ виду перепродать его вновь. При вторичной попыткѣ продавать или покупать мошенническимъ образомъ, мошенникъ наказывается палочными ударами или изгнаніемъ съ базара.

Продавать предметы первой необходимости съ цѣлью извлекать барыши не разрѣшается. Подъ предметами первой необходимости понимается молоко, зерно, мука, хлѣбъ и т. п. Впрочемъ, обмѣнивать ихъ другъ на друга допускается, но только при томъ условіи, что ни одна изъ сторонъ не извлекаетъ изъ этого выгоды. Продажа благо-

родныхъ металловъ тоже обставлена многими услоіями, не соблюденіе которыхъ уничтожаетъ сдѣлку.

По отношенію къ другимъ предметамъ, которыми всякій имѣетъ право торговать, существуетъ тоже рядъ постановленій, ограждающихъ слишкомъ довѣрчиваго покупателя отъ обмана. Такъ, разрѣшается продавать что бы то ни было только при томъ условіи, чтобы покупатель видѣлъ самъ покупаемый товаръ. Если товаръ такого рода, что осматривать его цѣликомъ неудобно, то допускается продавать, показавши только образчикъ. Конечно, если окажется, что товаръ не вполне сходенъ съ образцомъ, сдѣлка считается недѣйствительной. Сдѣлка, заключенная слѣпымъ, всегда можетъ быть уничтожена, такъ какъ онъ не имѣетъ возможности оградить себя отъ обмана.

Торговля рабами допускается мусульманскимъ законодательствомъ, хотя и съ довольно существенными ограниченіями. Запрещается продавать мусульманина какого бы то ни было возраста невѣрному; такая продажа приравнивается къ продажѣ корана или священныхъ книгъ и строго карается. Но и неправовѣрнаго раба тоже нельзя продавать не мусульманину, если рабъ еще въ такомъ возрастѣ, что можно надѣяться обратить его въ истинную вѣру. Ни при какихъ условіяхъ нельзя разлучать мать съ ребенкомъ, раньше чѣмъ у него выростутъ вторые зубы. Продавать беременныхъ женщинъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшается. Если у купленнаго раба обнаружатся какія-нибудь скрытыя продавцомъ болѣзни, пороки или уродства, продажа признается недѣйствительной и прежній владѣлецъ долженъ взять обратно свою собственность.

Кромѣ всѣхъ этихъ постановленій, мусульманская религія запрещаетъ торговать такъ называемыми нечистыми предметами, нечистыми животными, или мясомъ животныхъ, убитыхъ не по правиламъ культа. Она запрещаетъ также продавать такіе предметы, изъ которыхъ невѣрный можетъ сдѣлать нечестивое или незаконное употребленіе. Нельзя, напримѣръ, продавать не мусульманину виноградъ для приготовленія вина, нельзя даже продать ему дерево, если онъ намѣревается сдѣлать изъ него крестъ.

Конечно, многія изъ этихъ запрещеній теперь уже совершенно утратили свой смыслъ, но нельзя отрицать, что, создавая ихъ, законодатель ставилъ соображенія нравственнаго характера значительно выше матеріальныхъ интересовъ.

У. Арабскія деньги.

Въ какую эпоху начали арабы чеканить металлическія монеты въ точности неизвѣстно. Конечно, не раньше того времени, когда они приняли рядъ завоеваній и покорили страны съ установившейся уже денежной системой. Бедуины и до нашихъ дней не пользуются денеж-

ными знаками при своихъ обмѣнахъ. Въ Курдистанѣ, наоборотъ, обращаются всевозможныя деньги: и персидскія, и греческія, и древнеримскія и т. д. Въ древности нѣкоторые налоги и подати, налагаемые магометанскимъ законодательствомъ, взимались опредѣленными денежными знаками—динаріями, но стоимость ихъ осталась намъ неизвѣстной.

На нѣкоторыхъ древне-арабскихъ монетахъ написано извѣстное магометанское изреченіе: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и т. д.», на другихъ, напротивъ, встрѣчается изображеніе креста. Очевидно, эти послѣднія монеты относятся къ тому времени, когда крестъ не считался специально христіанскимъ символомъ и былъ распространенъ по всему Востоку и сѣверной Африкѣ. Вообще, надо сказать, что до эпохи завоеваній арабы не имѣли общераспространенной денежной единицы.

VI. Евреи. Ихъ земледѣліе и промышленность.

О происхожденіи евреевъ много было писано. Вѣроятноѣ всего они представляютъ собой одно изъ арабскихъ племенъ, жившихъ первоначально въ сѣверной части Арабскаго полуострова. Въ Палестинѣ они поселились, какъ повѣствуетъ Библія, покоривъ и уничтоживъ жившихъ тамъ ранѣе хананеянъ. Но и эти хананеяне не были, повидимому, древнѣйшимъ населеніемъ Палестины. Ранѣе ихъ тамъ жило какое-то совершенно неизвѣстное племя троглодитовъ, обитавшихъ какъ и Африканскіе Берберы, въ пещерахъ.

Хананеяне въ эпоху покоренія ихъ евреями достигли уже довольно высокой ступени цивилизаціи. Они жили въ большихъ городахъ, обрабатывали землю, одѣвались въ роскошныя одежды, употребляли драгоценныя украшенія и всевозможное оружіе. У нихъ были морскіе порты, и корабли ихъ доходили до Египта. По языку они были родственны съ Финикійцами, а слѣдовательно, и съ евреями.

Ихъ покорители—евреи, напротивъ, переживали еще тогда самыя первобытныя фазисы культуры, они находились въ періодѣ кочевого, пастушескаго быта. Послѣ побѣды надъ хананеянами евреи сразу стали обладателями всѣхъ тѣхъ сторонъ цивилизаціи, которыя обыкновенно являются плодомъ многовѣковой работы народа. Они получили въ свое распоряженіе богатые, примышленные города, засѣяныя поля и виноградники и должны были только продолжать начатое и созданное побѣжденными. Они, дѣйствительно, сразу перешли къ осѣдлой, земледѣльческой жизни, хотя привычки кочевого быта еще долго сказывались у нихъ. Стада продолжали играть первенствующую роль въ ихъ хозяйствѣ, и они считали свое богатство не количествомъ распаханныхъ земель и виноградниковъ, а количествомъ стадъ скота.

Изъ домашнихъ животныхъ евреи цѣнили всего выше, судя по заповѣдямъ, вола и осла. Лошадь стала имъ извѣстна позднѣе; они

окончательно освоились съ ней только при Соломонѣ, который, какъ могущественный царь, не могъ обойтись безъ конницы. Но рабочимъ скотомъ оставались по прежнему волъ и оселъ, о чемъ можно судить по встрѣчающемуся во Второзаконіи запрещенію впрягать ихъ въ одно ярмо.

Приемы обработки земли евреи отчасти заимствовали у хананеянъ, отчасти же вывели изъ Египта. Такъ, у нихъ нѣкоторое время сохранялся египетскій обычай не сѣять зерна, а сажать ихъ каждое отдѣльно, — обычай, составляющій собственно характерную особенность китайскаго земледѣлія. Кромѣ хлѣбныхъ растений, евреи занимались воздѣлываніемъ винограда, оливъ и пальмъ.

Еврейская промышленность тоже не носила самобытнаго характера; она была заимствована ими у разныхъ народовъ, съ которыми они приходили въ соприкосновеніе. Они получали изъ чужихъ странъ золото, серебро, мѣдь, и желѣзо, и умѣли обрабатывать ихъ,

Такакое искусство тоже было извѣстно имъ, хотя было мало развито и находилось еще исключительно въ рукахъ женщинъ. Женщины пряли шерсть, ленъ а позднѣе и хлопчатую бумагу, ткали изъ нихъ матеріи и шили одежды себѣ и своимъ мужьямъ и братьямъ.

Въ важныхъ случаяхъ еврейскіе цари прибѣгали обыкновенно къ помощи иностранныхъ мастеровъ, такъ какъ свои не отличались особымъ искусствомъ и опытностью. Собираясь строить дворецъ, Давидъ посылаетъ къ финикійскому царю Хираму, прося прислать ему рабочихъ. Съ подобной же просьбою обращается и Соломонъ къ царю Тира.

Такое незначительное развитіе промышленности естественнымъ образомъ не могло вызвать особенно сильнаго расцвѣта торговли. Способность къ торговлѣ, какою отличаются всѣ народы семитическаго племени, оставалась еще подъ спудомъ у евреевъ; она проявилась много позднѣе, когда евреи были изгнаны изъ своего отечества, когда ихъ преслѣдовали и гнали поочередно христіане и магометане.

VII. Торговля.

Вотъ что говоритъ Іосифъ Флавій по поводу торговли у евреевъ: «Такъ какъ страна наша удалена отъ моря, мы не занимаемся торговлей и не заводимъ сношеній съ другими народами. Мы довольствуемся тѣмъ, что обрабатываемъ наши неплодородныя земли и стараемся хорошо воспитывать своихъ дѣтей». Пророки, съ своей стороны, относятся очень недоброжелательно къ людямъ, занимающимся торговыми дѣлами: «Купецъ держитъ въ рукахъ фальшивыя вѣсы, — говоритъ Осія, — онъ любитъ мошенничать». Только при Соломонѣ Іудея завязала торговыя сношенія съ другими странами. До тѣхъ же поръ она довольствовалась незначительнымъ внутреннимъ обмѣномъ.

Въ Библии встрѣчаются нѣкоторыя указанія на это: «Употребляй

правильные вѣсы, — говорится тамъ, — и правильныя каменные гири». Эти вѣсы и гири были, очевидно, заимствованы евреями у египтянъ. Единицы мѣры были тамъ тоже египетскія — палець, равнявшійся семи зернамъ овса и локоть, составлявшій двадцать шесть пальцевъ.

Металлическія деньги вошли въ употребленіе у евреевъ только со временъ Маккавеевъ и любопытно, что эти первобытныя еврейскія монеты тоже носили на себѣ изображеніе креста. Обыкновенной же единицей обмѣна у евреевъ служили слитки металловъ, ихъ взвѣшивали и дѣлили при всякой продажѣ; поэтому слово «платить» очень часто замѣнялось въ еврейскомъ языкѣ словомъ «вѣсить».

Пути сообщенія были сравнительно въ хорошемъ состояніи въ Іудеѣ; важнѣйшія изъ дорогъ носили даже названіе царскихъ, такъ какъ еврейскіе цари брали ихъ подъ свое особое попеченіе. Но, несмотря на это благопріятное условіе, Іудея была страной съ очень слабо развитой торговлей. Относительно кредитныхъ операцій, существовавшихъ въ Іудеѣ, мы находимъ тоже рядъ указаній въ Библіи. Библія положительно запрещаетъ давать ссуды подъ проценты или подъ залогъ предметовъ первой необходимости: «Если дашь деньги взаймы бѣдному изъ народа Моего, то не притѣсняй его и не налагай на него роста. Если возьмешь въ залогъ одежду ближняго твоего, до захожденія солнца возврати ее. Ибо она есть единственный покровъ его; она одѣяніе тѣла его; въ чемъ будетъ онъ спать? Итакъ, когда онъ возопіетъ ко Мнѣ, Я услышу; ибо я милосердъ» (Исходъ, XXIII, 25 — 28). «Никто не долженъ брать въ залогъ верхняго и нижняго жернова, ибо таковой беретъ въ залогъ душу» (Второзак. XXIV, 6). Такого рода постановленія дѣлають честь Израилю, хотя не надо забывать, что всѣ они имѣють силу только по отношенію къ единоплеменникамъ; къ чужестранцамъ примѣняется иного рода мѣрка. «Не отдавай въ ростъ брату твоему ни серебра, ни хлѣба, ни чего либо-другого, что можно отдавать въ ростъ. *Иноземцу* отдавай въ ростъ, а брату твоему не отдавай въ ростъ» (Второзак. XXIII, 19, 20). Слово *ростъ* въ данномъ случаѣ означаетъ просто проценты, такъ какъ всѣ законодательства древности, въ томъ числѣ и Библія, не различали ростовщическихъ процентовъ отъ обыкновенныхъ.

VIII. Торговый духъ арабовъ и евреевъ.

Начало и ростъ торговли въ Аравіи и Іудеѣ имѣетъ особый интересъ для социологіи, такъ какъ семитическая раса первая по времени стала спеціально заниматься торговлей. Повидимому, склонность къ торговлѣ лежитъ у нея въ крови, такъ какъ съ перваго взгляда по крайней мѣрѣ трудно указать причину развитія этой склонности у народовъ семитическаго племени. Кочевая жизнь сама по себѣ способствуетъ, должно быть, проявленію стяжательныхъ инстинктовъ. Иску-

шеніе слишкомъ часто представляется имъ. Жажда захватывать чужую собственность незамѣтнымъ образомъ просыпается у проводниковъ каравановъ.

Какъ бы далеко мы ни заглядывали въ глубь исторіи арабовъ, мы всегда находимъ у нихъ это стремленіе завладѣвать чужою собственностью и завладѣвать не съ помощью мирнаго обмѣна, а путемъ грабежа, разбоя. Начало еврейской исторіи ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ исторіи арабовъ, Съ другой стороны, инстинкты бережливости и скупости не находятъ себѣ простора при такой жизни. Веречъ свое богатство, пріобрѣтенное, быть можетъ, за одинъ удачный набѣгъ, не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ и потерять его можно также въ одинъ день.

Совершенно справедливо отмѣчаютъ, что склонность къ грабежамъ и разбоямъ почти всегда существуетъ бокъ о бокъ съ широкимъ гостепріимствомъ и щедростью. Исторія семитическихъ народовъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ этого.

Съ переходомъ отъ кочевого быта къ осѣдлому набѣги и грабежи становятся все менѣе удобными; приходится искать иныхъ способовъ обогащенія. На смѣну имъ являются разнаго рода торговые обороты и финансовыя операціи: ссуды подъ залогъ, подъ проценты и т. п. Вѣроятно, у кочующихъ арабовъ соплеменники охотно давали въ долгъ другъ другу, не помышляя о процентахъ; но въ Іудеѣ мы находимъ уже нѣсколько иные обычаи. Положимъ, ссуды безъ процентовъ сохраняются еще тамъ отъ древнихъ временъ; но рядомъ съ этимъ развивается, очевидно, и ростовщичество, такъ какъ иначе законодателю не пришлось бы упоминать о немъ и запрещать его по отношенію къ единоплеменникамъ. На чужестранца же священная книга продолжаетъ еще смотрѣть какъ на врага и на его имущество отчасти какъ на законную добычу.

Когда Іудея была уничтожена, евреи, разсѣянные чуть не по всему земному шару, уже носили въ себѣ инстинктивную склонность къ коммерческимъ и финансовымъ операціямъ. Жестокія преслѣдованія, которыми они подвергались всюду, куда заносила ихъ судьба, только развивали эту склонность и развивали, конечно, въ нежелательномъ направленіи.

Глава XIV.

Торговля въ Месопотаміи и Финикіи.

I. Ассиро-халдейская страна.—Ассиро-халдейскія цивилизаціи.—Ихъ происхожденіе.—Каменный вѣкъ.—Остроумная система орошенія.—Развитіе земледѣлія и чрезвычайное плодородіе.—Первобытныя суда.—Мелкая культура.—Распредѣленіе собственности.—Способы наймовъ.—Семейная обработка земли.—Передача земельной собственности.—Домашнія животныя.—Промышленность и торговля.—Корпорация.—Улучшеніе продуктовъ производства.—Денежныя слитки.—Серебряныя и золотыя кольца.—Торговля путемъ обмѣна.—Страсть къ наживѣ.—Громадныя проценты.—Ссуды.—Внѣшняя торговля и сопряженныя съ ней опасности.—Внутренняя торговля.—Денежныя знаки.—Дороги и торговое движеніе.—II. Финикія.—Первобытное населеніе Финикіи.—Гавани.—Финикійскіе корабли.—Круглые и длинныя корабли.—Смѣлое мореплаваніе.—Подражательная промышленность.—Пурпуръ.—Стекло.—Мегалитическая архитектура.—Морскіе разбои и торговля.—Рынки и торговые договоры.—Колоніи.—Картегенъ и его торговля.—Способы обмѣна.—Испанскія кони и ихъ разработка.—Печальная участь рудокоповъ.—Повднее знакомство съ металлическими деньгами и причина этого.—Бумажныя деньги.—III. Развитіе торговли у семитовъ.—Происхожденіе ихъ страсти къ торговлѣ.—Матеріальное благополучіе и умственная скудость.

I. Ассиро-халдейская страна.

Изъ всѣхъ народовъ семитическаго племени арабы занимаютъ самую низшую ступень цивилизаціи. Бедуины и до сихъ поръ не вышли еще изъ кочевого быта и не сумѣли создать себѣ своего самостоятельнаго государства. Евреи въ этомъ отношеніи значительно опередили ихъ; они жили уже государственной жизнью, хотя жизнь эта была въ значительной степени не ими создана, а получена въ готовомъ видѣ. Цивилизація ихъ не самобытна.

Совершенно иную картину представляетъ собой исторія третьей отрасли семитическаго племени—ассиро-халдейцевъ. Этотъ народъ сумѣлъ создать себѣ свою особую и очень высоко стоящую цивилизацію. Конечно, ее нельзя считать вполне и безусловно самобытной, такъ какъ многіе элементы ея были заимствованы все у того же великаго учителя древняго міра—Египта. Но послѣ Египта Ассиро-халдеи по праву занимаетъ второе мѣсто.

Отдаленное начало ассиро-халдейской исторіи точно также ускользаетъ отъ насъ, какъ и начало исторіи Египта. Не рискуя впасть въ ошибку, можно предположить, что до перехода къ осѣдлой государственной жизни ассиро-халдейцы вели такой же, приблизительно, образъ жизни, какъ современные кочующіе бедуины. Этому кочевому быту предшествовалъ несомнѣнно бытъ пещерный. Можно сказать съ увѣренностью одно, что Ассирія переживала свой каменный вѣкъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ, во-первыхъ, многочисленныя остатки каменныхъ орудій, находимыя при раскопкахъ древне-халдейскихъ могилъ,

а во-вторыхъ, сохранившійся и въ исторической Ассиріи обычай употреблять каменные инструменты.

Говоря объ Ассиріи и Вавилонѣ, писатели древности постоянно смѣшивали ихъ, и въ дѣйствительности оба эти государства настолько сходны между собой во всѣхъ существенныхъ чертахъ, что, характеризуя ихъ, нѣтъ никакой надобности говорить о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Ассирио-халдея, какъ и древній Египетъ, была можно сказать, создана руками человѣческими. Еслибъ не многовѣковая работа энергичнаго и трудолюбиваго народа, Месопотамія навсегда осталась бы тою бесплодною, нездоровою долиною, какую она представляетъ собой теперь. Шесть мѣсяцевъ въ году въ ней не выпадаетъ ни одной капли дождя и, чтобы заставить землю давать плодъ, нужны были колоссальныя ирригаціонныя работы. Безчисленныя озера, каналы и каналы сохраняли воды Тигра и Евфрата отъ времени разлива и разводили ихъ по полямъ. Искусныя шлюзы управляли теченіемъ обѣихъ рѣкъ. Евфратъ не расширялся, а суживался по мѣрѣ приближенія къ Персидскому заливу, поля буквально выпивали его воды. Но зато этотъ громадный трудъ щедро награждался, земля давала по-истинѣ изумительные урожаи; ячмень часто родился самъ-300. Въ Месопотаміи воздѣлывались почти исключительно хлѣбныя растенія; деревьевъ, даже плодовыхъ, исключая финиковыхъ пальмъ, ассирійцы не разводили. Зато финики тамъ созрѣвали изумительной величины. Быть можетъ это отсутствіе деревьевъ объясняетъ въ значительной степени почти полное незнакомство ассирійцевъ съ судоходствомъ. По словамъ Геродота, они умѣли строить только самые примитивные круглые плоты, управлять которыми было почти невозможно.

Приемы обработки земли въ Ассирио-халдеѣ были довольно первобытны. Ихъ плугъ представлялъ собой просто желѣзную лопату, нѣсколько измѣненной формы, съ длинной ручкой, къ которой припрягались волы. Культура господствовала тамъ мелкая и интенсивная, какъ въ Китаѣ, хотя посѣвъ производился уже иначе, зерна просто разбрасывались, а не сажались по одипочкѣ, какъ тамъ.

Землевладѣніе преобладало тамъ мелкое и земля легко переходила изъ рукъ въ руки, судя по многочисленнымъ актамъ продажи и залоговъ земли, сохранившихся до нашего времени. Обработывалась она обыкновенно фермерами, которые получали за свой трудъ $\frac{1}{3}$ сбора, двѣ же трети оставались на долю собственника. Судя по этому, положеніе фермеровъ-земледѣльцевъ должно было быть тамъ очень тяжелымъ. Свой участокъ, который сдавался обыкновенно на три года, фермеръ обрабатывалъ съ помощью своей семьи и только на время жатвы принималъ платныхъ рабочихъ. Во время работы, продолжавшейся недѣли двѣ или мѣсяцъ, онъ долженъ былъ содержать ихъ, оплачивать довольно высоко ихъ трудъ и даже вознаграждать въ слу-

чаѣ какихъ-нибудь несчастій. Но зато, если рабочіе уходили до срока, они подвергались жестокому наказанію. Въ общемъ система сельскаго хозяйства въ Месопотаміи довольно близко напоминаетъ европейскую съ тою только разницей, что земледѣліе считалось подъ особымъ покровительствомъ боговъ и поэтому всѣ земельные акты—продажи, сдачи въ аренду и т. п. сопровождалась разными религіозными обрядами.

Промышленность у ассиро-халдейцевъ не уступала земледѣлію, она тоже была высоко развита, хотя форма ея была исключительно семейная. Каждый мастеръ работалъ у себя дома съ помощью своихъ семейныхъ, обучалъ дѣтей своему же ремеслу и подготавливалъ изъ нихъ преемниковъ себѣ. Между собой эти мастера образовали родъ корпорацій или цеховъ; въ общемъ организація промышленности во многомъ напоминала египетскую.

Ассиро-халдейскіе мастера отличались большимъ искусствомъ. Вавилонскіе ковры, напримѣръ, получили въ тѣ времена всемірную извѣстность. Метеллъ Сципіонъ заплатилъ за одинъ изъ такихъ ковровъ 800.000 сестерцій, т. е. 168.000 франковъ, а Неронъ приобрѣлъ коверъ за 4.000.000 сестерцій, т. е. 840.000 франковъ. Драгоценныя украшенія вавилонянъ пользовались не меньшей славой. И въ настоящее время въ халдейскихъ раскопкахъ находятъ разныя украшенія, браслеты, серьги и т. п., поражающіе изяществомъ и тонкостью работы. Нечего и говорить о томъ, что и остальные ремесла—гончарное, кузнечное, столярное и т. д., не только были извѣстны въ Ассири-Вавилоніи, но и достигли тамъ большого совершенства.

Такому высокому развитію промышленности должно было естественнымъ образомъ сопутствовать и соответствующее развитіе торговли. Несмотря на это, денегъ въ нашемъ смыслѣ слова въ Ассиріи не знали; единицею обмѣна и тамъ служили главнымъ образомъ металлические слитки, взвѣшивавшіеся и дѣлившіеся, смотря по надобности. Очень часто торговые сдѣлки заключались и безъ посредства слитковъ металла, а просто путемъ обмѣна товара на товаръ.

Кредитныя операціи были въ большомъ ходу въ Ассиріи; при раскопкахъ постоянно находятся разные документы, содержащіе всевозможныя долговныя обязательства и т. п. Проценты на ссуды взимались всегда очень высокіе, не ниже 25% годовыхъ.

Всякаго рода торговля и финансовыя сдѣлки совершались обыкновенно въ храмахъ, которыя являлись такимъ образомъ чѣмъ-то въ родѣ биржъ. Жрецы вели обширную торговлю хлѣбомъ и другими товарами, а въ кладовыхъ храмовъ скоплялись громадныя запасы слитковъ благородныхъ металловъ. Всякая сдѣлка между отдѣльными лицами должна была совершаться въ присутствіи государственнаго чиновника, который записывалъ ее тутъ же на мягкой глиняной дощечкѣ, которая вслѣдъ за тѣмъ обжигалась и запись уже не могла быть стерта. На этихъ

черепицахъ сохраняются и до сихъ поръ разнообразныя формы долговыхъ обязательствъ ассирійцевъ. «Четыре мины серебра,—читаемъ мы на одной изъ такихъ черепицъ,—дано въ долгъ Нергалъ-саръ-уссуромъ Набу-ранъ-написти сыну Набу-ранъ-написти изъ Даръ Саркинъ по пяти колецъ серебра—мѣсячныхъ процентовъ». Иногда вмѣсто процентовъ кредитору уступается на время домъ, поле, виноградникъ или рабъ должника. Иногда же должникъ обязывается отработать ему за проценты извѣстное количество дней.

Кромѣ кредитныхъ сдѣлокъ въ Ассиріи были съ давнихъ поръ извѣстны и разныя другія, болѣе или менѣе сложныя формы финансовыхъ операций. Такъ, ассирійскіе купцы очень часто для облегченія торговыхъ сдѣлокъ прибѣгали къ чекамъ, что избавляло ихъ отъ необходимости перевозить съ мѣста на мѣсто большія массы металловъ. Продажа могла спокойно совершаться въ одномъ мѣстѣ, а слѣдуемая за нее сумма золота могла быть получена въ другомъ по выданному чеку. Чеки писались на такихъ же глиняныхъ черепицахъ, какъ и долговые обязательства. Существованіе такихъ бумажныхъ или, лучше сказать, глиняныхъ денегъ нѣсколько облегчало внѣшнюю торговлю, которая въ Ассиріи сильно затруднялась отсутствіемъ водныхъ путей сообщенія. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, ассирійскіе пари всегда очень заботились о проведеніи и поддержаніи сухопутныхъ дорогъ. Вся Месопотамія, а позднѣе и сосѣднія страны, вошедшія въ составъ Ассири-вавилонской монархіи, были пересѣчены большими и прекрасно содержимыми дорогами. Изъ Вавилона, наприм., расходились торговые пути въ Сузы, въ Экбатану и къ Средиземному морю. Всѣ другіе крупные центры Ассиріи были, въ свою очередь, соединены дорогами. Въ Ассирію стекались товары со всѣхъ концовъ древняго міра. И Египеть, и Индія, и Армения, и Эіопія, и Аравія, и даже Цейлонъ посылали туда свои произведенія и получали взамѣнъ ассирійскія издѣлія. Быть можетъ, ассирійскіе купцы даже раньше финикійцевъ входили въ сношенія съ отдаленными странами древняго міра.

II. Финикія.

Финикія — страна пальмъ. Уже одно это названіе указываетъ на родство между Ассиріей и Финикіей, такъ какъ изъ всѣхъ древесныхъ породъ въ Ассиріи культивировалась исключительно пальма. Финикійцы считаютъ выходцами съ нижняго Евфрата. Сильное землетрясеніе изгнало ихъ, повидимому, съ ихъ первоначальной родины и они направились къ побережью Средиземнаго моря. Но тамъ они нашли только узкую полосу земли между моремъ и горами, заселенную, притомъ же, какимъ-то враждебнымъ племенемъ. Впрочемъ, этому смѣлому, предприимчивому народу и не нужно было ничего больше. Оттѣснивъ первоначальныхъ жителей къ горамъ, финикійцы заняли только самую узкую

полосу прибрежья. Нельзя не удивляться, на какомъ маленькомъ пространстве земли помѣщался этотъ удивительный народъ. Притомъ же это узкое прибрежье было раздѣлено между нѣсколькими городами, составлявшими совершенно самостоятельныя государственныя общины: Тиръ, Сидонъ, Арадъ и т. д. Города эти представляли собой отчасти промышленные центры, но главнымъ образомъ, коммерческіе порты, откуда финикійскіе купцы предпринимали свои отдаленныя плаванія и куда они возвращались съ богатой добычей.

Къ сожалѣнію, устройство финикійскихъ кораблей въ точности неизвѣстно намъ; конечно, они, вѣроятно, сильно измѣнялись съ теченіемъ времени. Первоначально, по сохранившимся неточнымъ рисункамъ древности, они представляли собой простыя барки, даже безъ особыхъ помѣщеній для товаровъ. Позднѣе, они стали дѣлаться съ трюмами, гдѣ помѣщались гребцы, наверху же въ помощь имъ выпускались паруса. Рулемъ служили длинныя весла, прикрѣпленныя сзади. Эти барки бывали двухъ типовъ: «круглыя» и «длинныя». «Длинныя» ходили быстрѣе и играли, въ случаѣ надобности, роль военныхъ судовъ; «круглыя», т. е. просто болѣе широкія и менѣе подвижныя, служили исключительно для перевозки товаровъ. И тѣ, и другія не были приспособлены для длинныхъ морскихъ переѣздовъ—это были скорѣе береговыя суда. Да финикійцы и не стремились въ открытое море; они предпочитали держаться береговъ, и почти каждую ночь приставали къ землѣ.

Если въ искусство кораблестроенія финикійяне не внесли ничего существенно новаго, то какъ мореплаватели они не имѣли себѣ равныхъ. Они въ совершенствѣ изучили моря, по которымъ плавали; сохранилось даже преданіе, что Птоломей употреблялъ древнюю финикійскую карту. Промышленность финикійцевъ не вполне соответствовала такой обширной, почти всемірной торговлѣ. Положимъ, все виды искусствъ и ремеслъ, существовавшихъ въ древности, были извѣстны имъ, но они не внесли въ нихъ ничего новаго, своего. Это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что торговлю они вели преимущественно съ полудикими народами, населявшими острова и прибрежья Средиземнаго моря. Для этихъ народовъ все, что ни привозили финикійяне, казалось чудомъ искусства, и они охотно отдавали имъ за это произведенія своихъ странъ. Такимъ образомъ у финикійянъ не было стимула совершенствовать свое искусство. Больше всего процвѣтало у нихъ производство всевозможныхъ предметовъ роскоши. Финикійскія работы изъ серебра, золота и драгоценныхъ камней были извѣстны всемъ народамъ древности. Гомеръ не разъ упоминаетъ: «...въ цѣлой вселенной славныя чаши, сидонянъ искусныхъ изящное дѣло». Ихъ пурпуровыя ткани тоже расходились по всему міру, имъ однимъ былъ извѣстенъ секретъ выдѣлки пурпура изъ опредѣленныхъ сортовъ раковинъ, которыхъ они находили и вымѣнивали въ Сициліи и Цело-

понесѣ. Стекло, изобрѣтенное, повидимому, въ Египтѣ, стало широко примѣняться только въ Финикіи.

Говоря о финикійскихъ искусствахъ, нельзя не упомянуть объ архитектурѣ, которая, вслѣдствіе условій ихъ страны, должна была развиваться у нихъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ древности. Стѣсненные мѣстомъ, города финикіянъ поневолѣ должны были расти въ вышину. И вотъ у финикіянъ, первыхъ изъ всѣхъ народовъ древности, стали появляться высокіе дома въ нѣсколько этажей, приводившіе въ изумленіе чужестранныхъ путешественниковъ. Дома эти не отличались особой красотой и стройностью архитектурнаго плана, но практичныя и не склонныя къ эстетикѣ финикіяне за этимъ и не гнались; они предпочитали прочность. Каменные глыбы, изъ которыхъ складывались стѣны Рабейя, Арада и Бальбека, даже не стесанные снаружи, поражаютъ своей массивностью.

Но этотъ мирный, трудолюбивый народъ, избѣгавшій войнъ, преданный исключительно торговлѣ и промышленности, начиналъ свое историческое поприще далеко не мирными занятіями. Финикійскіе купцы-мореплаватели положили основаніе своимъ богатствамъ главнымъ образомъ морскими разбоями. Они захватывали и грабили чужія суда, а, главное, они грабили прибрежныхъ жителей. Они привозили имъ какіе-нибудь товары, заманивали ихъ на свои корабли, а потомъ грабили ихъ или захватывали въ плѣнъ ихъ самихъ и везли продавать въ какія-нибудь другія страны. И Гомеръ, и Геродотъ, и другіе писатели древности, постоянно описываютъ такіе случаи и жалуются на коварство и жадность финикійцевъ. «И что мнѣ вы, Тиръ и Сидонъ и всѣ округи Филистимскіе?—воскликаетъ еврейскій пророкъ Іоиль,—хотите ли воздать мнѣ возмездіе? легко и скоро я обрѣчу возмездіе ваше на головы ваши. Потому что вы взяли серебро мое и золото мое и наилучшія драгоценности мои внесли въ капища ваши. И сыновъ Іуды, и сыновъ Іерусалима продавали сынамъ эллиновъ, чтобы удалить ихъ отъ предѣловъ ихъ» (Іоиль III, 4—6).

Такіе приемы возможны были, конечно, только въ самыя первобытныя времена, пока торговать приходилось только съ дикарями. Позднѣе, когда финикійцы завязали торговые сношенія съ цивилизованными странами: Греціей, Египтомъ, Ассиріей и т. п., имъ уже нельзя было пробавляться грабежомъ. Они заключили торговые договоры съ иноземными государствами, имъ были отведены особые порты, куда они могли привозить свои товары и вести уже вполнѣ правильную торговлю. Финикійскіе купцы, разъѣзжая по чужимъ странамъ, далеко не всегда возвращались охотно на свою родину. Часто они находили выгоднѣе для себя оставаться или временно, или навсегда въ тѣхъ странахъ, гдѣ они находили привлекавшія ихъ естественныя богатства. Такими финикійскими колоніями были усѣяны всѣ побережья и острова Средиземнаго моря. Они селились въ Малой Азіи, въ Греціи, на Кипрѣ

и Критѣ, въ Италіи, въ Корсикѣ и Сардиніи, на Балеарскихъ островахъ, въ Испаніи и на всемъ сѣверномъ берегу Африки; въ Африкѣ они основали Картагенъ, самую знаменитую изъ ихъ колоній.

Во всѣхъ этихъ колоніяхъ царилъ тотъ же духъ наживы и торговой предприимчивости, какъ и въ метрополіи. Изъ этихъ маленькихъ центровъ, въ свою очередь, отправлялись корабли и караваны во всѣ стороны,—до границъ и даже за границы извѣстнаго тогда міра. Не ограничиваясь Средиземнымъ моремъ, они vyplывали за Геркулесовы столбы, пробирались на сѣверъ до Нѣмецкаго и Балтійскаго моря и на югъ, огибая материкъ Африки; они заплывали въ Черное море, проникали даже въ Каспійское и оттуда по Днѣпру и Волгѣ забирались въ глубину Россіи. Но больше всего ихъ привлекали тѣ страны, гдѣ они могли добывать благородные металлы. Поэтому Испанія была едва ли не главнымъ ихъ центромъ. Въ Испаніи они нашли богатѣйшую серебряную руду, лежавшую такъ близко отъ поверхности земли, что добывать ее не представляло почти никакого труда. Но, конечно, поверхностныя жилы серебра были очень скоро истощены ими и тогда пришлось предпринять болѣе сложныя горныя работы. Обыкновенно они рыли колодцы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагалось серебро и, когда натыкались на жилу, прокладывали по направленію ея горизонтальныя галлерей. Мѣстами они прорывали новыя колодцы, чтобы пропускать воздухъ въ галлерей, а подпочвенную воду стводили куда-нибудь съ помощью тунелей. Всѣ эти сложныя и тяжелыя работы выполнялись, конечно, рабами. Финикійскіе промышленники пригоняли на мѣсто горныхъ работъ цѣлыя стада рабовъ, и Діодоръ мрачными красками рисуетъ намъ положеніе этихъ несчастныхъ: «Рабочіе, работающіе въ рудникахъ, приносятъ громадныя доходы своимъ хозяевамъ. Эти несчастные, трудящіеся день и ночь въ подземныхъ галлерейхъ истощаютъ всѣ силы свои и массами умираютъ отъ непереносимыхъ страданій. Имъ не даютъ ни минуты покоя; надсмотрщики палочными ударами заставляютъ ихъ подчиняться своей участи до послѣдней минуты ихъ горькой жизни. Нѣкоторые изъ нихъ, у кого тѣло крѣпче и духъ сильнѣе, долго влачатъ свое жалкое существованіе. Но жизнь ихъ такъ переполнена страданіями, что они должны предпочитать ей смерть».

Съ помощью этихъ людей, превращенныхъ въ двуногихъ животныхъ, финикійцы добывали громадныя массы благородныхъ металловъ, особенно серебра. Преданіе рассказываетъ, что когда они первый разъ пристали къ Испаніи, они нашли тамъ такія богатыя мѣсторожденія серебра, что не могли увезти всего на своихъ корабляхъ. Тогда они побросали всѣ, какіе у нихъ были инструменты, оружіе и посуду и сбѣжали все изъ серебра, чтобы увезти его возможно больше.

Странно, что, при такомъ обиліи благородныхъ металловъ и при такомъ сильномъ развитіи торговли, финикійяне такъ поздно начали че-

канить монету. Металлическія деньги появились у нихъ только въ эпоху мидійскихъ войнъ (412—449) подъ вліяніемъ Греціи. При всѣхъ своихъ торговыхъ сдѣлкахъ они прекрасно обходились съ помощью слитковъ серебра и золота. Впрочемъ, на ряду со слитками, для облегченія торговыхъ оборотовъ, финикіяне съ очень давнихъ поръ стали прибѣгать къ фиктивнымъ денежнымъ знакамъ. Роль такихъ бумажныхъ денегъ играли въ Финикии круглыя монеты, сдѣланныя изъ неизвѣстнаго состава и заключенныя въ кожаный футляръ. На нихъ ставилась печать и писалась ихъ стоимость; онѣ обращались наравнѣ съ золотомъ и серебромъ, такъ какъ въ каждый данный моментъ за нихъ можно было получить такое количество благороднаго металла, какое было обозначено на нихъ.

III. Развѣтіе торговли у семитовъ.

Всѣ семитическіе народы, какъ мы видѣли, съ особенной страстью занимаются торговлей. Такое явленіе представляется съ перваго взгляда необъяснимымъ. Трудно предположить, чтобы цѣлая раса произошла на свѣтъ, одаренная специальной способностью и страстью къ торговлѣ. Гораздо болѣе вѣроятно, что эта способность возникла и развилась въ ней подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Среди этихъ обстоятельствъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить тѣ области, въ которыхъ приходилось жить всѣмъ семитическимъ народамъ. Они занимали центральную мѣстность между Европой, Азіей и Африкой. Всѣ торговыя сношенія, происходившія между Индіей и Персіей съ одной стороны, Египтомъ и Греціей—съ другой, не могли ни въ какомъ случаѣ миновать юго-западной части азіатскаго материка. А между тѣмъ, область эта пустынна и трудно проходима, и двигавшіеся по ней въ ту и другую сторону караваны не могли обойтись безъ помощи туземцевъ. Такимъ образомъ, туземцы—кочующія племена семитической расы невольно знакомились съ торговлей и научались извлекать изъ нея выгоду еще раньше, чѣмъ они стали сами производить что-нибудь годное для обмѣна. Страна, по которой кочевали арабы, не отличалась плодородіемъ и не облегчала переходъ къ осѣдлой земледѣльческой жизни, и поэтому они до нашихъ дней остались полуварварскимъ, кочевымъ народомъ.

Другое семитическое племя—евреи, вело совершенно такой же образъ жизни, пока случай не сдѣлалъ его обладателемъ уже готовой цивилизаціи. Благодаря этому, они прямо перешли къ осѣдлой, земледѣльческой и государственной жизни. Склонность къ торговлѣ, зародившаяся у нихъ еще въ кочевой періодъ, благодаря этому, конечно, развилась еще сильнѣе.

Ассиро-халдейцы съ самаго начала были поставлены въ нѣсколько иные условія быта; страна, въ которой имъ пришлось жить, давала

возможность развиться и земледѣлію, и другимъ осѣдлымъ занятіямъ и поэтому они не такъ исключительно, какъ родственные имъ народы, предались торговлѣ.

Совершенно обратное надо сказать относительно той области, гдѣ жили финикійцы. Съ одной стороны она соединяла въ себѣ всѣ условія для развитія широкой внѣшней торговли; съ другой стороны—ничто не благопріятствовало развитію въ ней остальныхъ мирныхъ занятій—земледѣлія, скотоводства и т. п. Въ виду всего этого, финикіяне представили собой единственный въ исторіи примѣръ народа, отдавашагося всецѣло и исключительно торговлѣ. Въ теченіе многихъ вѣковъ финикійскіе купцы странствовали по всѣмъ извѣстнымъ древнимъ морямъ, собирая огромныя богатства. Тиръ, Сидонъ, Кароагенъ считались самыми богатыми городами древности. Но не смотря на все свое богатство, эта нація не завѣщала міру ни одной самостоятельной философской идеи, ни одного великаго произведенія искусства. Нельзя сказать, чтобы она не оказала человѣчеству никакихъ услугъ; въ сферѣ практической она сдѣлала нѣсколько цѣнныхъ пріобрѣтеній, сослужившихъ большую службу человѣчеству; но всѣ они были заимствованы ею у другихъ народовъ и только развиты, упрощены, примѣнены къ практическимъ цѣлямъ, вообще пущены въ обиходъ.

Когда были затронуты ихъ торговые интересы, финикіяне забывали и гордость, и достоинство, и совѣсть. Почти безъ сопротивленія могущественные финикійскіе города покорились персамъ. И это не потому, чтобы у нихъ не хватало храбрости. Ихъ отважныя путешествія, мужественное сопротивленіе Тира Александру и Кароагена—Риму достаточно ясно доказываютъ это; но они предпочитали воевать съ помощью торговыхъ флотовъ, чѣмъ подвергать риску свою жизнь. Въ итогѣ можно сказать, что финикіяне были народомъ богато-одареннымъ, но лишеннымъ благороднѣйшихъ чертъ человѣческой природы.

ГЛАВА XV.

Торговля въ арійской Азій.

I. Ведійскіе арійцы и сходные съ ними народы. — Мѣсто арійцевъ въ ряду другихъ расъ. — Земледѣліе у кафировъ. — Ихъ мастера. — Первобытная торговля путемъ обмена. — Общественное устройство ведійскихъ арійцевъ. — Работа женщинъ. — Страсть къ богатству. — Грабежи и обменъ. — Ссуды подъ проценты. — Завоеванія и торговли. — Торговля у арійцевъ и у туземцевъ Индіи. — II. Браминская Индія. — Централизация и управленіе въ древней Индіи. — Государственная казна. — Податныя со словія. — Протекціонизмъ и страхъ передъ иностранцами. — Развитие промышленности. — Рѣчная и караванная торговля. — Вывозъ и ввозъ. — Стѣсненіе торговли. — Торговля таксы. — Преаріи въ торговлѣ. — Что брамины не имѣютъ права продавать. — Специальныя наказанія для ювелировъ. — Отсутствіе монетъ. — Денежные слитки. — Высокій уровень процентовъ. — Колебанія ихъ въ зависимости отъ касты. — Дхарна. — Ограниченіе процентовъ. — Гарантированныя займы. — Торговля наказанія. — Земля не можетъ быть предметомъ торговли. — Преступная торговля. — Наслѣдственность ремеслъ. — Нечистыя ремесла. — Вѣшная торговля. — III. Персія. — Первобытная Персія. — Торговля и промышленность у армянъ и черкесовъ. — Древняя купеческая каста. — Подати натурою. — Деньги. — Принудительное отношеніе между цѣною золота и серебра. — Ремесленники. — Произведенія промышленности. — Уваженіе къ торговлѣ въ современной Персіи. — Мимическій языкъ купцовъ. — Громадные проценты. — Общая деморализація. — IV. Развитие торговли въ арійской Азій.

I. Ведійскіе арійцы и сходные съ ними народы.

Арійскую расу принято считать вообще стоящею выше всѣхъ остальныхъ человѣческихъ расъ. И дѣйствительно, въ настоящее время она оставила далеко за собой остальные народы, особенно въ области промышленности и науки. Но такое превосходство арійцевъ началось относительно не такъ давно. Въ глубокой древности первенствующее мѣсто занимали несомнѣнно другіе народы — сначала египтяне, потомъ семиты и только послѣ нихъ индійцы и персы.

Въ отношеніи торговли и всего соприкасающагося съ ней древнія арійскія государства — Индія и Персія — очень напоминаютъ семитическую Ассирию-Халдею.

Чтобы судить о самыхъ первыхъ ступеняхъ въ развитіи торговли у арійцевъ, мы должны пользоваться, съ одной стороны, данными, какія можно извлечь изъ поэмы Ригъ Веды, а съ другой — аналогіей съ современными племенами, сходными съ древне-арійцами. Въ этомъ отношеніи больше всего данныхъ для сравненія представляютъ живущіе въ Афганистанѣ кафиры.

Главное занятіе кафировъ земледѣліе; при обработкѣ земли они примѣняютъ и удобреніе, и искусственное орошеніе, и вообще у нихъ господствуетъ интенсивная форма культуры. Воздѣлываютъ они преимущественно — рожь, ячмень и просо, и кромѣ того виноградъ. Всѣ земледѣльческія работы лежатъ главнымъ образомъ на рабахъ и от-

части на женщинахъ, которыхъ не рѣдко впрягаютъ въ плугъ рядомъ съ рабами. Изъ ремеслъ они знаютъ кузнечное, ткацкое, сапожное и др. Торговля кафировъ очень ограничена; главнымъ препятствіемъ для ея развитія служитъ полное отсутствіе дорогъ, заслуживающихъ этого имени, и неумѣнье строить какія бы то ни было суда, кромѣ самыхъ первобытныхъ лодокъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева.

Денегъ у кафировъ, конечно, не имѣется, хотя для торговли съ иностранцами они пользуются попадающими къ нимъ иностранными монетами.

Судя по гимнамъ Ригъ-Веды, состояніе торговли и промышленности у древне-арійцевъ должно было находиться, приблизительно, на томъ же уровнѣ. Промышленность была исключительно семейной. «Я рабочий,—читаемъ мы въ одномъ гимнѣ,—мой отецъ—дѣкарь, моя мать мельничиха. Наши занятія различны; но мы всё хотимъ наживы, какъ корова—ячменя». Страсть къ наживѣ, къ богатству, подъ которымъ подразумѣвалось главнымъ образомъ золото и коровы, было преобладающей чертой арійцевъ въ эпоху Ригъ-Веды. Торговля, очевидно, уже была имъ извѣстна, но относились къ ней, повидимому, безъ особаго уваженія. Когда какой-нибудь богъ не исполнялъ просьбы молящагося, тотъ обвинялъ его, что онъ «поступаетъ, какъ купецъ», т. е. даетъ меньше, чѣмъ получилъ, или пытается совсѣмъ не дать. Но въ общемъ грабежи составляли тамъ болѣе обычное явленіе, чѣмъ мирный обмѣнъ. Князья маленькихъ арійскихъ государствъ предпочитали вооруженной рукой захватывать у своихъ сосѣдей стада и золото, чѣмъ заводить съ ними торговые сношенія.

Ссуды подъ проценты были тоже извѣстны древнимъ обитателямъ Индіи, въ гимнахъ Ригъ-Веды встрѣчается мимоходомъ нѣсколько указаній на нихъ. Но вообще надо сказать, что составить себѣ полную картину состоянія торговли и промышленности у древне-арійцевъ по гимнамъ Ригъ-Веды совершенно невозможно, тамъ слишкомъ мало упоминаній объ этой сторонѣ быта народа. Во всякомъ случаѣ, нельзя предполагать, чтобы въ древней Индіи торговля была особенно широко развита. Какъ и [въ современномъ Афганистанѣ, главнымъ препятствіемъ служило отсутствіе сухопутныхъ дорогъ и незнакомство съ кораблестроеніемъ.

II. Браминская Индія.

Относительно браминской Индіи мы имѣемъ уже значительно больше источниковъ: греческіе и римскіе писатели, законы Ману, индійскія поэмы, сочиненія индусскихъ юрисконсультовъ и т. д.

Страбонъ очень подробно говоритъ объ Индіи. По его словамъ древняя Индія представляла собой монархическое государство, въ которомъ централизація доведена была до высочайшей степени. Прави-

тельственные чиновники наблюдали за всѣми сторонами жизни частныхъ людей. Одни изъ нихъ слѣдили за земледѣльческими работами, другіе за искусствами, ремеслами, торговлей и т. д. Ихъ функціи распредѣлены были очень строго. Специальные чиновники вели статистику рожденій и смертей, другимъ былъ порученъ надзоръ за взиманіемъ податей, третьи наблюдали за внѣшнимъ порядкомъ въ городахъ и селеніяхъ. По отношенію къ торговлѣ въ Индіи господствовала покровительственная система. Къ иностранцамъ индійскіе монархи относились крайне подозрительно и внѣшняя торговля была обставлена разнаго рода стѣснительными условіями. Но несмотря на эти стѣсненія Индія, съ глубокой древности, имѣла оживленныя торговыя сношенія съ иноземными государствами. Всѣ писатели древности единогласно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Большой торговый путь, пересѣкавшій Тибетскія горы, соединялъ Индію съ Китаемъ. Въ то же время арабскіе, а позднѣе финикійскіе купцы служили посредниками между Индіей и Египтомъ. Изъ Индіи они вывозили шелкъ, зашитыя золотомъ ткани, издѣлія изъ слоновой кости и золота, драгоценные камни и благовонія.

Производство всѣхъ этихъ предметовъ и торговля ими были обставлены въ Индіи самыми строгими правилами, подчиняться которымъ обязаны были всѣ купцы и ремесленники. Государь устанавливаетъ цѣны на всѣ предметы ввоза и вывоза и объявляетъ ихъ при посредствѣ своихъ чиновниковъ каждые пять дней. Кромѣ того, нѣкоторые товары составляютъ правительственную монополію и торговать ими съ иностранными купцами имѣетъ право только государь. Плата за провозъ товаровъ тоже устанавливается верховной властью. Каждые шесть мѣсяцевъ правительственнымъ приказомъ устанавливается цѣна благородныхъ металловъ.

Работа ремесленниковъ тоже подлежитъ строжайшему контролю. Мастеръ, не исполнившій взятый на себя заказъ, подвергается наказанію, если онъ не можетъ доказать, что ему помѣшали серьезныя причины. Ткачъ, получившій извѣстное количество пряжи по вѣсу, долженъ представить въ назначенный срокъ опредѣленное количество ткани; по вѣсу матеріи должно быть ровно на $\frac{1}{10}$ больше, чѣмъ пряжи, такъ какъ во время работы онъ смачиваетъ нитку рисовой водой. Если вѣсъ не выходитъ, рабочій подвергается тяжелому наказанію.

Купцы составляли въ Индіи одну изъ пяти кастъ, на которыя дѣлилось все населеніе. Брама сотворилъ купцовъ изъ своего бедра, между тѣмъ какъ брамины вышли изъ его рта, а кшатрии, т. е. воины, изъ рукъ. Такимъ образомъ члены высшихъ кастъ унижали себя, занимаясь торговлей. Впрочемъ, нѣкоторымъ очень ограниченнымъ числомъ товаровъ имѣли право торговать даже брамины; но зато, если они злоупотребляли своимъ правомъ и продавали какіе-нибудь недозволенные предметы, они подвергались строгимъ взысканіямъ.

Перечень предметовъ, которыми не могли торговать брамины, очень

длинень; они не могутъ, даже въ случаѣ крайней необходимости, продавать рись, соль, скотъ, людей, матеріи краснаго цвѣта, ленъ, шерсть, воду, оружіе, яды, мясо, благовонія, молоко, масло медъ, воскъ, сахаръ, животныхъ, птицъ, хмѣльные напитки, индиго, лакъ и многое другое. «Браминъ лишается своего званія, если онъ продастъ мясо, лакъ или соль; онъ въ трехдневный срокъ превращается въ *судру* (земледѣльческая каста), если онъ торгуетъ молокомъ». «Если браминъ по доброй волѣ продаетъ другіе запрещенные предметы, онъ по истеченіи семи ночей спускается до положенія *васи* (ремесленника)».

Купцы имѣютъ право торговать всеми товарами безъ ограниченій, но торговля ими находится подъ строгимъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ, и за всякое нарушеніе закона купецъ подвергается наказанію. Такъ, напримѣръ, онъ подлежитъ строгому наказанію, если подмѣшаетъ плохой товаръ къ хорошему, если покроетъ дурное зерно слоемъ хорошихъ зеренъ, если продастъ одинъ и тотъ же товаръ двумъ покупателямъ по разнымъ цѣнамъ и т. п.

Особенно строго относится законодательство къ ювелирамъ. Не только мошенничество, но даже простая ошибка или оплошность мастера или купца, имѣющаго дѣло съ драгоценными камнями и золотомъ, подлежитъ наказанію. Если мастеръ случайно испортитъ жемчужину, онъ считается преступникомъ. «Но самый послѣдній изъ негодьявъ—ювелиръ, совершающій мошенничество; пусть повелятъ изрѣзать его въ куски бритвами». Вѣроятно, такое строгое отношеніе законодателя специально къ ювелирамъ объясняется тѣмъ, что ихъ товары употреблялись исключительно членами высшихъ кастъ. Роль денежныхъ знаковъ въ Индіи, какъ и на всемъ почти Востокѣ, играли слитки золота, серебра и мѣди. Звонкая монета, даже послѣ знакомства съ европейскими государствами, очень туго прививалась въ Индіи.

Размѣръ процентовъ на ссуду въ Индіи былъ всегда очень высокъ. При ссудахъ подъ залогъ, т. е. безъ всякаго риска, минимальный процентъ былъ $1\frac{1}{4}$ мѣсячныхъ, или 15 годовыхъ. При отсутствіи залога процентъ не спускался ниже двухъ въ мѣсяцъ. При этомъ высота процента колебалась въ зависимости отъ общественнаго положенія должника. Браминъ платилъ—2% въ мѣсяцъ, кшатрія—3, вайсія—4, судра—5, т. е. максимумъ дозволенныхъ закономъ процентовъ.

Права кредитора были тамъ очень значительны. Кредиторъ могъ въ случаѣ неисправности должника захватить его скотъ, его жену или его сына, и держать до тѣхъ поръ, пока долгъ не будетъ уплаченъ полностью. Кромѣ того, когда кредиторомъ являлся браминъ, онъ могъ пользоваться для возстановленія своихъ правъ еще однимъ совершенно особымъ средствомъ, носившимъ названіе *дхарна*. Какъ извѣстно, лишеніе жизни брамина составляло въ Индіи самое ужасное преступленіе, искупить которое не было никакой возможности. Пользуясь этимъ, браминъ являлся къ дому неисправнаго должника съ

какимъ-нибудь ядомъ или смертоноснымъ орудіемъ и объявлялъ, что останется на порогѣ его жилища, пока тотъ не уплатитъ полностью своего долга. Въ случаѣ же, если тотъ попробуетъ прогнать его или уйти другимъ ходомъ, или вообще нанесетъ ему какую-нибудь неприятность, онъ лишитъ себя жизни и кровь его падетъ на должника. Все время, пока продолжалась *джарна*, и браминъ и его должникъ обязаны были соблюдать строжайшій постъ, и только это обстоятельство ставило извѣстный предѣлъ продолжительности *джарны*.

Но если браминъ являлся самъ должникомъ, то по отношенію къ нему нельзя было принять никакихъ мѣръ строгости; рекомендовалось, напротивъ, дѣйствовать исключительно просьбами и убѣждениями.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ проценты на ссуду могли даже превышать законный уровень 5% мѣсячныхъ. Если ссуда давалась купцу, отправлявшемуся съ караваномъ въ далекія страны—съ него можно было брать до 10% въ мѣсяцъ; если же купецъ отправлялся съ товарами по морю, то процентъ возрасталъ даже до 15 въ мѣсяцъ.

Послѣ смерти отца сыновья отвѣчаютъ за его долгъ, если они при его жизни жили вмѣстѣ съ нимъ и имущество ихъ не было раздѣлено. Въ свою очередь, и должникъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать къ защитѣ закона. Такъ, если кредиторъ причинитъ какой-нибудь вредъ предмету, данному ему въ видѣ залога, онъ подлежитъ наказанію. Если же онъ удержитъ у себя залогъ послѣ уплаты долга, онъ считается воромъ и подвергается соответствующему наказанію.

Залогомъ въ Индіи могло служить все, что составляло собственность частнаго человѣка, не исключая и его рабовъ. Единственный предметъ, который, ни въ какомъ случаѣ, не могъ фигурировать въ качествѣ залога—была земля. Вообще земля въ браминской Индіи считалась неотчуждаемой; возможность захватить чью-нибудь землю и продать ее для возмѣщенія долга, никогда не приходила въ голову ни одному индусу.

Въ послѣднее время передъ паденіемъ независимости Индіи, государи считали себя собственниками всей вообще земли. Подданные обязаны были обрабатывать опредѣленные участки, уборка производилась подъ наблюденіемъ правительственныхъ чиновниковъ и только четверть сбора оставлялась земледѣльцу; остальные $\frac{3}{4}$ продавались тому же населенію по установленной правительствомъ цѣнѣ.

Вообще всѣ цѣны на товары въ Индіи утверждались правительствомъ. Ремесленникъ не имѣлъ права продать свой товаръ дороже опредѣленной цѣны, даже если ему самому онъ обходился выше. Въ такомъ случаѣ ему приходилось выгадывать на качествѣ товара.

Каста ремесленниковъ въ Индіи раздѣлялась на рядъ гильдій по числу извѣстныхъ тамъ ремеслъ; гильдіи эти были такъ же замкнуты, какъ и сама каста. Не только сынъ не имѣлъ права выбрать себѣ

другое ремесло, чѣмъ отецъ, но онъ не могъ даже взять себѣ жену изъ другой гильдіи. При этомъ нѣкоторыя гильдіи считались чистыми и члены ихъ стояли на одномъ уровнѣ съ судрами; другія же ремесла, какъ, напримѣръ, рыбацкое, ткацкое, мѣстами кузнечное считались нечистыми и ставили челоуѣка, занимавшагося ими внѣ общенія съ остальными людьми. Напиться воды изъ рукъ такого парія считалось уже оскверненіемъ. Естественно, что торговля сношенія съ членами этихъ нечистыхъ гильдій были очень затруднены и обставлены рядомъ формальностей.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что вся промышленная и торговая жизнь Индіи была заключена въ очень тѣсныя рамки законодательствомъ и не могла развиваться свободно и самостоятельно.

III. Персія.

До насъ не дошло никакихъ документовъ, рисующихъ положеніе до-исторической Персіи; мы знакомимся съ ней въ тотъ періодъ, когда она представляла собой уже вполне сложившееся государство. Поэтому мы можемъ судить о первобытномъ состояніи промышленности и торговли въ ней только путемъ аналогіи съ другими родственными ей народами. Такъ, Армения, напримѣръ, даже въ то время, когда она составляла персидскую сатрапію, т. е. въ эпоху вполне историческую, не вышла еще изъ пастушескаго быта. Ея жители, занимавшіеся почти исключительно скотоводствомъ, жили въ землянкахъ, такъ какъ они еще не умѣли строить домовъ. И не смотря на это, армяне въ то время уже довольно дѣятельно занимались торговлей, преимущественно внѣшней. Они доставляли въ Вавилонъ особый опьяняющій напитокъ, который они умѣли изготовлять. Они торговали скотомъ, главнымъ образомъ волами, и лошадьми съ финикіянами.

О состояніи промышленности въ древней Армении мы ничего не знаемъ, но мы можемъ составить себѣ представленіе о ней по сравненію съ промышленностью современныхъ черкесовъ. И въ отношеніи торговли и въ отношеніи промышленности черкесы стоятъ еще на самой первобытной ступени. Очень немногія ремесла у нихъ специализировались, и очень немногіе мастера работаютъ на продажу такіе предметы, какъ оружіе украшенія и т. п. Все остальное—дома, одежду, утварь и т. п. каждый черкесъ или, лучше сказать, каждая черкешенка дѣлаетъ для себя; почти вся тяжелая работа у нихъ возложена на женщинъ. Торговля у нихъ происходитъ путемъ непосредственного обмѣна. До послѣдняго времени черкесы вели торговлю исключительно съ турками, и притомъ производилась она слѣдующимъ довольно своеобразнымъ способомъ. Турецкіе купцы привозили на своихъ корабляхъ товары, нужные для черкесовъ, и оставались въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, на которомъ жили Черкесы. Черкесы выходили на берегъ, но на свои корабли турки ихъ

не пускали и сами не выгружали товары на землю. Они клали небольшое количество товара въ лодки, сажали туда нѣсколькихъ вооруженныхъ людей и подѣзжали ближе къ берегу, внимательно слѣдя за тѣмъ, чтобы къ лодкѣ подошло не больше черкесовъ, чѣмъ въ ней сидѣло турокъ. Въ лодкѣ купцы раскладывали привезенные товары, а черкесы, въ свою очередь, показывали, что они предлагали въ обмѣнъ. Черкесы могли, конечно продавать туркамъ только сырые продукты, какъ медъ, воскъ, ленъ, мѣха и т. п., но главнымъ предметомъ обмѣна съ ихъ стороны были рабы: рабовъ они имѣли сколько угодно, такъ какъ между отдѣльными племенами происходили постоянныя стычки, оканчивавшіяся захватомъ плѣнныхъ.

Такіе же, приблизительно, пріемы торговли должны были существовать и въ до-исторической Персіи. Впрочемъ, надо сказать, что и относительно исторической Персіи мы имѣемъ очень мало данныхъ. *Зендъ Авеста* содержитъ въ себѣ значительно меньше указаній на общественный строй Персіи, чѣмъ хотя бы Законы Ману. Мы знаемъ только, что населеніе Персіи дѣлилось, какъ и въ Индіи, на касты, но только касты эти не были такъ замкнуты, какъ тамъ. Причиной этому служила абсолютная, власть персидскаго монарха, который могъ по своему произволу переводить подданныхъ изъ одной касты въ другую. Вообще власть персидскаго монарха не знала никакихъ границъ, и онъ пользовался ею дѣйствительно безгранично, хотя и не всегда одинаково удачно. Такъ, въ Персіи право чеканить монету и устанавливать курсъ на нее принадлежало исключительно государю. Мы видѣли, что и китайскіе императоры владѣли этимъ правомъ, но они старались установить постоянство курса мѣрами экономическими и достигали такимъ путемъ хорошихъ результатовъ. Персидскіе же монархи изъ династіи Ахеменидовъ думали достичь того же силою однихъ только своихъ указовъ. Они постановили разъ навсегда, что цѣна золота должна въ $13\frac{1}{3}$ разъ превышать цѣну серебра, отношеніе это должно было навѣки оставаться неизмѣннымъ. Несмотря на это распоряженіе, дѣйствительный курсъ упалъ. Серебро стало стоить только въ одиннадцать разъ дешевле золота, и вся серебряная монета хлынула изъ страны. Во внутреннихъ провинціяхъ она почти совершенно исчезла изъ обращенія.

Современная Персія во многихъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ древней. Не говоря уже о формахъ быта, даже самая промышленность и ея организація претерпѣли сравнительно очень мало измѣненій. Ремесленники раздѣлены на гильдіи или цехи и въ каждомъ цехѣ есть начальникъ, назначаемый правительствомъ.

Изъ разныхъ производствъ, извѣстныхъ въ Персіи, наибольшимъ распространеніемъ пользуется тканье шелковыхъ матерій. Разведеніе шелковичныхъ червей было знакомо персамъ еще со временъ глубокой древности. Геродотъ пишетъ: «Дикія деревья приносятъ имъ шерсть,

превосходящую по красотѣ овечью шерсть. Индусы употребляютъ ее для своихъ одеждъ». Великолѣпныя шелковыя ткани персовъ и мидянъ славились по всему древнему міру. Ихъ цѣнили главнымъ образомъ за богатство и прочность красокъ.

Въ противоположность остальнымъ государствамъ древняго Востока, торговля въ Персіи всегда пользовалась уваженіемъ и пользуется имъ до сихъ поръ. Путешественникъ XVII вѣка Шарденъ отмѣчаетъ этотъ фактъ и объясняетъ его могуществомъ абсолютной власти въ Персіи. Дѣйствительно, какъ мы уже говорили, персидскія касты носили нѣсколько иной характеръ, чѣмъ индійскія, напримѣръ, государь могъ свободно переводить изъ одной касты въ другую. Поэтому, члены высшихъ кастъ не имѣли основаній считать себя качественно отличными отъ остальныхъ смертныхъ и гнушаться ими и ихъ занятіями. Въ то же время торговля считалась наиболѣе выгоднымъ занятіемъ, а страсть къ наживѣ была въ Персіи не слабѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ виду этого, персидскіе вельможи, а часто и самъ ханъ пускались въ торговныя предпріятія. Страсть къ путешествіямъ, понимая исключительно сухопутныя путешествія, свойственная всѣмъ персамъ, съ своей стороны, тоже способствовала развитію склонностей къ торговлѣ. Купецъ считался въ Персіи до нѣкоторой степени священной особой. «Ихъ не трогаютъ никогда, — говоритъ Шарденъ, — даже во время войны; они сами и ихъ товары свободно проходятъ посреди войскъ». Но несмотря на эту относительную безопасность, купцы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ мѣрамъ предосторожности, чтобы оградить себя отъ всякаго рода плутней и обмановъ, царящихъ повсюду въ Персіи. Такъ, у нихъ тоже выработанъ для взаимныхъ сношеній мимическій языкъ, который подробно описываетъ Шарденъ. Взявшись за руки и покрывъ руки полой плаща, купцы движеніемъ пальцевъ сообщаютъ другъ другу все, что нужно. Вытянутый палецъ означаетъ, по словамъ Шардена, —десять, согнутый—пять, конецъ пальца—единицу, вся кисть—сто, согнутая кисть—тысячу и т. д. Пока купцы переговариваются такимъ образомъ между собой, лица ихъ остаются совершенно спокойными и безстрастными, такъ что по выраженію лица угадать ни чего невозможно.

Несмотря на большое развитіе торговли въ Персіи, общей системы вѣса тамъ не существуетъ. Каждый купецъ имѣетъ свои собственныя гири—кашечки и кусочки металла и взвѣшиваетъ съ ихъ помощью. Впрочемъ, самой мелкой вѣсовой единицей служить для всѣхъ зерно ячменя.

Размѣръ процентовъ на ссуды въ Персіи колеблется. Между собой купцы даютъ въ долгъ за одинъ процентъ мѣсячный; но частные люди платятъ не менѣе двухъ. Вообще ничего опредѣленнаго и строго установленнаго мы не найдемъ и тутъ. Все зависитъ отъ произвола

частныхъ лицъ, надъ которымъ тяготеетъ еще большій и еще болѣе безпорядочный произволъ абсолютной власти.

Всѣ путешественники по Персіи единогласно свидѣтельствуютъ, что общая продажность переняла тамъ всѣ границы. Правосудіе продается, какъ и все остальное. Никакихъ гарантій для личности и частной собственности не существуетъ, и только одинъ государь ни при какихъ обстоятельствахъ не терпитъ убытка.

Развитіе торговли въ арійской Азіи.

Исторія торговли у азіатскихъ арійцевъ представляетъ собой много интереснаго.

У ведійскихъ арійцевъ, у кафировъ, у древнихъ армянъ промышленности еще почти не существуетъ и торговля поэтому, совершается въ очень ограниченныхъ размѣрахъ преимущественно, сырыми продуктами и въ прибрежныхъ странахъ. Но эта первобытная торговля вполне свободна, она не развита только потому, что для нея не создано еще достаточно благоприятныхъ условий.

Въ могущественномъ арійскомъ государствѣ—Индіи мы встрѣчаемъ уже совершенно иное положеніе вещей. Промышленность тамъ, конечно, гораздо сложнѣе и разнообразнѣе, торговля тоже оживленнѣе, но все это, и промышленность, и торговля, заковано въ опредѣленныя рамки, не оставляющія никакой свободы частной инициативы и мѣшающей промышленной дѣятельности развиваться, какъ бы она могла. Кромѣ того и ремесла, и торговля считаются тамъ занятіями унижительными, заслуживающими презрѣнія. Конечно, все это вмѣстѣ взятое обуславливаетъ полный застой въ промышленной жизни страны.

Въ Персіи мы находимъ нѣсколько иныхъ условій, но приводящихъ къ концѣ концовъ къ такимъ же неблагоприятнымъ результатамъ для развитія промышленности. Организція древней персидской монархіи, очень близкая къ государственной организаціи Индіи, была совершенно разрушена мусульманскимъ завоеваніемъ. Касты—основа государственнаго строя, утратили свое прежнее значеніе и вмѣсто всякой государственной организаціи осталась одна абсолютная, неограниченная власть государя. И промышленность, и торговля получили относительную свободу, надъ ними уже не тяготѣло общее презрѣніе, но, вмѣсто того, они очутились совершенно беззащитными въ отношеніи правительственнаго произвола. И это обстоятельство также мѣшало ихъ спокойному и свободному развитію, какъ кастическій строй Индіи.

ГЛАВА XVI.

Торговля въ Греціи.

I. Аѳины и Спарта. Противоположность между Спартой и Аѳинами.—Необходимость торговли въ греческихъ городахъ.—Незначительность территоріи, занимаемой Аѳинами.—Коммерческій характеръ законовъ Солона.—Вліяніе на торговлю метековъ.—Древность заработной платы въ Греціи.—Торговныя причины пелопонесскихъ войнъ.—Торговля зерномъ и ея организація.—Ввозная торговля.—Аѳинскій протекціонизмъ.—Строгое преслѣдованіе контрабанды.—Аѳинскія колоніи.—Система мѣръ.—Различіе между греческими и финикійскими колоніями.—II. Ссуды и проценты.—Мѣсячные проценты.—Гарантія ссудъ и обязательства должника.—Неотчуждаемость земли въ началѣ.—Неодобреніе ростовщичества.—III. Деньги.—Скотъ въ качествѣ денегъ.—Жѣлѣзные деньги въ Спартѣ и Византіи.—Мѣдные деньги въ Сициліи.—Изобрѣтеніе серебряныхъ денегъ.—Слитки.—Аттическія копѣи.—Денежная система въ Греціи.—IV. Трапезиты.—Ихъ банки и спекуляція.—Государственные банки.—Промышленныя общества.—Векселя.—V. О вліяніи торговли въ Греціи.—Назначеніе торговли.—Дурное нравственное вліяніе торговли.—Торговля въ гомеровскую эпоху.—Условія промышленной горячки.—Роль денегъ въ упадкѣ Греціи.—Противодѣйствіе Аристотеля развитію торговаго духа.—Отношеніе Эврипида къ богатству.—Роль золота по Аристотелю.—Преслѣдованіе ростовщичества.—Полибій о жадности критянъ.

I. Аѳины и Спарта.

Изъ всѣхъ арійскихъ государствъ Греція достигла въ древности самой высокой ступени цивилизаціи и въ то же время она ближе всѣхъ связана съ новыми европейскими государствами, поэтому изученіе развитія торговли и промышленности въ ней имѣетъ для насъ наибольшій интересъ.

Но, говоря о Греціи, мы не должны забывать, что она не представляла собой одного слитнаго цѣлаго. Разныя ея области существеннымъ образомъ отличались другъ отъ друга. Особенно рѣзко это различіе между Аѳинами съ одной стороны и Спартою—съ другой. Аѳины во многихъ отношеніяхъ являются типичнымъ греческимъ государствомъ, мелкія греческія области всѣ болѣе или менѣе приближались по типу къ Аѳинамъ. Спарта, напротивъ, стоитъ одиноко въ Греціи, она является тамъ какъ бы осколкомъ далекаго прошлаго. Въ ней сохраняются еще нравы первобытной греческой общины. Она живетъ замкнутой жизнью; ея граждане не имѣютъ права безъ особаго разрѣшенія покидать родной городъ; а иностранцы никогда не получаютъ тамъ права гражданства. Роскошь преслѣдуется тамъ. Естественно, что и торговля при такихъ условіяхъ не можетъ развиваться.

Аѳины во всѣхъ этихъ отношеніяхъ стоятъ прямо на противоположномъ полюсѣ: онѣ грѣшили развѣ обратными недостатками—слишкомъ большимъ развитіемъ внѣшнихъ сношеній и торговаго духа.

II. Греческая торговля.

Греческіе города силою вещей должны были со временъ глубокой древности заниматься торговлей. Земля ихъ не отличалась удобствомъ и плодородіемъ и каждый городъ владѣлъ такимъ незначительнымъ пространствомъ, которое совершенно не могло прокормить его жителей. А въ то же время морской берегъ представлялъ собой рядъ удобныхъ бухтъ, издавна привлекавшихъ къ себѣ иноземные корабли. Торговля сношенія завязывались сами собой и купцы всегда пользовались уваженіемъ въ Аѣинахъ. Первый аѣинскій законодатель Солонъ былъ самъ купецъ, и коммерческій духъ проникаетъ собой все его законодательство. Онъ рекомендуетъ родителямъ непременно обучать своихъ дѣтей какому-нибудь ремеслу. Съ его времени въ Аѣинахъ появляются многочисленные торговые и промышленные союзы, постановленія которыхъ имѣютъ силу закона, если только не противорѣчатъ государственнымъ законамъ.

Но самое важное значеніе для развитія торговли имѣлъ свободный доступъ иностранцевъ въ Аѣины. Это пришлое населеніе—метеки—очень скоро проникло во все области промышленной и общественной жизни города. Вмѣстѣ съ ремесленниками и вольноотпущенниками они составляли большинство аѣинскаго населенія. На народныхъ собраніяхъ, гдѣ дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, они сплошь и рядомъ одерживали верхъ надъ крупными собственниками и капиталистами. Все это населеніе работало главнымъ образомъ на внѣшній рынокъ и жило на свой заработокъ.

Внѣшняя торговля со временъ глубокой древности играла самую важную роль въ Аѣинахъ. Безъ ввоза Аѣины не могли бы существовать, безъ вывоза онѣ не сдѣлались бы первымъ греческимъ городомъ, И сила, и слабость Аѣинъ зависѣли отъ ихъ торговаго положенія. Закрывъ гавань мегарцамъ, аѣиняне вызвали пелопонесскую войну—главную причину своего разоренія. Протекціонизмъ погубилъ Аѣины. Несмотря на этотъ протекціонизмъ, Аѣины жили внѣшней торговлей. Аттика не могла прокормить ихъ, они нуждались въ произведеніяхъ чужихъ странъ. Особенно нуждались аѣиняне въ привозномъ хлѣбѣ. Хлѣбная торговля въ Аѣинахъ была обставлена очень строгими правилами. Ни одинъ аѣинянинъ или метекъ не имѣлъ права вывозить хлѣбъ за границу Аттики. Всякій корабль, пристававшій къ Аттикѣ съ грузомъ хлѣба, долженъ былъ двѣ трети своего груза оставить на аѣинскомъ базарѣ. Частный человекъ не имѣлъ права закупить одновременно болѣе пятидесяти мѣръ зерна. Съ другой стороны ввозная пошлина на хлѣбъ была сильно понижена сравнительно съ другими товарами. Особые чиновники слѣдили за точнымъ исполненіемъ всѣхъ законовъ, касающихся хлѣбной торговли, и нарушеніе ихъ влекло за собой тяжелыя наказанія, часто даже смертную казнь.

Кромѣ хлѣба, Аѳины нуждались еще во многихъ привозныхъ продуктахъ. Македонія и Фракія поставляли корабельный лѣсъ, такъ какъ аѳинянамъ не изъ чего было строить свои многочисленные корабли; съ Кипра и Эвбеи привозили желѣзо и мѣдь; изъ Фригіи и Милета—шерсть и ковры; Хиосъ, Лесбосъ, Лемносъ и Критъ присылали тонкія вина, а Понтъ—соленую рыбу—главный предметъ потребленія бѣднаго населенія Аѳинъ.

Получая, главнымъ образомъ, сырые продукты, Аѳины съ своей стороны, вывозили преимущественно обработанные предметы: оружіе, прекрасныя вазы, драгоценныя украшенія, ткани, одежды, а въ періодъ разцвѣта умственной жизни—книги. Вывозныя пошлины въ Аѳинахъ были тоже очень высоки, а нѣкоторые товары совсѣмъ запрещено было вывозить. Такое запрещеніе было, напримѣръ, наложено на шерсть, фиги, горохъ и нѣкоторые другіе плоды и овощи. Вывозъ оливковаго масла вообще поощрялся, но нѣкоторые сорта его, употреблявшіеся при богослуженіи, нельзя было совсѣмъ продавать. Контрабанда преслѣдовалась чрезвычайно строго; Блонъ рассказываетъ, что его отецъ, уличенный въ контрабандѣ, былъ проданъ въ рабство со всей своей семьей.

Несмотря на такія стѣсненія, внѣшняя торговля Аѳинъ развивалась очень широко. Аѳинскіе корабли плавали не только по Средиземному морю, они заплывали также въ Черное и Азовское моря, попадали даже въ Персидскій заливъ и Индійскій океанъ и заводили торговлыя сношенія съ Индіей и Персіей. Но, пускаясь въ такія дальнія плаванія, аѳиняне не довольствовались тѣмъ, что обмѣнивались съ жителями своими товарами; они, какъ и финикійцы, стремились извлечь болѣе прочную пользу изъ тѣхъ странъ, которыя посѣщали ихъ корабли. Они основывали тамъ свои факторіи, свои торговые склады, а иногда и цѣлые города, однимъ словомъ, они колонизовали эти страны. Аѳинскія колоніи были разбросаны по всѣмъ побережьямъ Средиземнаго моря и связанныхъ съ нимъ внутреннихъ морей.

Ни по многочисленности, ни по торговому значенію греческія колоніи не уступали финикійскимъ. Достаточно вспомнить такіе города, какъ Марсель, Кротовъ, Тарентъ и многіе другіе, основанные греческими переселенцами.

Но греческія колоніи отличались нѣсколько инымъ характеромъ, чѣмъ финикійскія. Финикійцы, основавшись въ какой-нибудь мѣстности, заботились только объ одномъ, какъ бы возможно скорѣе и возможно выгоднѣе овладѣть всѣми ея естественными богатствами; они не вступали съ жителями ни въ какія сношенія, кромѣ узко торговыхъ, и оставались, живя рядомъ съ ними, только купцами. Греки вели себя нѣсколько иначе, ставили себѣ нѣсколько иныхъ цѣли. У себя на родинѣ они не были такъ исключительно, какъ финикійцы, преданы коммерческимъ дѣламъ; это сказывалось и на жизни ихъ колоній. Когда

греческіе купцы основывали свою факторію въ какомъ-нибудь удобномъ для нихъ пунктѣ, туда изъ Греціи приливала сейчасъ волна населенія; и эти вторичные переселенцы уже не были купцами—это были люди разныхъ спеціальностей, которымъ почему-нибудь трудно жилось на родинѣ. На мѣстѣ своего новаго жительства они продолжали промыслять тѣмъ же, чѣмъ дома; они вступали въ сношенія съ туземцами, стремились учредить на своей новой родинѣ такіе же порядки, какіе оставили дома. Постепенно, благодаря болѣе высокому уровню культуры, на которомъ они стояли, они прививали туземцамъ свой языкъ, свои нравы, свою религію, однимъ словомъ, они цивилизовали окружающую страну, подчиняли ее греческому влиянію и сами сливались съ ней. Они образовали повсюду оазисы греческой цивилизаціи; тогда какъ финикійяне всегда оставались пришельцами среди чуждаго и враждебнаго населенія.

Поэтому-то слѣды колонизаторской дѣятельности финикійцевъ такъ быстро стерлись, а влияніе греческой культуры мѣстами пережило много новыхъ наслоеній и сказывалось въ теченіе многихъ вѣковъ.

Внѣшнія формы торговли въ Греціи вполне соответствовали широтѣ и силѣ торговаго движенія. Системы мѣры и вѣса были тамъ строго выработаны и доведены до полнаго единства. Они имѣли даже опредѣленные квадратныя и кубическія мѣры, неизвѣстныя ни одному изъ народовъ древности.

II. О займахъ и процентахъ.

Обычаи и законы, касающіеся кредита, не отличались въ Аѳинахъ особой оригинальностью. Какъ и въ другихъ государствахъ древности, процентъ на ссуду былъ очень высокъ и взимался обыкновенно помѣсячно. Въ одной комедіи Аристофана мы читаемъ слѣдующій діалогъ: «*Стрениадъ*. Если бы луна не возшла, я не долженъ бы былъ платить процентовъ.—*Сократъ*. Почему же?—*Стрениадъ*. Потому что ссуда дается на мѣсяцъ». Въ этомъ же діалогѣ находимъ мы и указаніе на существованіе въ Аѳинахъ ростовщичества.—«*Стрениадъ*. Горе ростовщикамъ съ ихъ капиталами и процентами на проценты». Между тѣмъ, и простые проценты были такъ высоки, что, повидимому, незачѣмъ было прибѣгать къ сложнымъ. Когда Солонъ опредѣлилъ нормальный уровень процентовъ въ 18 годовыхъ,—это считалось благодѣяніемъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда ссуда сопровождалась рискомъ, на примѣръ, когда бралъ въ долгъ купецъ, ѣдущій въ далекое морское путешествіе, можно было требовать и значительно болѣшихъ процентовъ.

Кредиторъ въ началѣ пользовался очень большими правами, онъ могъ даже обратить въ рабство своего неисправнаго должника или кого-нибудь изъ его семьи. Но Солонъ прекратилъ это, лишивъ отца права

продавать или закладывать своихъ дѣтей. Зато мало-по-малу въ обезпеченіе долга стала приниматься земля. Сперва земельная собственность считалась въ Аѳинахъ неотчуждаемой, и человѣкъ, продавшій свою землю, лишался званія гражданина. Но постепенно взглядъ на земельную собственность мѣнялся, и заклады земли стали практиковаться очень часто.

III. О деньгахъ.

Деньги въ видѣ чеканной монеты стали употребляться въ Греціи довольно поздно, хотя все-таки раньше, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ древняго міра. Одно мѣсто изъ Павзанія очень ясно указываетъ на отсутствіе металлической монеты въ древнѣйшей Греціи. «Послѣ смерти царя Полидора,—говоритъ онъ,—жена его продала свой домъ за нѣкоторую сумму, которая была уплачена быками, такъ какъ въ то время не знали ни золотыхъ, ни серебряныхъ денегъ; торговля состояла во взаимномъ обмѣнѣ предметами, необходимыми для жизни; за то, что покупали, платили быками, рабами, кусками золота или серебра, но въ необработанномъ видѣ. Даже и теперь, тѣ-кто ѣздятъ въ Индію, возятъ туда произведенія Греціи, а оттуда привозятъ индійскія; деньгами они не пользуются, хотя страна изобилуетъ золотыми и мѣдными копиями».

Въ эпоху Гомера золото и серебро играли уже роль единицъ обмѣна, но употреблялись они исключительно въ видѣ слитковъ, а на ряду съ ними, и даже значительно чаще, въ качествѣ денежныхъ единицъ фигурировали быки и овцы. На играхъ въ память Патрокла Ахиллъ предлагаетъ въ качествѣ приза «вазу новую и богато украшенную, стоящую одного быка».

Металлическія деньги стали употребляться въ Аѳинахъ только со времени Солона. Сначала это были желѣзныя монеты, позднѣе мѣдныя; серебряныя же распространились въ Греціи только въ VII в. до Р. X.

Первоначально эти серебряныя монеты имѣли видъ обыкновенныхъ небольшихъ слитковъ опредѣленнаго вѣса; потомъ на нихъ стали ставить какую-нибудь печать и писать ихъ стоимость, чтобы не приходилось взвѣшивать ихъ при каждой покупкѣ. Золотыя деньги стали употребляться значительно позднѣе серебряныхъ.

Право чеканки монеты оставалось всегда въ Греціи за государствомъ; въ республикахъ монета выпускалась именемъ народа; въ монархіяхъ—именемъ государя. Иногда государство признавало за какими-нибудь религіозными обществами право чеканить монеты, чтобы они могли пустить въ оборотъ накопленные сокровища. На всѣхъ греческихъ монетахъ ставилось обыкновенно изображеніе какого-нибудь божества.

IV. Трапезиты.

Греція распадалась на множество отдѣльныхъ общинъ, которыя имѣли собственныя монеты. Эти общины торговали между собой и съ другими странами. При этомъ купцамъ необходимо было размѣнивать деньги. Это обстоятельство создало цѣлый классъ людей, называвшихся трапезитами и занимавшихся главнымъ образомъ размѣномъ денегъ. Но, кромѣ размѣна денегъ, эти греческіе банкиры занимались попутно разными другими финансовыми операціями. Они брали вклады на храненіе и выдавали ссуды. При этомъ вклады они принимали подъ самыя небольшіе проценты, ссуды же выдавали только подъ очень высокіе. Торговля въ Греціи велась очень оживленно, потребность въ банкахъ возрастала и трапезиты извлекали громадныя барыши изъ своихъ операцій. Сто процентовъ съ затраченного капитала было ихъ обычнымъ доходомъ. Занятіе трапезитовъ, не пользовалось уваженіемъ; это видно уже изъ того, что трапезитами были почти исключительно метеки. Несмотря на это, ни одинъ крупный греческій коммерсантъ не могъ обойтись въ своихъ дѣлахъ безъ участія трапезитовъ; они имѣли текущіе счета въ ихъ конторахъ, пользовались, въ случаѣ надобности, кредитомъ, давали векселя за ихъ поручительство и т. п. Векселя и чеки были распространены въ Греціи не менѣе, если не болѣе, чѣмъ на Востокѣ. При широкомъ развитіи внѣшней, главнымъ образомъ морской торговли и тѣ, и другіе оказывались совершенно необходимыми.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ Греціи и особенно въ Аѣинахъ коммерческій духъ проявлялся не менѣе сильно, чѣмъ въ народахъ семитическаго племени.

V. О вліяніи торговли въ Греціи.

Пуская все болѣе и болѣе глубокіе корни въ греческой жизни страсть къ торговлѣ и финансовымъ операціямъ, страсть къ наживѣ, вообще говоря, сыграла въ Греціи очень печальную роль. «Любовь къ деньгамъ и ничто другое погубить Спарту», сказалъ Дельфійскій оракулъ Ликургу, и ту же самую мысль высказывали въ разное время лучшіе люди Греціи. На Аѣинахъ пророчество оракула сбылось еще скорѣе, чѣмъ на Спартѣ, такъ какъ Аѣины еще раньше вступили на этотъ путь. «Тѣ, кто дѣлаютъ изъ своего города рынокъ для всего міра, имѣютъ въ виду только наживу,—говоритъ Аристотель.—Но городъ не долженъ стремиться къ такого рода преимуществу, онъ не долженъ становиться рынкомъ». «О славное золото, порожденіе земли,—воскликаетъ Эврипидъ,—какой любовью зажигаешь ты сердца смертныхъ. Ты самая сильная изъ всѣхъ страстей, ты могущественный тиранъ, ты можешь бороться съ самимъ Марсомъ,—у тебя больше власти, чѣмъ у этого бога; ты двигаешь все существующее. Подъ

звуки мелодій Орфея животныя и деревья, лишившись разсудка, поднимались и слѣдовали за нимъ, а ты!—сама земля, моря, богъ войны, все побѣждающій, все слѣдуютъ за тобой, повинуются тебѣ!» Поэтъ не вдается въ оцѣнку такой власти денегъ, онъ только рисуетъ яркую картину ихъ могущества. Но Аристотель высказывается въ этомъ отношеніи совершенно опредѣленно; и главную причину зла онъ видитъ въ томъ, что деньги перестали служить только средствомъ обмѣна, въ чемъ состоитъ ихъ исключительное назначеніе, а стали играть самостоятельную роль. «Совершенно справедливо, — говоритъ онъ, — отвращеніе, которое питаютъ люди къ ростовщичеству, такъ какъ ростовщичество создаетъ богатство, порожденное самими деньгами и не отвѣчающее тому назначенію, для котораго оно существуетъ. Дѣйствительно, деньги существуютъ только для облегченія обмѣна, а ростовщичество умножаетъ богатство само по себѣ. При ростовщичествѣ деньги рождаются отъ денегъ, такъ что изъ всѣхъ способовъ обогащенія это наиболѣе противный природѣ». Но греки знали и другіе способы обогащенія, не болѣе допустимыя въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ ростовщичество; у нихъ, напримѣръ, существовалъ цѣлый промыселъ, состоявшій въ томъ, чтобъ закладывать за высокую сумму подъ большіе проценты корабли и потомъ топить ихъ среди моря, нагрузивъ, конечно, не цѣнными товарами, а пескомъ, камнями и т. п. Въ концѣ концовъ ко всей Греціи можно было приложить слова Полибія, которыми онъ характеризовалъ Критъ. «У нихъ богатство пользуется такимъ уваженіемъ, что накоплять его положительно необходимо и ничто не приноситъ большей чести человѣку. Однимъ словомъ, позорная страсть къ наживѣ до такой степени овладѣла ими, что на этомъ островѣ нажива, откуда бы она ни произошла, считается честной и законной».

ГЛАВА XVII.

Торговля въ Римѣ.

I. Мнѣніе римлянъ о торговлѣ.—Презрѣніе къ торговлѣ.—Что думалъ о ней Менацій.—Оцѣнка торговли Цицерономъ.—Статья изъ кодекса Юстиніана.—II. Мелкая торговля.—Прямой обмѣнъ между патриціями.—Базары и ихъ постепенная специализація.—Лавки и ихъ группировка по улицамъ.—Разносчики.—Торговцы.—Рабы и вольноотпущенники.—Система откуповъ и всадники.—Консервативный духъ лавочниковъ.—III. Крупная торговля.—Римъ-торговый центръ.—Римскій протекціонизмъ.—Ярмарки.—Торговля хлѣбомъ.—Морская торговля.—Торговый договоръ съ Карфагеномъ.—Развитіе торговли во время имперіи.—Сухопутная торговля.—Торговля съ Востокомъ.—Необузданная роскошь.—IV. Промышленность въ Римѣ.—Торговля рабами.—Семейная промышленность.—Презираемыя ремесла.—Корпорации ремесленниковъ.—Вольноотпущенники.—Покупка рабскаго труда.—Иноземные ремесленники.—Централизація.—Рабочіе-чиновники.—Разрѣшеніе соціальнаго вопроса сверху.—V. Кредитъ и проценты.—Права кредитора по законамъ XII таблицъ.—Займы въ до-историческую эпоху.—Ростовщичество при Катонѣ.—Банкиръ во времена Горація.—Законная норма процентовъ.—VI. О деньгахъ.—Живые деньги.—Мѣдные деньги.—Происхожденіе серебряныхъ монетъ.—Римская денежная система.—Республиканскія и императорскія деньги.—Фальшивыя деньги императоровъ.—Векселя и банкиры.—VII. Развитие торговли въ Римѣ.

I. Мнѣніе римлянъ о торговлѣ.

Съ самаго начала исторической жизни Рима мы встрѣчаемъ тамъ очень презрительное отношеніе къ торговлѣ. Да и не только къ торговлѣ, всякаго рода трудъ, кромѣ земледѣльческаго, не пользовался тамъ уваженіемъ. «Намъ нужны солдаты, а не ремесленники и купцы; покоренные будутъ работать на насъ». Цицеронъ, слова котораго служатъ всегда вѣрнымъ отраженіемъ мнѣній высшаго римскаго общества, высказывается еще опредѣленнѣе: «Прежде всего надо отказаться отъ занятій, вызывающихъ общественную ненависть: сборщиковъ податей и ростовщиковъ. Низко и недостойно свободнаго человѣка быть наемникомъ, которому платятъ за трудъ, а не за талантъ. Заработокъ этихъ людей является какъ бы цѣной ихъ рабства. Покупать у продавцевъ и тотчасъ же перепродавать—это тоже низменное занятіе; выгода тутъ всегда получается съ помощью обмана. А нѣтъ ничего презрѣннѣе лжи. Всѣ ремесла унижаютъ человѣка; никогда въ лавкѣ нельзя найти свободнаго человѣка. Торговля по мелочамъ презрѣнное занятіе; но крупная торговля, дающая благосостояніе, переливающая изъ одной страны въ другую большія массы товаровъ по умѣреннымъ цѣнамъ, не заслуживаетъ такого суроваго осужденія». Мы видимъ такимъ образомъ, что великій римскій ораторъ, а съ нимъ и римскій патриціатъ вообще, относился съ презрительнымъ осужденіемъ спеціально къ мелкой торговлѣ, дающей маленькіе барыши, крупныя же торговля

операціи, напротивъ, встрѣчались тамъ съ одобреніемъ. Кодексъ Юстиніана даже прямо запрещаетъ патриціямъ заниматься мелкой торговлей и промышленностью, чтобы не отнимать средствъ къ существованію у плебеевъ.

II. Мелкая торговля,

Несмотря на такое презрительное отношеніе, торговля, и именно мелкая торговля, развилась въ Римѣ сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Первоначально, торговля происходила исключительно на базарахъ, которые устраивались обыкновенно за городомъ и носили названіе *palatines*, отъ того, вѣроятно, что происходили разъ въ девять дней. Мало-по-малу, число этихъ базаровъ увеличивалось и они специализировались по родамъ товаровъ; на каждомъ изъ нихъ можно было найти только опредѣленные товары. Съ теченіемъ времени эта специализація пошла еще дальше. На ряду съ базарами въ городѣ стали устраиваться постоянныя лавки, которыя въ концѣ концовъ совершенно замѣнили базары. Эти лавки ютились въ маленькихъ грязныхъ помѣщеніяхъ, которыя патриціи строили для нихъ передъ своими роскошными дворцами и сдавали за громадную плату. Обыкновенно, торговцы одинаковыми товарами помѣщались рядомъ, такъ что цѣлыя улицы получали названія отъ этихъ лавочекъ: улица торговцевъ зерномъ, улица торговцевъ стекломъ, благовоніями, драгоценными украшеніями и т. п.

Кромѣ этихъ лавочекъ, въ Римѣ очень распространена была разносная торговля. Ею занимались преимущественно рабы въ пользу своихъ господъ. Торговать самому считалось позорнымъ для патриція, но посылать раба съ лоткомъ или коробомъ нисколько не унижало патриціанскую гордость. Весь позоръ торговли падалъ въ данномъ случаѣ на посредника, на раба, а чистый доходъ обогащалъ его господина. Послѣ Августа, когда патриціи стали массами отпускать на волю своихъ рабовъ, вольноотпущенники продолжали обыкновенно жить тѣмъ же привычнымъ занятіемъ, только уже отъ своего лица.

Кромѣ вольноотпущенниковъ и плебеевъ, былъ въ Римѣ еще одинъ классъ людей, преданныхъ разнымъ коммерческимъ операціямъ, а именно всадники. Въ Римѣ господствовала система сдачи съ торговъ разныхъ отраслей государственнаго хозяйства: обработки государственныхъ земель, эксплуатаціи государственныхъ рудниковъ, взиманія налоговъ, поставки на войска и т. д. Откупщиками являлись обыкновенно всадники и это открывало имъ широкое поле для всякаго рода спекуляцій.

Римскіе писатели считали весь классъ людей, занятыхъ разными видами торговли, самымъ консервативнымъ элементомъ римскаго общества. Это, конечно, само собой понятно: и для мелкихъ, и для крупныхъ торговцевъ всякіе безпорядки и пертурбаціи въ общественной жизни прино-

силы прямой и непосредственный убытокъ и поэтому они всегда стремились всѣми силами поддерживать существующій строй.

III. Крупная торговля.

Крупная внѣшняя торговля точно также процвѣтала въ Римѣ. Римъ, бывшій въ началѣ центромъ Италіи превратился съ теченіемъ времени въ міровой центръ и соотвѣтственно этому расширился районъ его внѣшней торговли.

Когда тотъ міръ, центромъ котораго являлся Римъ, сдѣлался римскимъ міромъ, внѣшняя торговля вся почти превратилась во внутреннюю. Но, несмотря на это, она никогда не избавилась отъ таможенныхъ стѣсненій, только теперь эти таможи изъ пограничныхъ превратились во внутреннія между отдѣльными провинціями. Главной заботой Рима всегда было обогащеніе государственной казны, поэтому и изъ торговли онъ стремился, главнымъ образомъ, извлечь доходъ для фиска. Таможенные пошлины были вообще очень высоки въ Римѣ; но особенно высокими пошлинами облагались предметы ввоза. Такъ, съ драгоценныхъ украшеній, привозимыхъ въ Римъ, уплачивалось $16\frac{1}{2}\%$ стоимости, при вывозѣ же они платили только $2\frac{1}{2}\%$ пошлины.

Главнымъ предметомъ торговли въ Римѣ былъ хлѣбъ. Первобытный Римъ былъ земледѣльской страной, но Римъ временъ имперіи совершенно не могъ прокормить себя своимъ хлѣбомъ, онъ всецѣло зависѣлъ отъ провинцій, главнымъ образомъ отъ Африки, которая представляла ему ежегодно по 6 милліоновъ гектолитровъ хлѣба.

Морская торговля римлянъ велась, главнымъ образомъ, съ Каррагеномъ и отчасти съ Египтомъ. Положимъ, и болѣе отдаленныя страны, какъ Индія, Персія и другія, посылали также свои товары въ міровой центръ, но они ограничивались почти исключительно посылкой золота и драгоценныхъ камней, такъ какъ это товары, совмѣщающіе большую цѣнность съ небольшимъ объемомъ.

Съ Каррагеномъ у римлянъ былъ даже особый торговый договоръ, заключенный въ консульство Юнія Брута и Марка Горація. По этому договору римскіе купцы обязывались вести торговлю съ африканской провинціей исключительно черезъ Каррагенъ.

Но главная торговля Рима велась не моремъ, а сухимъ путемъ, такъ какъ море свободно только лѣтомъ, съ ноября же по мартъ, по выраженію римлянъ, «моря замыкались». Вся римская имперія вдоль и поперекъ была перерѣзана прекраснѣйшими дорогами, нѣкоторыя изъ которыхъ сохранились еще и до сихъ поръ. Этими дорогами римляне стремились обезпечить свое владычество надъ покореннымъ міромъ, облегчая передвиженіе своихъ войскъ изъ одной провинціи въ другую. Но, конечно, этими же дорогами воспользовалась и торговля. Со всѣхъ концовъ свѣта по этимъ дорогамъ, какъ по артеріямъ, стреми

лись въ міровую столицу разнообразнѣйшія произведенія природы и искусства. И Римъ все это поглощалъ, развивая до невѣроятныхъ предѣловъ свои потребности.

Роскошь, царившая тогда въ Римѣ, приняла поистинѣ изумительные размѣры. Предметы роскоши, драгоценныя украшенія, тонкія вина и т. п., приобрѣтались римскими вельможами за баснословныя цѣны. Лукуллъ тратилъ на одинъ ужинъ по 50.000 динаріевъ (40.000 франковъ). Цезарь преподнесъ Сервили, матери Брута, жемчужину, купленную за 6.000.000 сестерцій, т. е. 1.200.000 франковъ.

IV. Промышленность въ Римѣ.

Говоря о торговлѣ въ Римѣ, мы не упомянули до сихъ поръ объ одной изъ очень важныхъ ея отраслей—о торговлѣ рабами. Обширныя завоеванія римлянъ бросали иногда на римскіе базары чуть не цѣлыя народности, захваченныя въ плѣнъ побѣдителями. Этотъ живой товаръ скоплялся порой въ Римѣ въ такомъ изобиліи, что цѣны на него падали до смѣшного. Плутархъ рассказываетъ, что въ лагерѣ Лукулла плѣнныхъ продавали по четыре драхмы ($3\frac{1}{2}$ франка) за человѣка.

Семьи римскихъ патриціевъ владѣли цѣлыми стадами рабовъ. Если припомнить въ то же время, что всякій трудъ, кромѣ земледѣльческаго, считался въ Римѣ позорнымъ, то станетъ само собой понятно, что все ремесла должны были исполняться руками рабовъ. Все, въ чемъ нуждалась для жизни семья патриція, производилось его рабами. Они строили его домъ, дѣлали его мебель и утварь, ткали и шили его одежды и т. д. Даже драгоценныя украшенія выдѣлывались первоначально искусными мастерами изъ рабовъ. Патрицій гордился тѣмъ, что все необходимое для его семьи готовится въ его же домѣ.

Но мало-по-малу, съ увеличеніемъ числа рабовъ, патриціи стали все чаще и чаще отпускать часть своихъ рабовъ на волю, и въ Римѣ образовался многочисленный классъ вольноотпущенниковъ, слившійся съ свободнорожденными, но неимущими пролетаріями. Нѣкоторые изъ нихъ остались кліентами своихъ бывшихъ господъ или пользовались даровой раздачей хлѣба, но большинство должно было кормиться своимъ трудомъ.

Конкурируя съ рабами, которыхъ ихъ господа тоже сплошь и рядомъ заставляли работать на продажу, эти пролетаріи занимались разными ремеслами и искусствами.

Они образовали между собой родъ союзовъ или коллегій съ цѣлью оказывать взаимно нѣкоторую поддержку.

По мѣрѣ роста императорской власти такое положеніе вещей стало постепенно измѣняться. Войны, столько времени кормившія путя населеніе, стали происходить все рѣже и рѣже. Въ то же время трудъ пересталъ считаться унижительнымъ; императоры взяли его, напротивъ,

подъ свое покровительство, дали ему разные льготы и привилегіи, и подчинили его государству. Въ концѣ концовъ работа превратилась въ государственную службу; были организованы государственныя мастерскія, рабочіе стали чиновниками и государство безъ колебаній брало рабочихъ изъ маленькихъ свободныхъ мастерскихъ и опредѣляло ихъ на свою службу. Такимъ путемъ соціальныя вопросы были разрѣшены, хотя самымъ худшимъ способомъ—сверху.

V. Кредитъ и проценты.

Въ первый періодъ римской исторіи займы были обставлены самыми тяжелыми условіями. Постановленія законовъ Двѣнадцати Таблицъ относительно этого поражаютъ своей жестокостью. Если по истеченіе мѣсяца послѣ срока ссуды должникъ не выплатитъ своего долга полностью, онъ отдается всецѣло во власть кредитора, и тогда «пусть кредиторъ свяжетъ его ремнями или закуетъ ноги его въ цѣпи не тяжелѣе пятнадцати фунтовъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если желаютъ, чтобы онъ самъ себя прокармливалъ, если же нѣтъ, пусть кредиторъ даетъ ему не менѣ одного фунта муки въ день. На третій день базара, пусть они (кредиторы) раздѣляютъ его на куски; если они отрѣжутъ болѣе или менѣ крупныя части, въ этомъ не будетъ ничего дурного» *). Кромѣ того, законъ двѣнадцати таблицъ давалъ право кредитору обращать въ рабство должника или продавать его за предѣлами Рима. Это послѣднее ограниченіе вызывалось тѣмъ, что въ границахъ римскаго государства ни одинъ свободный римлянинъ не могъ быть проданъ.

Ссуды выдавались обыкновенно подъ залогъ скота, рабовъ, земли и т. п. и до покрытія долга взятые подъ залогъ предметы считались собственностью кредитора. Позднѣе, они перестали считаться его собственностью, а только находились въ его временномъ пользованіи; только въ случаѣ не уплаты долга въ срокъ, они удерживались окончательно кредиторомъ.

Законный максимумъ процентовъ былъ установленъ децемвирами въ 12 годовыхъ процентовъ. Но на дѣлѣ этотъ максимумъ никогда не соблюдался и доходилъ иногда до 24, 48 и даже 50 годовыхъ процентовъ.

Все виды финансовыхъ операцій, о которыхъ намъ приходилось упоминать, говоря о Греціи, были извѣстны и въ Римѣ. Особенно славились различными спекуляціями на мошеннической подкладкѣ римскіе

*) Жестокость этого закона не должна изумлять читателя, если принять во вниманіе время, когда онъ примѣнялся. Стоитъ только припомнить, что у насъ по уложенію Алексѣя Михайловича кредиторъ имѣлъ право ставить должника на правешъ, т. е. выводить на базаръ и бить палками, пока какая-нибудь добрая душа не сжадется надъ нимъ и не выкупитъ его; если же доброй души не оказывалось, то его заколачивали на смерть.

всадники. Титъ Ливій описываетъ цѣлую организацію, устроенную однимъ откупщикомъ Постуміемъ, съ цѣлью потопленія кораблей, заложенныхъ за высокія суммы.

VI. Деньги.

При такомъ развитіи финансовой жизни деньги естественнымъ образомъ играли важную роль въ Римѣ, и денежная система должна была достигъ полной опредѣленности и единообразности.

Въ первое время существованія Рима роль единицы обмѣна игралъ тамъ скотъ. На это съ достаточной ясностью указываетъ самое происхожденіе римскихъ словъ capital (капиталъ) отъ caput—голова, голова скота, и pecunia (деньги) отъ pecus—скотъ.

Даже первыя металлическія деньги, появившіяся въ Римѣ, носятъ еще явные слѣды того, какія первобытныя денежные единицы они собой замѣнили; на нихъ всегда почти находятся изображенія быковъ и овецъ. Эти первобытныя монеты чеканились изъ мѣди и имѣли опредѣленный вѣсъ въ сто граммовъ. Стоимость ихъ равнялась стоимости заключенной въ нихъ мѣди.

Послѣ покоренія Греціи въ Римъ проникла и серебряная монета—динарій. Сначала право чеканки монеты принадлежало всѣмъ свободнымъ римлянамъ. Каждый имѣлъ право превращать свои сокровища въ звонкую монету. Золотая монета встрѣчалась очень рѣдко въ республиканскій періодъ; только военачальники чеканили монеты изъ золота, чтобы платить жалованье войску.

Золото, приливавшее массами изъ покоренныхъ провинцій, хранилось въ слиткахъ въ государственной казнѣ, пока Цезарь не наложилъ на него руку для удовлетворенія своихъ возраставшихъ потребностей.

Императоры оставили за собой право чеканки монеты и только нѣкоторымъ провинціямъ и городамъ уступалось въ видѣ особой милости это право. Съ теченіемъ времени оно стало даваться все рѣже и все дороже оплачиваться, императоры поняли выгоду держать его исключительно въ своихъ рукахъ. Но по мѣрѣ роста потребностей императорскаго двора и это перестало удовлетворять императоровъ, и они превратились въ фальшивыхъ монетчиковъ. Ко времени Септимія Севера римская серебряная монета заключала въ себѣ только 50 и даже 40% того количества серебра, которое значилось по ея номинальной стоимости. Золотыя деньги тоже поддѣлывались, стали выпускать монеты изъ накладного серебра. Публика стала искать старыхъ республиканскихъ мѣдныхъ монетъ, но онѣ быстро исчезли изъ обращенія, и въ области финансовыхъ отношеній воцарилась величайшая смута.

Для развитія разнаго рода спекуляцій такое положеніе вещей было въ высшей степени благоприятно, и дѣйствительно банкиры въ это время приобрѣли громадное значеніе въ Римѣ. Чеки и векселя принимались

гораздо охотнѣе государственныхъ денегъ. Ростовщичество расло не по днямъ, а по часамъ. Юстиніанъ пробовалъ огравичить доходы банкирскихъ домовъ, опредѣливъ максимумъ законныхъ процентовъ въ 8 годовыхъ; но, конечно, такой законъ создалъ только еще больше многочисленныя обходы его.

ГЛАВА XVIII.

Торговля въ варварской и средневѣковой Европѣ.

I. Иберы. — Европа въ до-римскую эпоху. — Дикіе иберы. — II. Скифы и славяне. — III. Германцы. — Ихъ презрѣніе къ работѣ. — Торговля посредствомъ обмѣна. — Презрѣніе къ благороднымъ металламъ. — Незнакомство съ ростовщичествомъ. — IV. Кельты и галлы. — Торговля бретанцевъ. — Слитки. — Права кредиторовъ Ирландіи. — Этнологія Галліи. — Торговля въ римской провинціи — Галліи. — V. Варварскій періодъ средневѣковья. — Торговое вліяніе иностранцевъ. — VI. Германское завоеваніе. — Организація трудовъ римской Галліи. — Введеніе германцами рабства. — Ихъ таможенныя пошлыны. — Германскія деньги. — VII. О деньгахъ. — Остатки прежняго въ денежной системѣ западной имперіи. — Золотая монета. — Деньги Людовика святого. — Флорентійскій золотой флоринъ. — Князья-фальшивые монетчики. — VIII. Ссуды и проценты. — Повышеніе раамѣра процентовъ. — Храмовники и ихъ увлеченіе коммерческими дѣлами. — Ломбардскіе и флорентійскіе финансисты. — Евреи-ростовщики. — Средневѣковой антисемитизмъ. — Итальянскіе банки. — Векселя. — Ссуды подъ большіе проценты. — Трудъ и капиталъ. — IX. Гильдіи. — Цехи. — Ихъ организація. — Итальянскіе торговые города. — Фламандскія гильдіи. — Корпораціи. — Монополіи и запретительные законы. — Подчиненіе корпорацій королевской власти. — Законы Кольбера. — Ростъ мастерскихъ. — Красильная промышленность во Флоренціи. — Шелковая промышленность въ Испаніи.

I. И б е р ы.

Греція и Римъ достигли очень высокихъ ступеней цивилизаціи и, конечно, цивилизація эта не погибла послѣ паденія обоихъ этихъ государствъ, она оказала громадное вліяніе на новыя государства, возникшія впослѣдствіи въ западной Европѣ. Но вліяніе это сказалось значительно позднѣе. Современные имъ народы, населявшіе страны къ сѣверу отъ Италіи и Греціи, находились еще долгое время въ состояніи полнѣйшаго варварства; греко-римская цивилизація скользила по нимъ, почти не затрогивая ихъ.

Въ періодъ римскихъ завоеваній западную Европу населяли различныя племена, отчасти слившіяся потомъ другъ съ другомъ, отчасти сохранившія свои характерныя особенности и до нашихъ дней. На крайнемъ западѣ, главнымъ образомъ на Пиринейскомъ полуостровѣ, жили различныя иберійскія племена; среднюю Европу населяли галлы, кельты и германцы, а дальше на востокъ кочевали славяне и нѣкоторые монгольскія племена. До римскаго завоеванія большая часть иберійскихъ племенъ не вышли еще изъ состоянія самой первобытной

дикости; нѣкоторые ихъ обычаи напоминали даже краснокожихъ индѣйцевъ. Но этого никакъ нельзя сказать относительно всѣхъ вообще иберійцевъ. Тѣ изъ нихъ, которые входили въ сношенія съ финикійцами, а позднѣе съ римлянами, достигали значительно высшихъ ступеней культуры. Страбонъ рассказываетъ, что въ его время они занимались земледѣіемъ, выдѣлывали виноградныя вина, добывали каменную соль, разводили прекрасную породу овецъ, цѣнившуюся чрезвычайно высоко, и всѣми этими продуктами вели оживленную торговлю съ римлянами. Но главнымъ предметомъ обмѣна у иберійцевъ было золото. Въ пескѣ ихъ рѣкъ встрѣчалось прекрасное, чистое золото и они добывали его самыми первобытными способами, вырывая колодцы и промывая въ нихъ золотиносный песокъ. Относительно самой организаціи торговли у иберійцевъ до насъ дошло очень мало точныхъ свѣдѣній.

II. Скиѣ и славяне.

Еще менѣе опредѣленныхъ извѣстій имѣется у насъ относительно торговли у древнѣйшихъ славянъ. Данные о бытѣ древнѣйшихъ славянъ, встрѣчающіяся у греческихъ и римскихъ авторовъ, крайне скудны и противорѣчивы.

Греки и римляне приходили очень рѣдко въ соприкосновеніе съ славянами, они встрѣчались съ ними только на Нижнемъ Дунаѣ и на сѣверныхъ побережьяхъ Чернаго моря. Притомъ въ Крыму они, кромѣ славянъ, встрѣчали также татарскія племена и всѣхъ ихъ смѣшивали подъ общимъ названіемъ скивовъ. Занимались эти скиѣ преимущественно охотой и скотоводствомъ, хотя мѣстами имъ было извѣстно и земледѣіе. Главнымъ предметомъ обмѣна съ греческими купцами служили у нихъ шкуры дикихъ звѣрей и, вѣроятно, эти же шкуры являлись первоначальнымъ денежнымъ знакомъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются только о познѣйшей исторической эпохѣ, когда русскіе славяне завязали самостоятельныя торговыя сношенія съ западными купцами черезъ Новгородъ Великій *).

III. Германцы.

О германцахъ древніе авторы сообщаютъ намъ значительно больше подробностей. По словамъ Тацита, въ его время германскія племена находились еще въ отношеніи торговли на самой первой ступени ея развитія. Они относились съ презрѣніемъ ко всякаго рода мирному труду и признавали войну единственнымъ занятіемъ, достойнымъ сво-

*) Для русскихъ читателей описаніе этого періода не представитъ интереса, тѣмъ болѣе, что въ него вкрались у автора нѣкоторыя неточности и ошибки. Поэтому мы опускаемъ конецъ этой главы.

боднаго человѣка. «Они считали позорнымъ покупать цѣною поста то, что могли приобрести цѣною крови; въ мирное время они предавались охотѣ, сну и безконечнымъ пирамъ; всякій имѣлъ тѣмъ больше права на бездѣлье, чѣмъ храбрѣе онъ себя выказалъ во время войны. Всѣ работы исполнялись рабами подъ наблюденіемъ женщинъ, увѣчныхъ, стариковъ и небольшого числа вольноотпущенныхъ». Рабы воздѣлывали ихъ землю, пасли стада, строили жилища и готовили ихъ любимый напитокъ—пиво. Торговля ограничивалась очень рѣдкими случаями непосредственнаго обмѣна. Между собой имъ почти не приходилось прибѣгать къ обмѣну, такъ какъ частной собственности они не знали, все имущество было общее, а рабы добывались при военныхъ набѣгахъ на сосѣдей. Только пограничныя съ римлянами племена познакомились естественнымъ путемъ съ торговлей и стали цѣнить благородные металлы, которымъ остальные германцы не придавали никакого значенія.

IV. Кельты и галлы.

Гальскія и кельтическія племена стояли въ культурномъ отношеніи нѣсколько выше славянъ и германцевъ. Они раньше перешли къ осѣдлому быту и занимались земледѣлемъ. Наименѣе цивилизованную вѣтвь ихъ составляли кельты британскіе; но и имъ не была чужда торговля. Они продавали рабовъ, охотничьихъ собакъ прекрасной породы, скотъ, хлѣбъ, золото, серебро и желѣзо; мѣдь они получали изъ другихъ странъ. И мѣдь, и золото, и желѣзо въ слиткахъ играли у нихъ роль денежныхъ знаковъ.

У ирландскихъ кельтовъ роль мѣнковой единицы игралъ, вѣроятно, скотъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ существовавшій у нихъ обычай отдавать скотъ въ долгъ, какъ деньги, подъ проценты. Обыкновенно начальники небольшихъ племенъ давали своимъ подданнымъ небольшія стада срокомъ на семь лѣтъ. Весь приплодъ этихъ стадъ шелъ въ видѣ процентовъ собственнику; по приблизительному расчету это составило бы на деньги около 33% ежегодно, такъ что въ семь лѣтъ кредиторъ получалъ болѣе 200% барыша, но зато первоначальное стадо дѣлалось уже по истеченіи срока собственностью должника.

Кельты, жившіе въ Галліи, особенно въ сѣверной вели совершенно такой же образъ жизни, какъ и британскіе кельты; у нихъ были громадныя стада скота и, кромѣ того, они сѣяли просо и занимались нѣкоторыми ремеслами, матеріи и ковры, которые они ткали, получили даже извѣстность среди сосѣднихъ народовъ.

Южная Галлія, составлявшая римскую провинцію, стояла, конечно, значительно выше сѣверной. Марсель познакомилъ ее съ промышленностью и торговлей еще до римскаго завоеванія. Въ 118 г. до Р. Х. она была окончательно присоединена къ Риму и съ тѣхъ поръ соста-

вляла равноправную часть римской имперіи. Она веда постоянную оживленную торговлю съ сѣверной Галліей и даже съ Британіей.

V. Торговля въ варварскій періодъ средневѣковья.

Первобытное населеніе Европы, принадлежавшее къ самой высшей по типу человѣческой расѣ, начинало въ отношеніи промышленности и торговли съ тѣхъ же самыхъ примитивныхъ пріемовъ, какъ и цвѣтное населеніе Африки и Америки. Прежде чѣмъ на нихъ стали оказывать вліяніе болѣе цивилизованные народы—финикійцы, греки и римляне, они ни чѣмъ не отличались отъ чернокожихъ и краснокожихъ дикарей. Постепенно, знакомство съ этими цивилизованными народами вывело ихъ изъ состоянія варварства, они стали перенимать отъ нихъ нѣкоторые виды промышленности, заимствовали пріемы земледѣлія и, наконецъ, освоились не только съ обмѣномъ, но и съ болѣе сложными способами торговли.

Кельты, которые ближе остальныхъ европейскихъ народовъ сталкивались съ римлянами, скорѣе всѣхъ продѣлали весь этотъ путь. Славяне, оставшіеся долгое время совершенно въ сторонѣ отъ постороннихъ вліяній, развивались значительно медленнѣе, но зато они въ большей степени сохранили свою самостоятельность и характерныя особенности своего типа.

Германцы, какъ и кельты, испытали на себѣ въ полной мѣрѣ вліяніе римской цивилизаціи, но только не въ качествѣ побѣжденныхъ, а въ качествѣ побѣдителей. Поэтому образовавшіяся на мѣстѣ римской имперіи новыя государства не явились точнымъ сколкомъ съ Рима, побѣдители наложили на нихъ все-таки хоть до нѣкоторой степени свой отпечатокъ.

VI. Германское завоеваніе.

Ко времени германскаго завоеванія промышленность и торговля въ Галліи были организованы совершенно по римскому типу. Въ ней были тѣ же государственныя мастерскія и тѣ же купеческія корпораціи, какъ и въ Римѣ. Государственный централизмъ былъ доведенъ до высшей степени. Интересы частныхъ людей и ихъ свобода были совершенно подавлены во имя государственныхъ интересовъ.

Германское завоеваніе нѣсколько измѣнило характеръ этой зависимости, но ни въ какомъ случаѣ не облегчило ея. Государственныя мастерскія исчезли, но рабочіе не получили свободы; они попали въ крѣпостную зависимость отъ землевладѣльцевъ, отъ монастырей и т. п. Организациа финансоваго управленія осталась римская. Товары были обложены всевозможными пошлинами. Кромѣ пограничныхъ таможенъ, страна была покрыта цѣлою сѣтью таможенъ внутреннихъ. Товары должны были уплачивать пошлины при въѣздѣ и при выѣздѣ изъ cadaго города, при переѣздѣ черезъ мосты и т. п. Германцы приба-

вили къ этимъ римскимъ пошлинамъ еще нѣсколько своихъ, такъ что торговля была поставлена въ очень затруднительныя условія.

VII. О деньгахъ.

Ознакомившись съ римскими деньгами, германскіе государи пожелали, конечно, присвоить себѣ право римскихъ императоровъ чеканить монету. Появленіе монетъ съ изображеніемъ королей-меровинговъ знаменуетъ собой несомнѣннымъ образомъ фактъ окончательнаго паденія западно-римской имперіи.

Первоначальныя средневѣковыя монеты носятъ на себѣ ясныя слѣды перехода отъ слитковъ благородныхъ металловъ: это были фунтъ золота, фунтъ серебра и опредѣленные по вѣсу части ихъ — су и динаріи. Разница была только въ томъ, что эти слитки носили изображеніе королей и ихъ не надобно было каждый разъ перевѣшивать. Мѣдныя деньги, попадавшіяся иногда въ римской имперіи, въ средніе вѣка исчезаютъ совершенно, обращаются исключительно золотыя и серебряныя монеты. Изъ отдѣльныхъ монетъ, обращавшихся въ средніе вѣка, слѣдуетъ упомянуть ливръ (*tournois*), введенный Людовикомъ Святымъ, стоившій на современныя деньги одинъ франкъ шесть сантимовъ, и золотые динаріи, называвшіеся овцами или агнцами, такъ какъ на нихъ находилось изображеніе Божественнаго Агнца.

Большіе итальянскіе города сохранили за собой и послѣ паденія западно-римской имперіи право чеканки монеты. Вслѣдствіе этого въ западной Европѣ обращалось въ средніе вѣка множество различныхъ видовъ монетъ, что очень затрудняло торговые сдѣлки. Кромѣ разнообразія денежныхъ знаковъ, большой помѣхой для торговли служило обиліе фальшивыхъ денегъ. Кромѣ частныхъ лицъ, поддѣлкой монетъ по примѣру римскихъ императоровъ, стали заниматься и средневѣковые князья и короли. Эта поддѣлка денегъ принимала такіе размѣры, что въ концѣ концовъ самимъ государямъ приходилось бороться съ ней. Людовикъ Святой, выпуская новыя монеты, старался вернуть имъ прежнюю чистоту и преслѣдовалъ поддѣлку ихъ.

VIII. Ссуды и проценты.

Послѣ паденія западно-римской имперіи многіе мѣстные обычаи, заглохшіе подъ нивелирующей властью Рима, вновь проявились и окрѣпли. Прежде всего воскресла подавленная Римомъ идея объ извѣстной солидарности всѣхъ членовъ одной общественной группы, городской или сельской общины, и т. п. Эта солидарность выражалась прежде всего взаимной круговой отвѣтственностью всѣхъ членовъ такой общины. Если какой-нибудь генуэзецъ давалъ ссуду пизанцу, и тотъ не уплачивалъ ему въ срокъ своего долга, генуэзская община снабжала кредитора полномочіями, по которымъ онъ могъ искать свой долгъ съ любого гражданина Пизы. Въ этомъ случаѣ пизанская об-

щина или понуждала неисправнаго должника возвратить долгъ, или раскладывала его между всѣми своими членами. Къ такимъ мѣрамъ прибѣгали не только частныя лица, но и государи; они налагали взысканіе на имущество дѣлаго города при неисправности какого-нибудь изъ его купцовъ.

Между тѣмъ случаи неисправной уплаты ссудъ происходили чрезвычайно часто въ средніе вѣка, что объясняется очень высокими процентами на ссуды. Уровень процентовъ въ разныхъ государствахъ и въ разное время сильно колебался, но, можно сказать, что въ общемъ онъ рѣдко спускался ниже 20% въ годъ, а иногда поднимался и до 40—45%.

Вслѣдствіе такой высоты процентовъ занятія всякими финансовыми операціями было очень выгодно и количество разнаго рода банковъ и конторъ росло съ каждымъ годомъ. Даже духовенство не чуждалось денежныхъ спекуляцій, не смотря на многократныя запрещенія этой дѣятельности папскимъ престоломъ. Цѣлый монашескій орденъ храмовниковъ прославился искусными финансовыми операціями. Онъ давалъ ссуды подъ проценты, занимался размѣномъ денегъ, страхованіемъ и т. п., умножая свои богатства, пока его главный должникъ Филиппъ Красивый не добился его уничтоженія въ 1311 г.

Въ средніе вѣка еще не было въ финансовыхъ дѣлахъ такой спеціализаціи, какъ въ настоящее время; обыкновенно всѣ виды денежныхъ операцій сосредоточивались въ однихъ рукахъ. Сѣверная Італія и главнымъ образомъ Ломбардія особенно славилась своими искусными дѣльцами. Банкиры-ломбардцы не довольствовались дѣятельностью у себя на родинѣ, ихъ конторы разсѣялись по всей Італіи и даже Франціи; въ каждомъ городѣ можно было найти Ломбардскую улицу, гдѣ группировались банкирскія конторы. Другіе итальянскіе города не отставали отъ Ломбардіи и въ каждомъ было нѣсколько домовъ, составившихъ себѣ крупныя состоянія разнаго рода спекуляціями.

Рядомъ съ ломбардцами въ отношеніи занятій финансовыми операціями стояли въ средніе вѣка евреи. По словамъ средневѣковыхъ авторовъ, евреи брали еще большій процентъ, чѣмъ остальные банкиры, и часто доводили до полнаго разоренія своихъ должниковъ. Отсюда происходили вспыхивавшіе постоянно еврейскіе безпорядки и преслѣдованія, которымъ подвергались евреи во всѣхъ почти государствахъ. Во многихъ мѣстахъ для противодѣйствія евреямъ стали возникать національные банки; первый изъ такихъ банковъ былъ основанъ въ Венеціи въ 1157 г. Почти всѣ типы финансовыхъ операцій, извѣстныя теперь, ведутъ свое начало отъ среднихъ вѣковъ. Векселя, чеки, акціи были распространены немногимъ менѣе, но особенно выгодной операціей считалось страхованіе ссуды подъ рискованныя предпріятія. Проценты на такого рода ссуды достигали иногда до 20 мѣсячныхъ т. е. 240% въ годъ, но, конечно, кредиторъ могъ зато при неблаго-

пріятнихъ обстоятельствахъ сразу потерять затраченный капиталъ. Очень большія преміи брали также банкирскія конторы, страхуя товары отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ.

IX. Промышленность и цехи.

Устройство цеховъ въ средніе вѣка послужило началомъ большого движенія, сказавшагося впоследствии въ городскихъ общинахъ. Римская имперія знала только рабочихъ непосредственно подчиненныхъ государству. Въ германскихъ государствахъ, возникшихъ непосредственно вслѣдъ за паденіемъ Рима, рабочіе почти повсемѣстно превратились въ крѣпостныхъ. Когда въ IX и X вѣкахъ случаи освобожденія крѣпостныхъ сдѣлались довольно многочисленны, вольноотпущенники стали соединяться въ союзы, чтобы сколько-нибудь защититься отъ притѣсненій; эти союзы съ теченіемъ времени превратились въ цехи. Цехъ до нѣкоторой степени ограждалъ своихъ членовъ.

Въ XIII вѣкѣ цехъ представлялъ общество ремесленниковъ, живущихъ въ одномъ городѣ и занимающихся однимъ ремесломъ. Общество имѣло свои законы, свои привилегіи, свои управленія и свои доходы; оно ограждало своихъ членовъ отъ феодальныхъ притѣсненій и отъ конкуренціи. Соединяясь, ремесленники присваивали себѣ исключительное право заниматься даннымъ мастерствомъ и устанавливали постоянное число мастеровъ. Въ каждомъ цехѣ были мастера, рабочіе и ученики, но число учениковъ было ограничено. Чтобы быть принятымъ, ученикъ долженъ былъ получить право работать и заключить съ однимъ изъ мастеровъ условіе работать на него въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ, обыкновенно отъ шести до десяти. Ученикъ жилъ у своего мастера и ѣлъ за его столомъ. Сдѣлавшись рабочимъ, онъ могъ работать, гдѣ ему угодно; число рабочихъ не было ограничено, но никто изъ нихъ не имѣлъ право покинуть своего хозяина, не окончивъ данную ему работу и не получивъ увольненія; притомъ онъ долженъ былъ предупредить мастера за три мѣсяца впередъ.

Чтобы стать самому мастеромъ, рабочій долженъ былъ представить свою лучшую работу (*chef-d'œuvre*). Послѣ этого только управленіе цеха могло ему дать званіе мастера. Но и тутъ еще не все кончалось; послѣ торжественнаго приѣма въ цехъ мастеръ долженъ получить подтвержденіе своего права отъ короля или отъ сеньера. Но зато послѣ этой сложной процедуры мастера становились въ привилегированное положеніе и въ своей сферѣ дѣлались, въ свою очередь, всемогущими деспотами. Они запрещали постороннимъ заниматься своимъ ремесломъ; строгими правилами они уравнивали положеніе мастеровъ и опредѣляли съ мелочной точностью достоинство производимыхъ товаровъ, чтобы устранить такимъ образомъ возможность конкуренціи.

Въ республиканскихъ городскихъ общинахъ Италіи цехи сдѣлались основой всего общественнаго строя; они взяли въ свои руки все городское управленіе.

Во Фландріи могущественные крупные цехи тоже захватили всю политическую власть, устранивъ болѣе мелкіе отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ.

Но въ то же время вездѣ, гдѣ существовалъ феодальный строй, цехи были подчинены сеньерамъ и ихъ уполномоченные вѣдали съ нихъ всякаго рода пошлыны, подати и штрафы. Они могли даже налагать запрещеніе на товары, арестовывать мастеровъ, закрывать ихъ лавки, а въ крайнемъ случаѣ уничтожать и самый цехъ. Всѣ эти стѣсненія стремились какъ бы уравновѣсить данныя цехамъ привилегіи. Съ своей стороны, цехи обставляли занятіе ремесломъ всевозможными стѣснительными условіями. Они опредѣляли до мельчайшихъ подробностей, какъ въ Китаѣ, качество, вѣсъ, объемъ, форму и способъ производства товаровъ. Въ Абевилѣ, наприимѣръ, всякая штука сукна, признанная правленіемъ цеха не сходной съ образцомъ, торжественно сжигались при звонѣ колоколовъ, а сдѣлавшій ее мастеръ изгонялся на одинъ годъ и одинъ день.

Когда королевская власть во Франціи подчинила себѣ феодальную аристократію, она стала дѣлать попытки распространить свое господство и на цехи. Карлъ VI уничтожилъ въ Парижѣ управляющихъ цехами и подчинилъ ихъ парижскому префекту; та же судьба постигла цехи Руана, Амьена и другихъ городовъ. Но подъ условіемъ полной покорности королевской власти, цехи сохраняли все-таки свою внутреннюю организацію и свои промышленныя привилегіи. Королевская власть сохраняла за собой право измѣнять постановленія цеховъ и часто она даже еще увеличивала ихъ тираническій надзоръ за производствомъ. Особенно много зла сдѣлалъ въ этомъ направленіи Кольберъ. Въ 1676 году этотъ министръ объявилъ правила для руанскихъ ткачей. По этимъ правиламъ мастера обязывались ткать матеріи опредѣленной ширины и длины и употреблять при этомъ опредѣленное количество нитокъ опредѣленнаго достоинства; всѣ мастерскія и лавки цеховъ подчинены были надзору правительственныхъ чиновниковъ, слѣдившихъ за исполненіемъ этихъ правилъ и привлекавшихъ къ отвѣтственности за малѣйшее отступленіе отъ нихъ. Постепенно и другіе цехи были подчинены такимъ же правиламъ. Въ то же время Генрихъ IV, а потомъ и его преемники, не смотря на протесты цеховъ, стали открывать въ Луврѣ свободныя мастерскія. Въ этихъ мастерскихъ подъ наблюденіемъ самихъ королей стали вводиться разныя новшества, которые не допускались въ цехахъ.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ развивалась средневѣковая промышленность и росло количество цеховъ. При Людовикѣ Святомъ въ Парижѣ ихъ насчитывалось до 150. Во Франціи и Италіи особенно процвѣтало ткацкое ремесло, причемъ ткались главнымъ образомъ шерстяныя ткани, шелкъ же былъ сравнительно мало распространенъ въ средніе вѣка.

ГЛАВА XIII.

Торговля въ средніе вѣка и въ новое время.

I. Стѣсненіе торговли.—Правила, ордонансы и привилегіи.—Спеціализація цеховъ.—Нормировка цѣнъ и платы за трудъ.—Королевскіе ордонансы.—Сенъеріальныя пошліны.—Недостатки мореплаванія.—Пираты.—Монополія.—II. Расширеніе торговли въ средніе вѣка.—Торговая дѣятельность—Ганза.—Хартія Іоанна Безземельнаго.—Свобода торговли въ Англіи.—Англійскій протекціонизмъ.—Сильный ростъ промышленности.—Торговые города Італіи.—Перепроизводство. — Погоня за сбытомъ.—Рынки и торговые договоры итальянскихъ городовъ.—Франція.—Ярмарки и ихъ организація.—Морская торговля.—Охранныя грамоты.—Ганзейская лига и пираты.—Морское консульство.—Договоръ въ Висби.—III. Торговля въ новое время.—Могущество торговой аристократіи.—Истинныя причины Возрожденія.—Протекціонизмъ.—Кольбертизмъ.—IV. Морскія экспедиціи.—Прогрессъ въ мореплаваніи.—Руль и компасъ.—Морская астролябія.—Открытіе Америки.—Великіе мореплаватели.—V. Колоніи.—Жестокость европейцевъ-колонизаторовъ.—Миѣнне Монтени.—Захватъ колоній метрополіей.—Эксплуатація американскихъ индѣйцевъ.—VI. Крупныя компаніи.—Индійская компанія.—Жадность и деморализація.—Вліяніе денегъ.—Слѣдствіе открытія Америки.—Эксплуатація колоній.

I. Стѣсненіе торговли.

Средневѣковая промышленность не отдѣлялась еще отъ торговли; мастера являлись въ то же время и торговцами. Торговля была стѣснена не менѣе, чѣмъ промышленность. Внутренніе законы цеховъ и королевскіе указы регулировали продажу товаровъ точно такъ же, какъ и ихъ производство. Всякій цехъ имѣлъ свои привилегіи и очень дорожилъ ими. Было запрещено зазывать къ себѣ покупателей, отвлекая ихъ отъ сосѣднихъ лавокъ. Одинъ цехъ не долженъ былъ ни подъ какимъ видомъ вторгаться въ область другого. Кузнецъ не имѣлъ права сдѣлать ключъ и мелочной торговецъ продать его, такъ какъ и то, и другое составляло право слесаря. Портной не могъ починить стараго платья, а лоскутникъ—сшить новое.

Иногда королевскій указъ отмѣнялъ эти стѣсненія и изобрѣталъ на ихъ мѣсто новыя. Такъ, король Іоаннъ издалъ въ 1351 г. ордонансы которыми устанавливались цѣны на всѣ товары и опредѣлялась плата за трудъ. Поденные рабочіе должны были получать содержаніе и шесть денье въ день. Пара сапогъ стоила четыре денье и т. д. Съ другой стороны тѣмъ же самымъ указомъ отмѣнялись нѣкоторыя привилегіи цеховъ. Число учениковъ не ограничивалось болѣе; работать имѣлъ право всякій при условіи, чтобы «работа его была хороша и одобрена экспертами, назначенными префектомъ». Иногородніе купцы имѣли право торговать въ городѣ безъ разрѣшенія цеховъ. Такого рода указы одновременно и освобождали и еще болѣе связывали и промышленность, и торговлю, и во всякомъ случаѣ вносили большую путаницу въ существовавшія отношенія.

Изъ одного города въ другой товары перевозились частью по рѣкамъ, частью по сухопутнымъ дорогамъ. И тѣ, и другіе не отличались удобствомъ и безопасностью. Съ одной стороны, на каждомъ шагу мѣстные сеньеры требовали уплаты всевозможныхъ пошлинъ, съ другой—угрожали разбойничьи нападеныя.

Для перевозки товаровъ купцы соединялись обыкновенно въ особыя товарищества и путешествовали караванами. Такія дорожныя товарищества обращались къ сеньерамъ и баронамъ, черезъ земли которыхъ лежалъ ихъ путь, и, уплативъ всѣ слѣдующія пошлины, просили взаимнаго въ которой охраны. Сеньеры назначали отъ себя вооруженную стражу для сопровожденія каравановъ, обязывались защищать отъ разбойниковъ и отъ всякихъ другихъ дорожныхъ случайностей. Такія вооруженныя свиты оказывались нелишними даже при проходѣ черезъ вольные города.

Моря даже и въ мирное время не могли считаться безопасными. Съ одной стороны мореплаваніе само по себѣ было сопряжено съ большимъ рискомъ, вслѣдствіе плохого состоянія кораблей, невѣжества моряковъ и полнаго незнакомства съ морскими теченьями. Съ другой стороны, морскіе разбои процвѣтали во всѣхъ европейскихъ моряхъ. На сѣверѣ—скандинавы, на югѣ—берберы занимались морскимъ разбоемъ, какъ ремесломъ. Англійскіе короли до XV вѣка не могли добиться покорности отъ своихъ пиратовъ. Всѣ рѣки въ сѣверной Франціи были устья разными подводными машинами для остановки кораблей норманнами.

Если кораблю удавалось избѣжать всѣ эти опасности, ему предстояло еще множество стѣсненій въ портовыхъ городахъ, заручившихся всевозможными монополіями и привилегіями. Такъ, напримѣръ, граждане Руана получили въ 1150 г. хартію, предоставлявшую имъ всю ввозную и вывозную торговлю виномъ Франціи. Кромѣ того, ни одинъ корабль не могъ отправиться изъ Франціи въ Ирландію иначе какъ изъ Руана. Между Парижемъ и Руаномъ существовалъ родъ торговаго договора, по которому Сена признавалась путемъ, по котоу ому имѣли право перевозить свои товары только парижскіе и руанскіе купцы; всякій посторонній корабль появлявшійся на Сенѣ, долженъ былъ быть немедленно остановленъ.

Такую же исключительность можно было встрѣтить и въ другихъ средневѣковыхъ городахъ. Такъ, въ Венеціи всякій мастеръ, завязавшій торговыя сношенія съ иностранными купцами, считался виновнымъ въ государственномъ преступленіи.

II. Развѣтіе торговли въ средніе вѣка.

Не смотря на всѣ стѣсненія, средневѣковая торговля развивалась очень широко. Особенно содѣйствовало ея развитію усиленіе и постепенное освобожденіе городскихъ общинъ. Они росли, дѣлались все

сильнѣе и независимѣе, добивались у королей и сеньеровъ необходимыхъ привилегій и заключали между собой оборонительные союзы. Самый значительный и могущественный изъ этихъ союзовъ былъ Ганзейскій союзъ, основанный въ XIII вѣкѣ Гамбургомъ, Бременомъ и Любекомъ.

Въ 1215 году Іоаннъ Безземельный издалъ великую хартію, по которой англійскіе купцы получили полную свободу. Они могли съ этихъ поръ безпошлинно торговать внутри своей страны, разѣзжать по ней куда угодно, покидать Англію и возвращаться въ нее, не испрашивая особаго разрѣшенія, и заводить торговля сношенія со всѣми странами. До тѣхъ поръ Англія была страной по преимуществу земледѣльческой и пастушеской. Изъ всѣхъ видовъ промышленности въ ней раньше всего появилась ткацкая шерстяная, съ которою ее познакомили голландцы. Но вслѣдъ затѣмъ промышленность стала развиваться въ ней очень быстро и она вскорѣ опередила всѣ остальные европейскія страны, именно потому, что внутренняя торговля была тамъ совершенно свободна. Въ этомъ отношеніи одна Голландія стояла въ одинаковыхъ съ нею условіяхъ. Лондонъ сталъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ Европы и иноземные купцы стремились туда отовсюду. Но англійское купечество и крупные англійскіе промышленники, добившись для себя такихъ исключительныхъ привилегій, не желали, чтобы иностранцы пользовались въ своихъ видахъ выгодами свободной конкуренціи. По отношенію къ нимъ англичане являлись, наоборотъ, строгими протекціонистами. Иностранные товары были обложены высокими, почти запретительными пошлинами. Они добивались иногда прямого запрещенія ввоза нѣкоторыхъ товаровъ; такъ, Эдуардъ III запретилъ своимъ подданнымъ носить одежду изъ иностранныхъ матерій. Такая протекціонистская политика вызывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что промышленность развивалась не въ одной только Англіи: во всѣхъ европейскихъ странахъ она начала расти очень быстро, и результатомъ этого часто являлось перепроизводство, товары не находили себѣ сбыта внутри страны, приходилось искать вышнихъ рынковъ. Въ этой торговой борьбѣ особенно дѣятельное участіе принимали на сѣверѣ Европы Англія и Голландія, на югѣ—Италія, хотя, конечно, и другія страны были также въ большей или меньшей степени втянуты въ нее.

Широкое движеніе крестовыхъ походовъ было въ значительной степени вызвано стремленіемъ открыть европейскимъ товарамъ свободный путь на Востокъ.

Наиболѣе дѣятельныя сношенія съ Востокомъ поддерживали крупные торговые города Италіи: Пиза, Венеція, Флоренція и Генуя. Вообще итальянскіе города умѣли очень искусно добиваться въ разныхъ странахъ правъ и привилегій для своихъ купцовъ. Венеція, на примѣръ, торговала и съ Византіей, и съ Венгріей, и съ Арменіей, и

съ Германіей, а кромѣ того, съ странами дальняго Востока—Индіей, Китаемъ и т. п. Ея торговые корабли путешествовали по всѣмъ извѣстнымъ морямъ. Генуя мало отставала отъ нея въ этомъ отношеніи, у нея были постоянныя торговыя сношенія съ Константинополемъ, съ Сиріей, съ Египтомъ. Мало того, генуэзскіе купцы купили небольшой участокъ земли у крымскихъ татаръ, основали въ Крыму свою факторію и вели дѣятельную торговлю съ Россіей и черезъ нее съ средней Азіей.

Флоренція и Пиза, съ своей стороны, мало въ чемъ уступали Венеціи и Генуѣ. До самаго открытія Америки, измѣнившаго направленіе міровой торговли, итальянскіе города росли и богатѣли, развивая все шире и шире свои торговыя и финансовыя операціи.

Франція въ средніе вѣка и въ торговомъ, и въ промышленномъ отношеніи развивалась довольно туго. На сѣверѣ ее подавляли Англія и Голландія, на югѣ Италія. Одинъ только Марсель поддерживалъ торговыя сношенія съ востокомъ, вообще же ви́шняя, наиболѣе выгодная торговля была развита слабо. Французскимъ купцамъ пришлось довольствоваться торговыми оборотами внутри страны, а они никогда не могли давать такихъ колоссальныхъ барышей. Внутренняя торговля въ средніе вѣка происходила преимущественно на ярмаркахъ, которыя стали устраиваться въ западной Европѣ вскорѣ послѣ паденія римской имперіи. Во Франціи особенно знаменитыя ярмарки происходили въ Тарасконѣ, Бокерѣ, Марселѣ, и Шампаньи. Онѣ сопровождались всегда большими празднествами и религіозными церемоніями. На время ярмарки въ этихъ городахъ организовывалось цѣлое специальное ярмарочное управленіе. Товары приливали туда со всѣхъ концовъ страны и крупные покупатели—сеньеры, монастыри, богатые горожане предпочитатели дѣлать всѣ свои закупки на ярмаркахъ.

Въ Германіи еще со времени Карла Великаго было основано нѣсколько большихъ ярмарокъ—въ Гамбургѣ, Магдебургѣ, Эрфуртѣ, Ахенѣ и т. п. Но все-таки крупныхъ коммерсантовъ мало привлекалъ этотъ родъ торговли, они предпочитали пускать свои капиталы въ болѣе выгодную ви́шнюю морскую торговлю. Конечно, эта торговля была сопряжена съ большимъ рискомъ, но съ теченіемъ времени рискъ этотъ все же уменьшался, а барышъ получался все такой же. Главная опасность морской торговли заключалась въ постоянныхъ нападеніяхъ пиратовъ всѣхъ національностей. Купцы старались оградить себя отъ нихъ путемъ охранныхъ грамотъ, которыя они доставали по возможности отъ всѣхъ приморскихъ странъ. Но грамоты эти помогали далеко не всегда, такъ какъ не всѣ пираты признавали надъ собою власть своихъ государей. Болѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ ними являлось устройство союзовъ торговыхъ городовъ, вродѣ Ганзейскаго союза. Города, вошедшіе въ составъ Ганзы, заключили между собой договоръ, по которому ихъ союзный флотъ обязывался преслѣдовать всякій корабль, напавшій на одно изъ ихъ торговыхъ судовъ. Дѣй-

ствительно, ихъ сильный флотъ держалъ въ страхѣ пиратовъ тѣхъ морей, гдѣ плавали ганзейскіе корабли. Кромѣ того, мало-по-малу европейскія государства стали учреждать у себя по взаимному соглашенію должность морскихъ консуловъ; на ихъ обязанности лежало разбирать всѣ дѣла, возникающія при морской торговлѣ, и немедленно привлекать къ отвѣтственности своихъ подданныхъ, занимающихся морскимъ разбоемъ и нападающихъ на суда союзныхъ государствъ.

Положеніе матросовъ и другихъ служащихъ на корабляхъ тоже стало понемногу упорядочиваться. Раньше они находились въ полной безконтрольной зависимости судовладѣльцевъ и командировъ, но потомъ договоромъ въ Висби, принятымъ большинствомъ европейскихъ государствъ, имъ были даны нѣкоторыя права. Такъ, капитанамъ кораблей запрещено было пускаться въ плаваніе, не спросивъ предварительно согласія экипажа. Жалованье матросовъ тоже было опредѣлено закономъ и судовладѣльцы обязывались оказывать помощь матросамъ, пострадавшимъ на службѣ имъ. Въ общемъ правила для судорабочихъ напоминали нѣсколько позднѣйшіе уставы цеховъ.

III. Торговля въ новое время.

Границею среднихъ вѣковъ принято обыкновенно считать взятіе турками Константинополя (1453 г.), и дѣйствительно, въ этому времени въ жизни западной Европы произошли нѣкоторыя довольно существенныя измѣненія. Во-первыхъ, восточные рынки послѣ этого въ значительной степени закрылись, и европейскимъ товарамъ приходилось въ иныхъ мѣстахъ искать себѣ сбыта; во-вторыхъ, тысячи мастеровъ, художниковъ и писателей хлынули изъ Византіи на западъ и распространили въ Европѣ знакомство съ греческими произведеніями и идеями; наконецъ, въ-третьихъ, къ этому времени въ самой Европѣ уже подготовилась почва для нѣкоторыхъ перемѣнъ въ соціальной жизни. Городскія общины постепенно приобрѣли независимость, попутно съ этимъ сильно развилась и до нѣкоторой степени освободилась отъ средневѣковыхъ стѣсненій промышленность, расширилась и окрѣпла торговля, главнымъ образомъ, крупная морская торговля.

Переворотъ, начавшійся съ XV вѣка въ европейской жизни, былъ очень великъ, но никакъ нельзя сказать, чтобы средневѣковый духъ, весь, цѣликомъ внезапно умеръ отъ соприкосновенія съ древне-греческой цивилизаціей. Напротивъ, многія характерныя особенности средневѣковой жизни сохранили силу и жизненность вплоть до великой французской революціи, а нѣкоторыя даютъ себя чувствовать и до нашего времени. Протекціонизмъ, на которомъ создалась и выросла средневѣковая промышленность и торговля, продолжалъ до революціи считаться непремѣннымъ условіемъ промышленнаго роста страны. Въ сферѣ торговли соперничество между различными европейскими государствами все обострялось и каждое стремилось оградить себя, изо-

брътая новыя стѣсненія и ограниченія. Даже внутри государствъ шла таможенная война. Каждая французская провинція облагала всѣ товары особыми вывозными и ввозными пошлинами, и Кольберъ тщетно пытался установить по крайней мѣрѣ одинъ общій тарифъ. Только двѣнадцать провинцій приняли его предложеніе, остальные стояли на своемъ. Кольберъ, думавшій въ началѣ понизить пограничныя пошлины и высказывавшійся даже за свободу торговли, подпалъ въ концѣ концовъ подъ вліяніе общественнаго мнѣнія и довелъ протекціонизмъ во Франціи до крайности. Таможенная война съ Голландіей превратилась въ настоящую войну со всѣми ея обычными послѣдствіями.

Совокупность протекціонистскихъ мѣръ, введенныхъ Кольберомъ внутри страны и на границахъ, принято называть кольбертизмомъ; подъ этимъ названіемъ подразумѣвается слѣпой, мелочный и крайній протекціонизмъ; но въ сущности эта политика далеко не создана Кольберомъ, она является прямымъ наслѣдіемъ среднихъ вѣковъ, которое много пережило министра Людовика XIV, и въ наши дни еще не совсемъ сошла со сцены. Конечно, теперь не осмѣлились бы, какъ въ 1694 году, запретить употреблять для платьевъ пуговицы, обтянутыя шерстяной матеріей, и повелѣть употреблять исключительно шелковыя пуговицы, чтобы открыть сбытъ для національной шелковой промышленности. Но въ менѣе грубыхъ формахъ покровительственная система продолжаетъ примѣняться во многихъ государствахъ.

IV. Морскія экспедиціи.

Благодаря развитію протекціонизма, торговля между европейскими государствами все болѣе и болѣе затруднялась. А въ то же время подъ охраной того же протекціонизма промышленность даже въ оставшихъ странахъ развивалась очень быстро. Голландскія и итальянскія мануфактуры стали повсюду встрѣчать соперниковъ. Надо было сбывать куда-нибудь свои товары. А между тѣмъ торговля съ Востокомъ сильно затруднялась, турки мало-по-малу вытѣснили оттуда и венеціанцевъ, и генуэзцевъ. Приходилось искать новыхъ рынковъ, и это было вполне возможно. Далеко не весь земной шаръ былъ извѣстенъ европейцамъ къ концу среднихъ вѣковъ, и далекія морскія путешествія были почти невозможны благодаря несовершенству мореплаванія, и, главное, незнакомству съ рулемъ и компасомъ. Торговыя суда предпочитали держаться вблизи берега, а среди моря ихъ единственнымъ путеводителемъ была полярная звѣзда. Но къ концу среднихъ вѣковъ эти неблагоприятныя условія стали мало-по-малу измѣняться. Прежде всего введенная итальянцами система страхованія отъ несчастныхъ случаевъ придавала въ значительной степени отважности мореплавателямъ, а попутно съ этимъ рядъ полезныхъ изобрѣтеній сдѣлалъ и въ дѣйствительности морскія путешествія менѣе рискованными. Отъ китайцевъ

европейцы заимствовали руль; отъ нихъ же, по всей вѣроятности, перешелъ и компасъ, который былъ извѣстенъ въ Европѣ еще съ начала XIII в., но сталъ употребляться только въ концѣ XIV в. Наконецъ, въ XV вѣкѣ была изобрѣтена *морская астролябія*, инструментъ очень несовершенный, но тѣмъ не менѣе дававшій возможность вычислять приблизительную широту мѣстности.

Всѣ эти изобрѣтенія дали возможность отважнымъ мореплавателямъ пуститься на изслѣдованіе новыхъ путей и открытіе новыхъ странъ. Въ 1492 г. Христофоръ Колумбъ вновь открылъ Америку, путь въ которую былъ забытъ европейцами со времени давнихъ путешествій скандинавовъ, посѣщавшихъ сѣверную Америку еще въ началѣ XI вѣка. За Колумбомъ послѣдовали другіе путешественники — Васко-де-Гама, Картье, Магелланъ; весь міръ былъ открытъ теперь европейскимъ товарамъ и предпримчивымъ искателямъ быстрой наживы. И въ духовной, и въ промышленной жизни Европы произошла цѣлая революція.

У. Колоніи.

Европейцы не замедлили воспользоваться новымъ поприщемъ, открывшимся для коммерческой дѣятельности. Въ Европѣ общность религіи, нравовъ, учреждений являлась все-таки нѣкоторымъ тормазомъ для полнаго расцвѣта всякаго рода спекуляціи. Во вновь открытыхъ странахъ никакихъ такихъ препятствій не существовало. Объектами выгодныхъ коммерческихъ оборотовъ являлись по большей части дикари и во всякомъ случаѣ не хрістіане. Они были недостаточно цивилизованы и опыты, чтобы оградить себя отъ ловкихъ маневровъ завоевателей. Съ другой стороны, съ ними, какъ съ язычниками, нечего было особенно перемониться; даже церковь не осуждала никакихъ крутыхъ мѣръ по отношенію къ нимъ. Напротивъ, она склонна была поощрять приведеніе ихъ къ полной покорности, лишь бы попутно имѣлось въ виду обращеніе ихъ въ хрістіанскую вѣру. Въ результатъ этого является уже совершенно беззащитная эксплуатація туземцевъ вновь открытыхъ странъ, приводящая сплошь и рядомъ къ полному ихъ истребленію. Возмутительное поведеніе испанцевъ въ завоеванныхъ странахъ служить только яркимъ проявленіемъ той политики, какой придерживались всѣ, безъ исключенія, европейскія государства въ своихъ колоніяхъ.

При включеніи одной американской области въ число владѣній кастильской короны, донъ Алонзо Ойеда обращается къ туземцамъ съ воззваніемъ. Въ этомъ воззваніи онъ говоритъ, что Тріединный Богъ, творецъ неба и земли, вручилъ всѣ народы во власть папы, а папа, съ своей стороны, передалъ Америку во владѣніе кастильскаго короля Фердинанда и Изабеллы. Американскимъ туземцамъ остается только повиноваться; если они будутъ покорны, то и его величество кастильскій

король будетъ къ нимъ милостивъ. «Но,—продолжаетъ онъ дальше,—если вы будете коварно уклоняться отъ повиновенія, я съ помощью Христа ворвусь силою въ вашу землю, я поведу съ вами жестокою войну, и я покорю васъ власти церкви и короля. Я обращаю въ рабство вашихъ женъ и дѣтей, я буду продавать или поступлю съ ними иначе, согласно желанію моего государя. Я завладѣю вашимъ имуществомъ и буду причинять вамъ всякое зло, какъ мятежникамъ, возмущившимся противъ законной власти. И я предупреждаю, что пролитая кровь и всѣ послѣдующія бѣдствія падутъ на васъ, а не на его величество, не на меня и не на служащихъ подѣ моимъ начальствомъ дворянъ».

Сложивъ съ себя посредствомъ подобныхъ заявленій всякую отвѣтственность, завоеватели считали свою совѣсть совершенно спокойной и поступали уже дальше, какъ подсказывала имъ жажда власти и наживы.

Единственнымъ принципомъ управленія колоніями была эксплуатація ихъ въ интересахъ метрополіи. Поэтому колоніямъ воспрещено было вести торговлю съ какимъ бы-то ни было государствомъ, кромѣ метрополіи. Имъ разрѣшались только нѣкоторые виды промышленности, другіе же безусловно воспрещались. Главное же вниманіе европейцы обращали на эксплуатацію естественныхъ богатствъ завоеванныхъ странъ и на эксплуатацію силъ мѣстнаго населенія. При этомъ завоеватели не проявляли не только гуманности, но даже простой расчетливости; они стремились тотчасъ же выжать всѣ соки изъ туземцевъ, не заботясь о томъ, что они быстро истощаются и гибнутъ и такимъ образомъ исчезаетъ самый объектъ эксплуатаціи.

Испанцы, а также и остальные европейцы-завоеватели заставляли туземцевъ обрабатывать землю, если она была плодородна, работать въ своихъ мастерскихъ, въ рудникахъ, наравнѣ съ каторжниками; не больше раза въ недѣлю ихъ выпускали на свободу къ ихъ семьямъ, давали имъ за это минимальную плату; а въ то же время европейскіе купцы продавали товары за неимоверно высокую цѣну. Въ Бразиліи, напримѣръ, цѣны всѣхъ товаровъ были на 45% выше, чѣмъ въ Португаліи.

Конечно, при такой системѣ американскіе индѣйцы начали быстро вымирать и тогда на смѣну имъ явились другіе, тоже даровые работники—африканскіе негры. И такая разбойничья политика господствовала вездѣ до конца прошлаго вѣка, а мѣстами практикуется и въ наши дни.

VI. Крупныя компаніи.

Систему безпорядочной эксплуатаціи туземцевъ вольными охотниками, переселявшимися туда изъ метрополіи, смѣнила мало-по-малу система крупныхъ колоніальныхъ компаній. Теперь уже не было надобности ѣхать въ колонію, чтобы поживиться на счетъ ея жителей; можно было, спокойно сидя на родинѣ, пользоваться барышами отъ торговли съ

колоніей. Для этого надо было сдѣлаться акціонеромъ какой-нибудь крупной компаніи, которая уже брала на себя всѣ хлопоты по эксплуатаціи колоніи. За это она получала исключительныя привилегіи; помимо нея, никто не имѣлъ права вступать въ торговые сношенія съ жителями даннаго района, отданнаго въ ея вѣдѣніе.

Сначала эти компаніи носили смѣшанный характеръ; онѣ организовались на средства нѣсколькихъ крупныхъ коммерсантовъ, но управляли ими правительственные чиновники. Потомъ онѣ приняли болѣе чистый видъ; онѣ составлялись и управлялись исключительно частными лицами, а правительство уступало имъ монопольное право торговли съ данною колоніей.

Первая изъ такихъ крупныхъ компаній была французская компанія *западной Индіи*, основанная въ 1664 году. Кольберъ далъ ей на срокъ лѣтъ привилегію вести торговлю въ Америкѣ отъ Ореноко до Новой Земли и въ Африкѣ отъ Зеленаго мыса до мыса Доброй Надежды. Вслѣдъ за ней организовалось еще нѣсколько французскихъ компаній—*сенегальская*, *гвинейская* и др.; главной задачей этихъ послѣднихъ компаній было поставять первой черныхъ рабочихъ по умѣренной платѣ 13 франковъ за одного негра.

Въ Англіи *восточная индійская компанія* была основана въ 1600 г., а въ 1602 году возникла въ Голландіи компанія *Великой Индіи*, которая получила право торговать за мысомъ Магеллана, вести войну и заключать миръ съ восточными князьями, основывать порты и крѣпости, назначать чиновниковъ и судей, однимъ словомъ, всѣ права самостоятельной державы. Эта знаменитая компанія повела блестяще свои дѣла; она никогда не упускала изъ вида своихъ главныхъ, т. е. коммерческихъ цѣлей, и подчиняла имъ всецѣло политическую сторону своей дѣятельности; она воздерживалась и отъ излишнихъ экспедицій, и отъ религіозной пропаганды. Съ 1603 по 1693 годъ она извлекала съ Индіи ежегодно отъ ста двадцати до ста шестидесяти милліоновъ дохода. Но эти чрезмѣрные барыши и погубили ее. Дѣла ея запутались и въ 1795 году она должна была ликвидировать съ большимъ убыткомъ. Но этотъ примѣръ не послужилъ ни для кого предостереженіемъ. Компаніи продолжали основываться чуть не ежегодно, приносили громадныя барыши акціонерамъ и кончали по большей части разореніемъ, доводя предварительно до полнаго разоренія эксплуатируемую колонію. Знаменитая англійская компанія *Восточной Индіи*, имѣвшая право монопольной торговли чаемъ, солью, опиумомъ и т. д., дошла до того, что въ погонѣ за наживой искусственно создала въ Индіи голодъ, стоявшій жизни милліонамъ индійцевъ. Къ подобнымъ же средствамъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, прибѣгали и другія компаніи и, конечно, въ концѣ концовъ такая политика приводила къ ихъ собственному разоренію. Въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ было организовано до семидесяти крупныхъ колоніальныхъ компаній, приносившихъ громадныя барыши и кончавшихъ полнымъ банкротствомъ.

Глава XX.

Заключеніе.

Съ самаго своего появленія на земѣ челоѣкъ жилъ всегда обществомъ. Но на первыхъ ступеняхъ жизни это общество представляло собой просто анархическую орду, изъ которой только постепенно выдѣлился первобытный кланъ или родъ, въ которомъ уже замѣтны нѣкоторыя зачатки общественной организаціи. Пока продолжался періодъ родового быта, идея о торговлѣ не могла зародиться въ мозгу нашихъ предковъ. Все имущество рода было общее, и, кромѣ того, не было ни скотоводства, ни земледѣлія, т. е. не являлось никакихъ предметовъ обмѣна. Промышленность ограничивалась производствомъ самыхъ грубыхъ орудій и оружія. Сосѣдніе кланы, связанные между собой узами отдаленнаго родства, составлявшіе вмѣстѣ одно племя, жили въ одинаковыхъ условіяхъ, изготовляли одинаковые предметы и тоже не имѣли товаровъ для обмѣна.

Отношенія между отдѣльными племенами складывались нѣсколько иначе; они жили иногда далеко другъ отъ друга, въ разныхъ климатическихъ условіяхъ и обстановка ихъ жизни нерѣдко бывала различна. Очень долгое время такія различныя племена не вступали другъ съ другомъ ни въ какія сношенія. Когда съ теченіемъ времени они стали сталкиваться, столкновенія эти носили преимущественно враждебный характеръ. Если одно племя желало овладѣть имуществомъ другого, скотомъ, женщинами и т. п., оно стремилось отнять это вооруженной рукой, мысль о возможности мирнаго обмѣна еще не приходила въ голову. Такое положеніе вещей мы видѣли у огнеземельцевъ, у австралійцевъ, у готтентотовъ.

Откуда явилась впервые идея обмѣна? Вѣроятно, она возникла изъ обычной дѣлать подарки. Подарки дѣлались и членами одного и того же первобытнаго клана и позднѣе ими обмѣнивались въ знакъ дружбы члены разныхъ племенъ. Подарки служили проявленіемъ гостепріимства, которое считается обязательнымъ во всѣхъ первобытныхъ племенахъ и существуетъ бокъ-о-бокъ съ постоянными грабежами и разбоями. Подарокъ, полученный кѣмъ-нибудь, неминуемо вызываетъ у него мысль о томъ, что и онъ, съ своей стороны, долженъ отвѣтить на него тоже подаркомъ; а отсюда уже одинъ шагъ до обмѣна. Взаимные подарки превращаются въ обмѣнъ по предварительному соглашенію.

Формы, въ которыхъ совершается этотъ первобытный обмѣнъ, тоже возникаютъ сами собой. Обмѣнивающіяся товарами стороны еще не привыкли встрѣчаться для мирныхъ сношеній, они предпочитаютъ избѣгать излишнихъ столкновеній, поэтому они естественнымъ образомъ прибѣгаютъ къ заглазному обмѣну; эта форма обмѣна почти всюду является самой первой. Съ перваго взгляда кажется, что любая изъ

сторонъ можетъ при такихъ условіяхъ злоупотреблять своимъ положеніемъ и захватить и свои, и чужіе товары. Но на самомъ дѣлѣ страхъ мести всегда удерживаетъ торгующія стороны отъ взаимнаго обмана.

Когда такимъ образомъ было положено начало торговлѣ въ самомъ ея первобытномъ видѣ, она уже стала развиваться самостоятельно подѣ влияніемъ различныхъ благоприятныхъ условій. Первымъ изъ этихъ условій было развитіе промышленности, совершавшееся не вездѣ одинаково. Разныя племена занимались разными ремеслами, и такимъ образомъ у нихъ являлись различные продукты, которыми имъ выгодно было обмѣниваться. Впрочемъ, на первыхъ порахъ едва ли не самымъ главнымъ предметомъ обмѣна являлся рабъ. Какъ только дикія племена перестали убивать всѣхъ своихъ плѣнныхъ, они начали обмѣниваться ими и у многихъ народовъ рабъ явился даже первою единицею обмѣна.

Но самымъ важнымъ условіемъ для быстрого роста торговли являлось всегда вліяніе болѣе цивилизованныхъ иностранныхъ купцовъ. Пока обмѣнъ происходилъ между племенами, стоящими, приблизительно, на одномъ уровнѣ цивилизаціи, онъ рѣдко принималъ особенно широкіе размѣры. Но стоитъ появиться среди дикарей челоѣку, стоящему много выше ихъ и имѣющему въ своихъ рукахъ вещи, совершенно имъ неизвѣстныя, какъ въ нихъ тотчасъ же просыпается жадность, желаніе во чтобы то ни стало овладѣть этими вещами. Они пытаются сначала просто присваивать ихъ хитростью или силою, но когда это не удается, они завязываютъ съ иностранцами правильныя торговыя сношенія. Обыкновенно эта торговля съ иностранцами происходитъ въ опредѣленные сроки и въ опредѣленныхъ мѣстахъ, т. е. начинаютъ устраиваться первобытныя базары или рынки, куда всѣ желающіе свозятъ свои товары и обмѣниваются ими между собою. Очень часто эти базары устраиваются въ пограничныхъ мѣстностяхъ и торгующія стороны являются на нихъ подѣ защитой вооруженныхъ людей. Подобныя базары мы видѣли, напримѣръ, въ Нубіи.

Именно на этихъ первобытныхъ базарахъ должна была впервые зародиться мысль о денежныхъ знакахъ. Прежде обмѣнъ совершался непосредственно; но теперь, когда товаровъ скапливалось довольно много, такой непосредственный обмѣнъ затруднялся. Не всегда покупатель могъ найти продавца, желающаго дать нужный ему товаръ въ обмѣнъ именно на его товаръ. Единственнымъ выходомъ изъ этого затрудненія было принять одинъ изъ общепотребительныхъ товаровъ за единицу обмѣна, такъ чтобы на данный товаръ можно было обмѣнивать любой изъ остальныхъ товаровъ. Роль такой единицы обмѣна играли въ началѣ украшенія, мѣха, потомъ матеріи, рабы, скотъ и т. д.

Изъ украшеній наибольшимъ распространеніемъ въ качествѣ единицы обмѣна служили раковины—*каурисы*. Шкуры животныхъ встрѣчаются только на самыхъ первобытныхъ ступеняхъ у тѣхъ народовъ,

которымъ еще совершенно чужда даже примитивная промышленность. Знакомство съ ткацкимъ ремесломъ немедленно вытѣсняетъ шкуры, мѣсто которыхъ занимаютъ матеріи.

Изъ предметовъ необходимости ролью денежной единицы очень часто является соль, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ добываніе ея сопряжено съ большими трудностями. По мѣрѣ знакомства съ металлами, эти послѣдніе начинаютъ очень быстро замѣнять въ этомъ отношеніи всѣ остальные товары. Ихъ красота, прочность, удобство перевозки и дробленія на части заставляютъ предпочитать ихъ всѣмъ остальнымъ денежнымъ знакамъ.

Знакомство съ деньгами даже въ такой примитивной ихъ формѣ производитъ сразу громадный переворотъ въ нравахъ и строѣ социальной жизни. Пока торговля совершалась путемъ непосредственнаго обмена, она не могла служить источникомъ большого неравенства между людьми. Люди приобретали только то, что было имъ непосредственно нужно, копить различные товары не представляло никакой выгоды. Но какъ только появились денежные знаки, такъ сейчасъ же проснулось желаніе накапливать ихъ—они представляли собой извѣстную силу, съ помощью которой можно было въ любой моментъ приобрести всякій товаръ, въ томъ числѣ даже трудъ или личность другого. Рядомъ съ этимъ явилась возможность увеличивать свое богатство, не производя никакихъ новыхъ товаровъ на продажу, а просто пуская въ оборотъ накопленные денежные знаки. Еще задолго до изобрѣтенія денегъ въ нашемъ смыслѣ слова ссуды подъ проценты уже широко практиковались. Папуасы, не знающіе другихъ денегъ, кромѣ раковинъ, перьевъ и цыновокъ, ссужаютъ уже ихъ подъ 100% годовыхъ.

Во всѣхъ первыхъ историческихъ государствахъ земного шара мы находимъ торговлю уже существующую, но во многихъ отношеніяхъ еще не далеко ушедшую отъ торговли дикарей. Многія стороны торговли въ варварскихъ государствахъ носятъ на себѣ явные слѣды тѣхъ первобытныхъ формъ, изъ которыхъ онѣ развились. Очевидно, торговля въ нихъ еще очень недалеко ушла отъ грабежа и разбоя, такъ какъ сословіе, специально занимающееся торговлей, нигдѣ почти не пользуется уваженіемъ. Торговля считается такимъ занятіемъ, за которымъ необходимъ постоянный и бдительный надзоръ правительственной власти.

Денежная система въ этихъ государствахъ тоже не далеко ушла отъ первобытныхъ мѣновыхъ единицъ дикарей. Повсюду почти роль денегъ играютъ слитки металловъ, которые должны взвѣшиваться при каждой сдѣлкѣ. А между тѣмъ, не смотря на несовершенства денежной системы, ростовщичество, а за нимъ и другія формы финансовыхъ спекуляцій развиваются чрезвычайно широко. Всѣ почти религіи борются съ этимъ назрѣвающимъ зломъ, но борются совершенно безуспѣшно. Исламъ запрещаетъ безусловно ссуды подъ проценты, еврейская религія не допускаетъ ихъ по отношенію къ единоувѣрцамъ, а между

тѣмъ ростовничество все растетъ и вмѣстѣ съ этимъ растутъ законныя права кредиторовъ. Кульминаціонную точку въ этомъ отношеніи представляетъ древнеримское законодательство, разрѣшавшее кредиторамъ дѣлить на части должника. Праго обращать въ рабство должника признавалось за кредиторомъ почти всѣми древними законодательствами.

Рядомъ съ этимъ развитіемъ спекуляцій росла въ варварскихъ государствахъ и промышленность. Но вездѣ она сохраняла еще форму мелкой семейной промышленности и находилась главнымъ образомъ въ рукахъ рабовъ. Развитіе промышленности давало возможность и торговлѣ приобретать все больше значенія, но на пути своего роста торговлѣ приходилась бороться съ многими неблагоприятными условіями. Первымъ изъ нихъ была боязнь и ненависть къ иностранцамъ, которою страдали всѣ варварскія государства. Вслѣдствіе этого торговля съ ними была обставлена всевозможными стѣсненіями, или же безусловно воспрещалась, какъ, напримѣръ, въ древнемъ Египтѣ. Тамъ, гдѣ внѣшняя торговля допускалась правительствомъ, иностраннымъ купцамъ назначался обыкновенно одинъ какой-нибудь портъ, или одинъ пограничный городъ, куда они могли привозить свои товары. Кромѣ этого, внѣшняя торговля, какъ морская, такъ и сухопутная, была сопряжена съ большими трудностями и рискомъ, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ путей сообщенія, несовершенства мореплаванія и обилія разбойниковъ и на сушѣ, и на морѣ.

Широко развитую и правильно организованную внѣшнюю торговлю мы встрѣчаемъ только въ Греціи и въ Римѣ, но и тамъ она далеко не свободна, только прежнія запрещенія и ограниченія замѣнены тамъ болѣе или менѣе высокими таможенными пошлинами. Наиболѣе высокими пошлинами облагались тѣ предметы ввоза, которые производились также внутри страны; сырые же продукты, особенно если въ нихъ чувствовался недостатокъ, совсѣмъ не платили пошлинъ. Вывозъ вообще былъ менѣе стѣсненъ, чѣмъ ввозъ.

Такой протекціонизмъ перешелъ отъ древнихъ государствъ и къ средневѣковымъ и оставался руководящимъ принципомъ экономической политики всѣхъ европейскихъ государствъ вплоть до конца прошлаго вѣка. И въ наши дни онъ еще далеко не вездѣ потерялъ значеніе. Благодаря этому протекціонизму, промышленность въ средневѣковыхъ государствахъ развилась очень сильно, а международная торговля была сильно стѣснена, такъ какъ внутри Европы товары европейскихъ государствъ съ трудомъ находили себѣ сбытъ. Открытіе Новаго Свѣта дало новое направленіе европейской торговлѣ. Весь міръ могъ теперь служить рынкомъ для европейскихъ товаровъ. Послѣ этого великаго переворота и промышленность, и торговля Европы вступили въ новую современную фазу существованія.